

БУРКИН ДМИТРИЙ

УРАТМИР

КНИГА I

ЗЕМНАЯ ПРИСТАНЬ

Я понял «Смысл жизни», но не понял,
почему он должен меня устраивать...

18+

Дмитрий Олегович Буркин

Уратмир: земная пристань

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23806025

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11120-2

Аннотация

Одна случайность – это случай, о котором можно рассуждать, как об уникальной непредсказуемости, либо же упёртой закономерности, но все случайности могут позволить людям вспомнить будущее.

Содержание

Глава: Начало, Так или иначе	7
Глава: Явление	14
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Дмитрий Буркин

Уратмир: земная пристань

Пытаясь объяснить, понять, представить окружающую нас Вселенную, люди делают, выносят и выдвигают различные, порой самые невероятные предположения. Затем, в стремлении истолковать сформулированные предположения, они прибегают к тем инструментам и процедурам, которые возникали и формировались в течение относительной эволюции, в проявлении определённого многообразия человеческой жизни. Фундаментальная последовательность пространства наук – математики, физики, химии, философии, астрономии, географии, экологии, биологии – сходится к познанию природы явлений. Сопоставление с реальностью происходит через цифру, цвет, формулу, фигуру, весы, циркуль, наугольник. Мы же предлагаем мысль, опосредованную через букву, слово, предложение и, наконец, эту книгу. Эксперимент над образцом: Что мы? Для чего мы? Что вокруг нас? Из чего всё? Зачем так, а не иначе?

Предисловие

А всегда ли та искренняя правда, которую мы гово-

рим, эта та правда, на которую мы способны?

Если Вы, чего-то здесь не обнаружили, это не значит, что здесь этого не хватает...

Умеренность в подходе может быть только *в том случае*, если есть другая альтернатива.

Тот, кто не знает «истины» – того, «истина» оставит там, где её нет.

Ведь этот разговор о таинственном «прошлом», где вообще-то люди тоже говорили о загадочном «прошлом», *как до них это делали многие предшествующие поколения* – ожесточённо продолжается на всех дискуссионных площадках.

К сожалению, «правда прошлого» будет такой, о которой скажут завтра, потому, что «завтра» возможность говорить будет у того, кто не умер вчера.

Незнание большинства освобождает от ответственности знающее меньшинство.

Иногда цена «слова» настолько велика, что не хватает в мире важных «поступков», уравнивать его на весах.

Поражённые умы поддались слабости «стадного рефлекса», первоиинстинкта – «вырваться на свободу», забыв, что только невежество позволяет чувствовать «себя» безвольным.

Нет ничего страшнее, чем узнать о своей «свободе». Русским может стать любой добрый и честный че-

ловек, но самое трагичное для русского, что «им» можно прекратить быть навсегда – лишь однажды поправ честь и правду.

На круглой земле нет первых и вторых, есть только «Тот», кто раньше или «Тот», кто позже...

Что может не случиться в мире, который уже случился?

Ты правдив в мире, где у правды есть возможность выбрать сторону, а это уникально...

От того, что ты настолько бесполезен, ты настолько бесценен!

Глава: Начало, Так или иначе

В этой истории есть сказка

Часть – Происхождение Вселенной

Спокойно спи, оковы на шее своей затяни,

Сомнения владельца своей души погаси.

Не бойся, во сне ты ходи,

Глаза трофею уже не нужны:

Хозяина ноги ведь на груди.

Узнаешь, что сон твой грядущий

Луной стерегущей,

Под небом бегущим

Обедом является культу орущих.

Мифы с ушей своих отряхни,

Рабской модели ты не служи.

Волей дорогу себе мастери:

Руками спасенье себе забери.

Не бойся, а просто строки эти прочти.

Затем погоди, и руками веки свои разотри,

Двери в рассвет отвори,

Глубже в свет себя погрузи.

Плотность из тьмы оставь позади:

Ведь знают они,

Что именно ты Владыка своей судьбы!

Какой-то старый, уставший и хриплый «Голос» пытается вызвать «Вас» на разговор, он словно скребётся в закрытую дверь. Он тянет из тебя что-то:

– Нет ручки, нет замка, есть много тишины, ты заперт без стены. Воочию: эти двери без петли. Ищи же ключи, и волю свою отвори. Меня к себе ты впусти.

Время демона начнётся тогда,

когда все всё понимают,

а сделать ничего не могут.

Великое событие, произошедшее до времени, до расстояний, до объёмов, до планет, до галактик, до света, до тьмы, до окраски миров в разные цвета, до радости, до боли, до белого и чёрного. Произошло то, что это впервые представил Инродверг – Великий Разум. Невообразимое количество совершенно невероятных мыслей в одно мгновение обуревали им, тем самым создавая то, что он представлял. Никто не знает и не помнит, место ли дало волю, или творец дал волю месту. Это было похоже на безумие, независимость физических обличий от самого пространства сдерживалось только

источником, которым был Он. Не было никого, но уже была возможность для всех...

*Внезапный взор того, чьё имя «нарекётся» божьим
Восславит жизнь, когда твердыню мрака усмирит
Настал он в час безмолвного терпенья, в пространство
полного забвенья*

Где пустота разумение сужденья, и света место погребенья

*Он Тот из мира полного свеченья, рассекий польною
смятенья*

И в миг без страха сожаленья он вторгся в новые владенья

*Секунда также смысл приобрела, а мысли ключья тьмы
делили, попутно разуму сулили, обдумать образ для значенья,
того кто жизнь «узреет» для творца*

Ещё один таинственный и незакономерный случай, произошедший в начале времен, обусловил ход течения всех удивительных событий, происходивших в дальнейшем на бесконечном и всё время рождающемся пространстве Вселенной. Этот так называемый «случай двух противоположностей» предопределил ту ситуацию, когда всё во Вселенной получило свой антипод: «хорошо» держало за руку «плохо», «белое» не было бы видно без «чёрного», «добро» не нашло бы смысл без «зла»; звук не был бы слышен без тишины. Этот случай был, словно насмешка Великого разума, который тем самым предложил пути в том месте, что он создал.

Но как мы знаем, каждый случай есть обратная сторона закономерности.

Одни из первых пробуждённых были титаны Эзох и Эхсах. Они – глаза, уши и уста Великого разума. Безропотные слуги, охранявшие границы вселенной до того момента, пока она рождалась. Вскоре, исполнив волю творца, исполнены отступили в сон.

Эзох стал первым веществом, в безмерном счастье обретаясь, по кругу тканью изрекаясь, инженерийно телом восклицаясь, заставил он себя восстать

Наружно выглядел угрюмо, глазами ясность познавал, распады гама-излучений посредством воли понимал...

– Отец, скажи, скажи зачем – губами медленно ворочая, дейтерий – третий размножая, квазары дланью убирая, гигант тихонько озирает ингредиенты для судьбы

– Ты знаешь, Эзох, кто и что! Тебе теперь судьбу блюсти, по галактическим законам, ты должен мрак остановить и пустоту предупредить

Следом была пробуждена Смерть. Никто, правда, не знает, как её настоящее имя, но каждый узнавал её, когда встречал, а также не ошибался в её имени при встрече. Она пребывала в мире с особой целью. Растворённый Хаос мог вновь восстать, а без смерти победить было невозможно. Те части Хаоса, отступившие «вне», тоже могли стать союзником неких губительных сил в самой Вселенной. А по их приглашению вновь попытаться забрать свои владения. Дав-

ным-давно, в стародавние времена говорили, что она есть во всех границах и за их пределами. Она идёт везде, где есть ей место... Рассказывали, что появилась она в странном мире. Который вроде когда-то и где-то был. Возможно, гибель была страшной карой для тех, кто погрязнет в своих неприглядных амбициях и решит, что мира ему уже мало...

Замысли такие появились сразу. Слишком грозны и могущественны были первые живые. Множественность, разность и большая противоположность сотворённой Инродвергом жизни, разбросанной им же на бесконечной территории космоса, привела к единственному на тот период виду взаимоотношений, называемых войной. Первые были сильны и могущественны. Их воля была независима от обстоятельств. Их право на вечную жизнь редко оспаривалось даже Смертью. Оппоненты были непримиримы, но что еще хуже, они были безжалостны к друг другу. Нежелание слушать друг друга, а зачастую простое стремление защититься, обезопаситься, убрав тех, кто считались опасными, непонятными, чьи устои несли угрозу для выживания другой противоположности, приводили к жесточайшему противостоянию.

Страшным истребительным войнам до полного уничтожения не было видно конца. «Белый мир», ведомый пятью Праотцами пяти основных этносов «Светлого мира», видел правоту своего мира всегда и везде. Упёртые и упоённые своим тщеславием и возможностями, хотели владеть и править, правит и владеть! По легенде, первым сотворённым во Все-

ленной «белым существом» был Генрорд, являя собой первейшее дыхание Инродверга. Его мудрость и старшинство никем и никогда не оспаривались, он правил миром Аквиума. Его братья – Праотцы – также были сотворены «Всеобъемлющим взором». Все они имели противоположности среди представителей «чёрного мира», и эти семь прасуществ именовали себя «Чёрными богами».

Целые галактики были поделены между дворами и свитами. Армии первых, имеющих грандиозную мощь, хищно дрались за каждую планету, за каждый кусок пространства. Слабые угнетались, а простаки выкорчёвывались жёсткой властью первых. Мечь застила глаза, а великая мудрость часто уступала великому желанию подчинить. В начале времен не было даже намека на учтивость между сторонами, интерес первых был сугубо инстинктивным. Наказать и доказать своё через колено. Интриги постепенно распространялись в первых мирах, а их изысканность порой была куда более безжалостной, чем непримиримая бойня. В то первобытное время всё возводилось в Абсолют, будь то цинизм либо давление. Постепенно первые становились более искушёнными в своих желаниях. Оголтелая война меняла форму. Достоинство становилось товаром, а дружба – торгом. Первичная ненависть уступала сплетням и заговорам. Подчинённые стали ресурсом, а власти стали желать все. Первородные предпочли за кулисы и тень – коварство и манипуляцию. Второсортным же было уготовано стать марионетками.

ми в гигантской игре. И лишь немногим счастливицам удалось увидеть призрачный взгляд кукловодов, который изредка сверкал из тьмы реального мира.

Шли вселенские года от сотворения мира... Пространство расширялось, рождались новые молодые миры. Губительные поступки эталонных неразумных творений Великого разума привели к событиям, которые кардинально повлияли на весь ход истории мира, сотворённого Инродвергом.

Глава: Явление

Часть – Уратмир

Глубокое будущее от начала времен. По прошествии многих событий... Земной «Час» пробил! Приблизительно наши дни. **Шестой вселенский год от сотворения Вселенной Инродвергом. Планета Земля. В галактике млечного пути.**

«Опять это сон. Опять этот голос! Этот смех». Мама всегда аккуратно будила меня. Свежий воздух ворвался с террасы и пробежал по моей кровати. День был солнечным, это радовало. Лето, вот бы оно не заканчивалось. Погружаясь в грёзы, мне постоянно видятся эти разговоры. Слава Богу, это опять просто сновидения... Окружающее было обыденным. Повседневность успокаивала, а бытовые тревоги сразу приводили в чувство. Мне уже много лет, а брюзжу я, как будто мне сто двадцать миновало.

А начало истории этой таково: Одной тёплой и мягкой осенью прошлого тысячелетия, а именно в первой половине девяностых годов, на стыке многих глобальных перемен, в огромной перемешке всяких разных эпохальных событий, родился я. Моё появление на свете произошло в самой огромной стране на планете Земля, которая называлась Союз Советских Социалистических Республик. Но сознательно пожить в этом государстве мне не удалось. С момента из-

данного мною первого крика страна советов просуществовала, де-факто, ещё несколько месяцев. Огромные потрясения, произошедшие с многочисленным и многонациональным населением этой гигантской страны, не могли не сказаться на бытовой жизни каждого человека, жившего в одном из пятнадцати государств, образовавшихся после распада Союза. Позже, я понял, что распад социалистического государства не принёс ежемоментного счастья бывшим республикам, получившим независимость от обдуманной зависимости. Подвергаясь ловкому подкупу, словам о сладкой жизни без братьев и сестёр, пошедших на поводу у лживых и льстивых шипящих языков, давших ложную надежду на счастливое будущее и «правду» в жизни, не стало лучше и великой «матери народов» – многонациональной России. Сами того не подозревая, чужеземцы разгадали самую загадочную душу. Комичность загадки русской души вовсе не в самой загадке, а в до смешного простом, но драгоценном слове – «правда». Превратная ахиня, пропетая внешними доброжелателями, была настолько изысканной, что оказалась непоколебимо «правдива». А уморительность ситуации в том, что «Русским может стать любой добрый и честный человек, но самое трагичное для русского, что «им» можно прекратить быть навсегда, лишь однажды поправ честь и правду».

К сожалению, никто не успел задуматься о шансах и о последствиях, никто не заглянул на шаг вперёд и на два на-

зад, чтобы на самом деле понять, какое будущее нас ждёт. «Поражённые умы поддались слабости «стадного рефлекса», первоиинстинкта – «вырваться на свободу», забыв, что только невежество позволяет чувствовать «себя» безвольным». Резкий упадок ценностей, безработица, инфляция, удорожание бесплатного, отсутствие жизненно необходимых товаров, бандитизм как единственный способ реализовать себя, полная безответственность, подача огромного количества разлагающей информации из-за предельного рубежа под абсолютно циничные доводы, которые оправдывают неизбежность этой химеры поведения развитостью человека – сделали своё гиблое дело. Вмиг к нам пришло страшное понимание, что обман был до нас, он с нами и будет после нас. Посредством этого коллапса солидарный человек Советского Союза был загнан в экономическую клетку. Ту клетку, которую не было видно, не было слышно – самую страшную клетку «свободы выбора потребления». «Нет ничего страшнее, чем узнать о своей «свободе».

В этот тяжёлый период проходило моё детство, но именно тогда было моё несказанное время. Я рос в замечательном городе, краевой столице Кавказского уединённого плоскогорья, в южном плодородном сельскохозяйственном регионе новой страны. Здесь не было жесточайших криминальных разборок с большим количеством убитых, постоянно пополняющих кладбища молодыми парнями, с бурлящей кровью и огромным желанием оторвать свой кусок, разбогатев

любой ценой. Причина некоторого спокойствия, несомненно, заключалась в малочисленности населения моего родного уездного городка, а также в большом количестве межродовых связей и тесной дружбе среди многочисленных знакомств большей части людей нашей тихой заводи в нестабильной молодой стране. Устойчивые традиции сельскохозяйственного региона и благоприятный климат не позволили территории скатиться к полному развалу. Напротив и вопреки неизбежному краху, мы были процветающим поселением с трудолюбивым населением. По большому счёту, город состоял из малоэтажного частного сектора, который занимал доминантную площадь всей его территории. В одном из таких районов – старинного частного сектора – я проводил своё беззаботное детство.

Моя семья на тот неоднозначный исторический момент считалась довольно обеспеченной и имела полутораэтажный коттедж возле леса. Наша улица была довольно удобной для жизни, всё домики, присоседившись, расположились напротив старого лесного массива. Между дремучим бузинно-дубовым лесом и постройками расположилась только полуторapolосная насыпь, представляющая собой дорогу из строительного песка вперемешку с камнями. Это была рубежная черта между миром природы и цивилизацией людей, служившая своеобразной бороздой, указывающей на околицу предместья. Сказочность этой тихой, одиннадцатидомовой улочке придавала её отчуждённость от основных переулков

«прилесного» района и тупиковость положения.

Родители дали мне довольно странное имя для того времени. Оно сильно отличалось от популярных. Но было как было и ничего другого быть не могло – меня нарекли Уратмир. А для своих я всегда был Уратиком, независимо от степени проделок, шалостей или непослушаний, что доставляло мне огромное удовольствие. Честно говоря, я был довольно озорным ребёнком и не все многочисленные родственники могли выдерживать мои постоянные «перлы». Только любимый дедушка обладал стальными нервами и терпел любые выходки маленького непоседы. Многим, кто его знал, казалось, что отец моей мамы вообще не может злиться. В любых ситуациях дед всегда оставался спокойным, уравновешенным и никогда не повышал голос. Нечеловеческое терпение и лаконичные речи делали его немного философом. Старший мужчина в нашей семье очень любил рассуждать, но иногда эти умосоображения приводили мою бабушку в бешенство, которая была полярной противоположностью деду, но никакая экспрессия не могла помешать «бабо» быть хорошей и справедливой.

Конечно, она не умела сдерживать, себя как дедушка или мама, в те моменты, когда я, неосознанно, по-детски игриво, выкидывал ту или иную озорную шалость, и только она могла привести меня в чувство. Баловался я, конечно, много. Некоторые необъективные соседи или близкие называли мое ребячество угрозой своей жизни. Они явно перебарщивали.

Ну, если по чесноку, то тут можно сказать, что с двух до восьми лет моё любимое выражение звучало так: «Суки все!!!». Да выкрикивал его мелкий разбойник иначе, а именно «Сьюкьки вьсе!». Сказывался очень нежный возраст болтуна. В зрелом возрасте моя обожаемая мной прабабушка поведала, что вообще это были мои первые слова, вместо «папа или мама». Я думаю она разыгрывала меня. В год и два месяца, лет, так, до восьми, я ну никак не мог знать их смысл и значение.

Не знаю и не помню, откуда взялось это высказывание, но на всех больших и малых семейных праздниках, где собиралось большое количество разных гостей, двоюродных и троюродных родственников, где царила эйфория праздника, счастья, улыбок, веселья, звонких тостов и сладких речей, я с огромным азартом, с ярко горящими глазами залетал в центр зала, запрыгивал на стул, привлекая таким образом внимание и стараясь получить свою публику, с детской непосредственной искренностью широко улыбался, а потом очень громко, чтобы все слышали, кричал: «Сьюкьки вьсе... Сьюкьки!».

Пока все присутствующие изумлялись «сочной правде», пролитой из уст младенца, я с диким визгом громадного удовлетворения удибал в безопасное место, где никто не мог меня достать. Это укрытие находилось под родительской кроватью. Громоздкая, огромная и несдвигаемая мебель, служила мне островком безнаказанности. Я залезал под неё и ни-

кто не пытался меня оттуда достать. А если кто и пробовал извлечь меня оттуда, то тут же получал порцию моей правды: «Сьюкьки! Сьюкьки вьсе!».

Наверное, родителям всегда после таких концертов, конечно, было очень стыдно. Их большие старания в деле моего воспитания, по идее, должны были привести к проявлениям уважения и мудрости. От них никто и даже я никогда не слышали ни одного плохого слова, и тем более, оскорбления. Конечно же, я и сам не помнил, откуда, где и когда мне удалось обогатиться таким деликатно острым сочетанием, смысл которого я ровным счетом не понимал.

Но вот, кого я помню точно, так это моего убойного дядю Андрея. Который был шаблонным авторитетом крутых девяностых. Он всем сердцем любил меня. И только он всегда был в восторге от моего коронного вывода. Пока гармония и идиллия в моей большой и дружной семье нарушалась, а праздник заполнялся тишиной, мой любимый, гармонизированный с тем временем дядя ржал так, что многим становилось не по себе. Даже где-то закрадывалась мыслишка, что это именно он ознакомил меня с таким жизненным открытием. Да, конечно, он не делал это специально, стоя возле моей коляски. Скорее всего, это были его всплески непонимания и негодования того экстремального времени, тонко подмеченные и скопированные мной. Мне кажется, что Андрюха стремился к краткости и непомерной ёмкости в своей речи. Тем более что устойчивость в подборе слов по

отношению к окружающим его прямоходящим людям была не самой сильной чертой. Он любил категоричные, краткие слова. Словечки типа: «Усохни, вшивый!», «Залепи дуло!», «Закрой будку!», «Чё ты чешешь, фраер!», «Давай разговор разговаривать!», «В ёлочку братик!», «В пень этого Павлика!», «Не парафинь, дядя» иногда мимолётно касались моих ушей. И чем меньше букв он употреблял в своих выводах о том или ином событии либо об окружающих его «персонажах!», тем круче он становился в моих глазах. Кульминация наступала тогда, когда дядя приходил к корню из трёх букв. Андрюхины так называемые «мысли вслух» с употреблением лишь «этого» одного корня, да добавления к нему только приставок, суффиксов, окончаний и эмоций делали его волшебником в оценке происходящего. Обычно, когда дядя доходил или его вынуждали становиться «гуру» краткости, маленького меня срочно и стремительно старались изолировать. Но такая отменная черта Эндрю, как «спонтанность» иногда давала мне шанс хоть немного узнать о загадочных «Лохах, разводимых на раз...», а также «Шерсти и шнырях».

Моя «жизнь» вряд ли отличалась от жизни других людей. Может быть, в ней были отдельные яркие моменты, которых не было у остальных, а может быть, моя «жизнь», как раз таки, и была особенной. Ведь то, что произошло со мной на двадцать седьмом году моего существования, было настолько неожиданно и нереально, что позволило мне, будучи уже довольно взрослым, но только по годам, человеком, пове-

рить в чудеса. Но до этого часа оставалось ещё двадцать два года.

Моё пятилетие. Как всегда тёплый, ярко-жёлтый солнечный день. Я смотрел из окна кухни в сторону леса, который напоминал золотую чашу. Каждый листик, опавший с озолочённых деревьев по малейшему дуновению ветра, напоминал лучик солнца. Между тем на наших часах в коридоре прокуковала кукушка четыре часа после полудня. Гости начинали стекаться на празднование моего очередного года жизни. Во дворе прибывающих встречали папа и «золотой» дедушка. Все норовили обниматься и приветственно чмокаться. Бабушки, тёти, сёстры, братья и разные гости считали своим долгом потискать меня, всячески обцеловать и сказать родителям о том, какой у них замечательный, прелестный и красивый ребёнок. Я всё это терпел из-за традиционных даров. На мой детский взгляд, самые никчёмные и дурацкие подарки приносил семнадцатилетний коллекционер—нумизмат — двоюродный дядя Вова. В тот день рождения он притащил мне — пятилетнему ребёнку — какую-то раритетную монетку иностранного государства, которую через два дня забрал, обменяв на конфету, и всё равно он был моим любимым эгоистичным дядей. На протяжении всей жизни, выкидывая всякие бредовые штуки, поступая по-идиотски, сначала что-то делая, а потом думая, он следовал своему жизненному кредо, а, может, и не «кредо», а просто два слова: «Главное — начать», которые произносил при любом

удобном, да и неудобном случае. Размышляя над крылатыми выражениями Вовы, я старался понять их серьёзность или же шутливость. В любом деле мой дядя—единоличник советовался только с одним чувством, которое никогда не подводило его и не создавало проблем — это «Лень». Она же диктовала одинаковый ответ на любые призывы действовать. Ну, например, я просил:

— Вов, ну давай построим шалаш...?

После тридцати секунд раздумья или неразумья этот не обделённый силой детина говорил:

— Главное... начать!

После этих крылатых слов, таивших загадку души дяди, Вова обычно куда—то испарялся. Когда же я его находил и повторял своё предложение, Вовчик пускал в ход другой взгляд на вещи, который звучал примерно так: «А... зачем?!».

Таким образом, я, да и все другие попадали в философский капкан, из которого никак не мог выбраться мой любимый, не утруждающий себя делами, с пудовыми кулаками дядя Вова.

В будущем я не раз удивлялся пытливости его ума. Дух эксперимента всегда жил в нем. К примеру, в студенческие озорные годы он легко мог выпить водки, пива и шлефанут это всё энергетиком для глубокого бодрствования, но потом азарт и поиск приключений приводил его к горсти снотворного, ведь он хотел выяснить, кто победит. «Уснёт ли Вова или будет бодр и свеж» — так, он разговаривал сам с собой.

Но в этом случае он упускал логику или логика упустила Вову. При смешивании таких ингредиентов обычно побеждает Смерть. Но не забываем, главное для Вовы – это начать...

День рождения продолжался уже четыре часа. У меня складывалось впечатление, что все собравшиеся взрослые, пришли не совсем на мой праздник. Было очевидно, что им интересней общаться между собой. А моя персона была даже не на третьем плане. И чем больше они выпивали, тем меньше обращали внимания на именинника. По убеждению взрослых, я должен был играть с детьми, распаковывая подаренные подарки, но это быстро надоело. Испытывая тоску, я вскоре стал искать своего обожаемого деда, который в это время был занят какими-то взрослыми беседами с отцом и двумя приятелями. Обнаружив его в гостиной за оживлённым и, по моему мнению, ненужным разговором, я начал тянуть его за руки, и при этом каждую секунду повторять: «Дед! Дед, ну дед! Деда. Дедь! Деда!».

Но он будто не слышал, и на все мои попытки хоть как-нибудь привлечь его внимание отвечал: «Да, да! Урастик! Да!».

При ответе «да» он даже не смотрел на меня.

Вскочив на большой гостевой диван, я начал высоко прыгать, дотягиваясь до уровня взгляда взрослых, чтобы они увидели и услышали мольбы ребёнка. Должного эффекта не последовало. На меня по-прежнему никто не обращал внимания. И вот в такие моменты я начинал действовать по наитию. Мной как будто кто-то начинал управлять. В голо-

ву приходили не самые лучшие идеи выхода из сложившейся неприемлемой ситуаций. Интуиция толкала к храбрости. Недовольно дую губы и прыгнув с дивана, я отправился в детскую покопаться в груде подаренных мне коробок. И наконец... Вот оно! Я радостно по-ребячьи захихикал. В моих руках был подарок моего родного дяди Андрея! В отличие от Вовы, дядя Андрей дарил самые убойные и нужные подарки. Но, к сожалению, или, к счастью, наверное, больше, к счастью, в этот раз это был детский дробовик. С «малышовой» точки зрения, он был огромен и пугающе шикарен. Вдобавок ко всему стрелял маленькими пластмассовыми пулями. Мои глаза блестели счастьем, а сердце трепетало от удовольствия! Ловким движениям я засыпал целую пачку шариков в обойму. С огромным трудом, оперев дробовик о пол, перезарядил его. Дети попрятались, они зря боялись. А вот толстый Жора, который был старше меня года на два и сильнее меня, не зря искал себе пятый угол. Этот борзый семилетка всегда искал в моих глазах страх. Раньше старшак остерегался, но прощупывал меня. Хотел прогнуть, но сталь не гнётся! Наглый колобок быстро включил заднюю, ему уже не хотелось ломать мои игрушки, и бычить на детей. Жора на раз осадил... Он врал родителям, что картавит и заикается. Только поначалу он поубегал по комнате и повключал дурака, типа чёта там «Мммм... Уууу... нее, не...» белиберда короче. Следом под дулом дробовика, он без одного дефекта каялся, что вел себя плохо. Но энтузиазм на-

правил меня в гостиную, где мирно беседовали папа, мыслитель—дедушка и много разных гостей. Визвавшись на диван, я опять начал прыгать, только на этот раз в моих руках был весомый аргумент в виде дробовика, пусть и игрушечного.

— Дед. Дед! — пару раз и не так громко повторил я. В моей интонации уже не звучало жалкого детского лепета, на который никто не обращал внимания. Я произнёс это с явным предупреждением. Но и сейчас «старый», как иногда называла его бабушка, не реагировал. Я перестал прыгать и громким пищащим, игривым ребячьим голосом прокричал свою любимую фразу: «Сьюкьки вьсе!».

Тут же все, кто был в гостиной комнате, замолчали и уставились на меня, но было уже поздно. Мушка карающего дробовика была наведена на дедову босую ногу. Все вокруг будто замерли. Я спустил курок...

Убегая из комнаты, я слышал много удивлённо—возмущённых фраз: «О боже! Коля, с тобой всё нармально? Кошмар, так напухло, пульку надо вытаскивать! Уратмир! Лови его! Как тебе не стыдно?! Коля, скажи хоть что—нибудь внятное...». Ну и всякое такое «бла, бла, бла», взывающее к моей совести.

Да, блин, мне было пять лет и это было игрушечное ружьё. Я же не знал, что оно пробивает плотный картон. Но громче всех — от боли — орал дед. Очевидно, он—то больше всех был удивлён и озадачен тем, что это случилось. Я же бежал в единственное место, где никто не мог меня достать — под

родительскую кровать. Так сказать, уйти от ответственности. За мной гнались многие, но, увы, не успели! Я юрко заскочил в своё убежище и оттуда спокойно слушал рассуждения о том, каким образом меня надо извлечь и сурово наказать. Стопроцентная уверенность в безопасности этого убежища пошатнулась, после того как в комнату протиснулся дядюшка Вова с предложением «медвежьей услуги» – извлечь меня из-под кровати. Получив единодушное одобрение взрослых, Вовик с нескрываемой гордостью в лице и видом репрессора миссии начал свою попытку по моей ликвидации. Наверное, именно в тот момент, когда каратель стал на колени и засунул свою ехидно улыбающуюся морду под кровать, стало понятно, что этот недоросль воспользовался своим первым любимым убеждением: «Главное... начать!». Всё резко изменилось после того, как несказанно противная улыбка добровольца в глубине подкроватья столкнулась не только с моим не испуганным взглядом, но и с дулом двустволки.

Я хорошо помню это растерянное лицо недоумевающего идиота, неожиданно понявшего, что героем сегодня ему не быть. Его физиономия сменила маску с довольной собой на плачевно просящую. Естественно, Вова понимал, что не успеет вытащить голову до того момента, как я спущу курок, – выстрел превратит его морду в давленную гранату; не думаю, что горе-соперник искал здесь плюсы, вроде тех, что шрамы украшают мужчину. В это время жаждущие расправы надо мной взрослые не понимали задержки результатив-

ности со стороны отважного рыцаря, который попытался вырыть яму другому. Через одно мгновение все уяснили, почему замер мститель, не лезший дальше. Последнюю надежду на лучшее убил мой возглас: «Сьюкья Вовка!».

После этого я спустил курок... Громкий хлопок и визг Вовчика, который вылетел из-под кровати, как чёрт из табакерки, и обескуражил всех. Дядя в ярости потирал темечко. Очевидно, именно тогда он придумал новую, ну, или дополнительную идеологию: «А... зачем!» и философский капкан замкнулся. Жаль, что Вован не придумал этих слов до того, как полез за мной под кровать. Шибко весёлая мимика взрослых, предвкушавших «нашлёпывание моей непрекосаемой мягкой ткани в области попы», так же разбавилась огорчением из-за провала раненого рядового волонтёра.

Утренник моего первого Нового Года в школе. Мне шесть. Это было очень важное событие. Первая учительница сказала, что настоящий Дед Мороз будет сам дарить детям подарки и все должны одеться в сказочные наряды или костюмы. Я был очень вдохновлён этим известием. Недавно посмотрев сильно понравившейся мне фильм про Зорро, я во всём стремился ему подражать – чертил везде знак «Z», постоянно делал попытки сделать себе такой же наряд, и понятно, что с выбором новогоднего костюма проблем у меня не было. На празднике перед всеми предстанет «борец за правду и справедливость – Зорро»! Естественно, этим жела-

нием я поставил в тяжёлое положение маму, которая, в отличие от меня, понимала сложность реализации данной идеи. На помощь, как обычно, пришёл мой любимый дедушка Коля, который был мастером на все руки... Иногда мне казалось, что дед своими руками может сделать всё. Отчасти, это была чистая правда, и он действительно был творческим человеком, да и как оказалась потом, ему было по плечу сделать и шляпу могучего Зорро и его чёрный, как ночь, плащ.

Родные трудились над этим костюмом несколько суток, вышивая и склеивая разные детали. В результате к назначенному дню всё было готово. Всё получилось замечательно, и я никак не мог наглядеться на себя в зеркало. В этот вечер кот Мурзик подвергался грандиозным спасениям из критических и безвыходных ситуаций. Странно, но почему—то именно в тот день беды сыпались на него, как из рога изобилия, судьба водила его по самому лезвию. Но я-то знал, что бедняге нечего бояться, мне почти всегда удавалось выручать кота. В тот же вечер к нам пришёл мамин брат Андрей, который постоянно дарил мне всякие классно—забойные подарки. Как выяснилось позже, его появление было судьбоносным. После того как первая эйфория от моего внешнего вида прошла, я вдруг понял, что Зорро не хватает шпаги. Это требование было тут же озвучено родным. И действительно все они, и мой дядя Андрей, сошлись во мнении, что «Зорро без шпаги – это как машина без руля!». Мама с дедушкой ещё не успели подумать о том, как и из чего сделать

эту шпагу, а дядя, с присущим ему даром стопроцентного убеждения, начал вспоминать о бурной юности, о занятиях фехтованием на рапирах, и само собой, предложил свой тренировочный снаряд молодости для завершения образа. Мои ещё не успели встретить это предложение в штыки, а дядя продолжил лаконично сыпать утвердительными доводами в пользу своего предложения. Он говорил о том, что любая палка – это несерьёзно! Настоящий мужчина, такой как я, должен иметь реальный кинжал, то есть его рапиру, и что если уж делать, то «внатуре!», «по–пацански сердито!».

У меня светились глаза от «реальных» жестикуляций «лихих нулевых» моего дяди. Доводы мамы о тяжести снаряда он отмёл сразу, предъявив конкретно серьёзный аргумент в свою пользу о том, что рапира легче сабли и шпаги. Дядя ловко демонстрировал словесно все плюсы: «Даже со стандартной рапирой тренируются девушки! А вес снаряда не позволит часто поднимать рапиру и утвердительно махать ей, как какой–нибудь лёгкой палкой, которая как минимум обязательно оставит тучу синяков у тех, кто окажется на стороне зла!». Меня немного расстраивало заявление Андрея по поводу того, что рапира будет в кожаном чехле, да ещё и с каким–то хитрым замочком на рукоятке. К концу своих убедительных выражений крутых сгибающих лохов девяностых: «Да ты чё!», «Гну, согну и выгну», «Всё реально!», «Если чё, решим любой вопрос!», Андрюха добавил: «Ну, и мы строго настрого запретим Уратику доставать её...».

Последняя фраза смазала всю убедительность представленных весомых аргументов и рассмешила не только меня, но и маму с дедом. Тут Андрей понял, что сказал глупость. Немного посмеявшись, они согласились с вариантом дяди.

На следующий день я с нетерпением ждал холодного безмолвного «клинка правды», карающего «злые силы». И вот, наконец, вечером в правую руку Эндрю была вложена «мстительная ярость моего решительного и бескомпромиссного пути борьбы со злом». Он никак не хотел отдавать её мне, а я был готов бороться за неё до конца. Всеми силами пытался забрать это чудо у Андрюхи, но у меня ничего не получалось.

В момент разгара детских капризов подошла мама и хлёстким поставленным хлопком ладони по моей попе быстро, но на время, отбила моё доблестное желание вонзить этот клинок в какие-нибудь, по моему необъективно избирательному мнению, тёмные силы. Сложив губки коробочкой, я с жалобным и ищущим виновных лицом ретировался в свою комнату. Пока мои родные осматривали на кухне клинок, я ждал своего часа.

И вот он настал. Ко мне в комнату зашёл дядя с мечтой в руках. Я, естественно, был обижен и старался не обращать на него внимания. Подойдя к кровати, Андрей ловким движением двух пальцев, расстегнув замочек, вытащил рапиру. Этот славный и такой сладкий звук жгучей стали тут же убил во мне всю обиду. Мы долго рассматривали эту дивную вещь. На свой страх и риск дядя даже разрешил ею пома-

хоть. Я тут же констатировал, что держать рапиру действительно было нелегко. Кое–как мне удавалось носить её двумя руками, но это ничего не меняло – чувство удовлетворения переполняло меня. В детских руках было могучее оружие для борьбы за справедливость.

Пришло время праздника. Костюмы одноклассников – лисичек, зайчиков, медведей, докторов, военных лётчиков – меркли на фоне грозной персоны «Реального отпора силам зла». Я видел их слабость, чувствовал испуг при виде чёрного мстителя в маске, защитника слабых и обиженных. Я шёл гордо и уверенно. Мой плащ таил в себе загадочность, шляпа приманивала взгляды, но больше всего внимание всех привлекала рапира, которая таинственно и осторожно волочилась по полу. Оксана Николаевна беспокоилась больше других. Она видела в этом предмете недобрый знак. Вообще, она часто ругала «борца за справедливость», который в свою очередь подозревал её в заговоре с тёмными силами. Это нередко заставляло меня выходить на тропу войны. И только к концу начальной школы я понял, что она просто хотела защитить себя и детей.

Классная тут же бросилась к моей маме, которая каждый год была Снегурочкой. Она действительно была Снегурочкой, по крайней мере я так думал до того момента, пока верил в Деда Мороза. После того как мама уверила Оксану Николаевну в безопасности рапиры, было получено добро на проведение праздника и близкое общение детей с Зорро.

Всё было замечательно, праздник шёл на «Ура!». Нам было очень весело и хорошо, мне удалось на время забыть о своём оружии, которое вместе с поясом осталось лежать в коридоре на скамейке, рядом с ёлкой. Я был бдителен, но «шайтана», как иногда выражался мой дядя, пока не замечал. Единственное, что меня смущало в этом празднике, так это подозрение на подлинность Деда Мороза, который мало того, что долго где-то «лазал» и мы целых полчаса хором звали его, так он ещё и обладал поразительным сходством с нашим физруком, Виктором Петровичем, которого я всегда причислял к вурдалакам.

Мы беззаботно бегали возле ёлки, всё было прекрасно. Пришло время получать подарки. После стандартной процедуры вопросов к каждому из нас: «хорошо ли мы вели себя весь год?», когда все, естественно, отвечали «да!», мне показалось, что как минимум многие лукавили или же жёстко обманывали праздничного деда. Ну, может быть, кроме Маши, та точно была святой, её родители были из религиозной семьи. Предстоящий вопрос «морозного старика», конечно, тревожил меня. В голове всплывали возможные «косяки». Надежда была лишь на то, что родители прощали меня, а мама должна была договориться с «волшебным старцем», ведь она была Снегурочкой и всегда дарила мне подарки. Как говорил дядя: «Коны были налажены», а «мазы базар фильтровать не было». У меня был ещё один козырь – я выучил стишок, который, как я знал на тот момент, был непробиваемой

картой в вопросе о подарке. Но случилось худшее...

Дедушка Мороз не то что не задал мне вопрос, не говоря уже о стихе, песенке, танце или частушке, он даже не подошёл ко мне. Я не получил вожделенную награду.

Все были с подарками и радовались, а я в шоке от произошедшего шёл к скамейке, на которой лежали мои вещи и холодное оружие. Время для меня текло медленно. Я был подавлен и обескуражен таким коварством. Какой-то омерзительный визг «радостного зайки», больше похожего на дохлого, ну, или обезумевшего от бешенства кролика, заставил меня обернуться. Увиденное расставило всё на свои места. Я заметил наклонившегося псевдодеда, который ковырялся в своём мешке. Наибольший интерес представляли штаны ненастоящего Лжемороза, проглядывавшие из-под разреза шубы. Сомнений не было – это явно были спортивные трико Виктора Петровича с неприятным белым пятном внизу правой штанины, приросшие к нему с рождения – он всегда в них ходил. «Всё!.. Ясно!..» – это был заговор. Я был обманут. Казалось, что и мою маму тоже обманули. Святой гнев и жажда справедливости помогли мне вспомнить, как дядя открывал рапиру. Моментально я взял её двумя руками и стал похож на средневекового рыцаря, участвующего в рыцарских турнирах на конях, с прижатым копьём под мышкой. После того как край рапиры был нацелен мной в область мягких тканей физрука, я начал разбег. Воткнув рапиру в ягодицу Виктора Петровича, тем самым заставив его разо-

гнуться и немислимо заорать, я громко произнес своё любимое выражение «победителя злых сил»: «Сьюкькьи! Вьсе!».

Праздник, естественно, был испорчен. Приезд скорой и волнительные кривляния Виктора Петровича с торчащей рапирой из его «причинного» места навевали тоску. Ну и откуда ребёнок мог знать, что ему, несомненно, подарят подарок и даже лучше, чем у других, просто чуть позже – после прочитанного стиха на бис...

Лето текущего года. Семнадцатое июня. Жаркий, добрый и светлый день. Вкусный запах бисквитного пирога пробудил меня от глубокого сна. Отправившись на кухню, надеясь вкусить фирменную шарлотку мамы, я был разочарован. Сладкого с утра не разрешили и заставили есть крошку. Если бы знал об этом раньше, спал бы дальше. Пока я ел, к нам пришли соседки – мамины подруги. Они оживлённо обсуждали какую-то странную тему о том, что по нашей тихой лесной улочке зачастили ходить очень подозрительные мужчины. Одна мамина подруга называла их цыганами, жившими аж на другой стороне леса и промышлявшими сбором металлолома, а другая считала их обычными пьяницами без определённого места жительства. Выглядели они подчёркнуто подозрительно. Незамысловатые рассуждения сходились в одном: эти часто появляющиеся люди были непривычны для нашего тупикового места.

Естественно, я стремился быстрее доесть эту ненавистную крошку и поскорее выйти во двор, где меня ждал самый

лучший друг Радул. Выбежав в передний двор, я громко закричал: «Радуль! Радуль, ко мне! Где ты?!».

Через пару секунд преданный пёс мчал ко мне с искренне радостной мордой. Я обожал его, а он любил меня ещё больше. Радул напоминал мне огромного бурого медведя, как рисованного в азбуке в картинках. Помню, когда папа принёс его домой ещё совсем маленьким щенком, он уже тогда был больше нашего кота Мурзика. Отец всегда хвастался нашей собакой, говоря о том, что Радул – кавказская овчарка чистейших кровей и редкого окраса. В этих словах папы заключалась абсолютная правда. Ко всему прочему, по специальной методике папы, в рацион питания обязательно входило свежее ароматное мясо. Хороший уход и любовь к животному взрастили красивого и до неприличия огромного пса. Становясь на задние лапы, Радул был на голову выше довольно высокого отца. Дикий и ужасающий вид скрывал очень добрый нрав, поэтому никто из соседей не боялся его. Послушный и воспитанный пёс никогда не ел из чужих рук. Радул брал корм только из моих или папиных рук.

Во время праздников и вечеринок отец любил устраивать цирковые представления с участием собаки. Обычно гости выходили во двор и папа открывал вольер Радула, конечно же, те, кто был у нас впервые, впадали в панику. Но после нескольких секунд отчаянья люди видели, что спокойный и отрешённый Радул и не собирался выходить из открытого вольера, оставаясь индифферентным к происходящему. Че-

рез мгновение этого безразличия у гостей менялись чувства – с ужаса на радость и смех, а ещё через секунду люди оживлённо начинали спрашивать: «Почему пёс так спокойно сидит в вольере и не пытается выйти?». В ответ папа подзывал Радула, привыкшего к такого рода представлениям. Пёс без особого энтузиазма, не обращая внимание на приглашённых, с огромной уверенностью, важной неспешной походкой подходил к отцу и безукоризненно выполнял все возможные команды.

Под восхищённые вздохи и ахи папа с Радулом исполняли свой коронный трюк: отец бросал огромный, вкусный, сочный стэйк мяса на асфальт прямо под нос собаке, при этом не давая ей никаких команд, и предлагал гостям зайти домой для продолжения веселья. Через полчаса все опять выходили во двор и, к несказанному удивлению гостей, мясо, как ни в чём не бывало, лежало на том самом месте, куда бросил его отец. Радул беспечно ходил по двору, будто бы этого вкусного куска вообще не существовало. Отец гордо улыбался...

Затем отец окончательно сражал гостей тем, что предлагал кому-нибудь взять этот кусок с пола и предложить лакомство домашнему питомцу. Как правило, никто из новеньких, даже за мешок зелёных бумажек и после всяческих убедительных уверений отца о полной безопасности, не решались на принудительно-добровольную экзекуцию. Отец опять подзывал к себе гигантского пса и кивком головы с подтверждающим словом: «Возьми!», разрешал собаке по-

ГЛОТИТЬ СОЧНОЕ ЛАКОМСТВО.

Но вернёмся в сейчас. Моё ласковое утро после навязанной окрошки.

Подбежав ко мне, пёс кинулся «лизаться», но, к счастью, сразу выполнил команду: «Фу! Сидеть...».

Теперь я спокойно мог вытереться и придумать совместную игру. Единственное, кого Радул не мог терпеть, так это пьяных незнакомых людей. Вообще запах спиртного вызывал у него отвращение. Пёс никогда не подпускал к себе выпившего или любого воняющего алкоголем.

Прошла неделя. Тихий субботний вечер. Я вернулся домой после уличных прогулок. Мне в глаза бросилась такая картина: в зале было много соседей, опять обсуждающих вопрос о каких-то странных зачастивших на нашу улицу «пришлых». Собравшиеся были очень встревожены. Сосед дядя Женя говорил, что в районе за последний месяц обокрали два дома и это, конечно, настораживало наш импровизированный совет улицы. В конечном итоге после дружного голосования было решено: «Срочно вызвать милиционеров при очередном появлении в нашем оазисе загадочной тележки для проверки находящихся в ней подозрительных личностей». Но даже после собрания «Совета домов» опасений меньше не стало. Следующий день получился странным и скомканным. Мои родители целое утро готовились к за-

крутке банок томата на зиму. Отец собрал крутильный прибор – ну, это такое хитрое изобретение, состоящее из дрели, ручной мясорубки советского времени и пластмассовой бутылки, обрезанной определённым образом, и приготовился к переработке помидоров в томат. Мама вышла во двор и с недовольным видом «напихала» папе за недокупленные ингредиенты к купорке. Эта оплошность ставила под угрозу срыва грандиозную работу. Сначала было решено поехать за недостающими ингредиентами, но потом вспомнили, что дом оставлять нельзя, а я, как охранник, был ещё мал. Да и ещё в тот день стоял нетерпимый зной и, как говорила мама: «Ребёнку в машине может напечь голову и возить малыша по такой жаре нельзя!». Ко всему прочему отец вынес во двор много дорогостоящих вещей, а заносить их обратно было делом очень хлопотным. Один он ехать отказывался, так как уже провалил первую попытку, приобретя не то, что нужно. Ну, можно сказать, нужного он вообще не купил. И тут на стыке нереальности найти правильное решение этой проблемы, к нам пришёл мой дядя Вова. На тот момент он встречался с Кристиной – одной из дочерей наших соседей через три дома слева от нас. Естественно об этом никто не знал: ни мои родители, ни бабушка, ни дедушка – отец Вовы, ни, конечно же, близкие Кристины. Эта была тайная любовь, но об этом знал я! Частые пришествия Вовы к нам не были обусловлены чрезмерным желанием провести нашу семью. Вована заставляла передвигаться, игнорируя свою лень, вот

это вот скорее всего: Феромоны Кристины, продукты внешней секреции девушки, обеспечивающие Вовику, как особи ярко самцового вида физиологическое влечение. Так в энциклопедии вычитал, вроде. Это были чёткие, тайно выверенные шаги «инкогнито–ухажёра» к тихим и бесшумным встречам с пределом своих желаний. Конспирация обуславливалась тем, что девушка была очень приличной, из культурной семьи очень хорошего боксёра дяди Гены. Кстати, братьев Кристины, старших своих сыновей – Олега, Дмитрия и Никиту, дядя Гена тоже приучил к боксу с детского возраста. Стараниями Геннадия Сергеевича из них выросли отличные спортсмены: сильные и крепкие ребята, которые очень любили свою сестру и никогда никого к ней не подпускали на расстояние выстрела. Ну, был один парень, попытавшийся в открытую познакомиться с привлекательной Кристиной, но всё закончилось печально – реанимация, полная амнезия и девушка забыта. Тот разговор братьев с парнем–неудачником состоялся на нашей улице. Я стал невольным свидетелем этого короткого, но интеллигентного и корректного общения. Никита толкнул этого беднягу в плечо и сказал: «Ты сейчас же забудешь мою сестру! Понял!».

Паренёк не растерялся и отважно ответил: «Я не смогу забыть Кристину!».

Ответ был неверен. И когда парень очнулся в травматологии, он не только забыл Кристину, он даже забыл Никиту и всех тех, кто имел развитые навыки чечётки, пританцовы-

вая на нём и его несговорчивости. Вова, естественно, знал об этих нюансах встреч с заманчивой особой и о трепетной ревности, перетекающей в болевые ощущения. Но, как мы помним, у Вовы был лозунг: «Главное... начать!». А в этом случае, ко всему прочему, им двигали зашкаливающие гормоны любви. Эндорфин всегда заставлял Вовку действовать немедленно и отточено или отчаянно! Но где хочется, там и колется... И, действительно, дядя перед каждой встречей с дамой сердца старался всё хорошо продумывать. Сначала он звонил ей из дома и согласовывал мелкие нюансы, именуемые Олегом, Дмитрием и Никитой, на момент их встречи. Затем он приходил к нам домой и уже непосредственно вблизи от объекта ждал последнего сигнала «Дом пуст». После этого осторожный, но очень жаждущий донжуан «рвал когти» к ней. Летел, как курьерский поезд! Если честно, я не совсем понимал, чего так боится мамин младший брат, который был гораздо больше её братьев, да и силой Бог его не обделил. Тем более, совсем недавно мой дядя в дружеском поединке выиграл в одну калитку нокаутом у одного из Кристиновых братьев. Весь наш огромный район, по пацанским меркам, ставил Вовчика достаточно высоко. Но, наверное, парень всё-таки опасался гнева дяди Гены – как-никак, мой выстрел чему-то научил его.

Не понимая всей предыстории корыстных посещений, мой отец, увидев кузена, сиюминутно изрёк гениальную идею – предложил родственнику часок присмотреть за мной

и домом. Естественно, дядя согласился. Складывалось такое ощущение, что он даже не понял, о чём его попросил мой папа. Вован просто тупо согласился и быстро прошёл в дом, чтобы телефонным звонком предупредить Кристину о том, что он уже на старте и ждёт её отмашку. То бишь готов форсировать расстояние разлуки. Я всегда знал, что голова у него находится на уровне тазобедренных суставов и даже как-то заменяли друг друга, да что там – он этим местом всегда думал.

Мои родители радостно и быстро собрались. Перед отпавлением они пару раз крикнули Вове, что уезжают. Это была жалкая попытка призвать дядю к ответственности. Отец всё-таки получил какой-то скомканный отрешённый ответ через горячее сопение: «Ага!». Сейчас Вовкой руководил окситоцин, а его мысли уже давно были в объятиях благоухающей «мадмуазели». Дежурный по апрелю безошибочно мог выполнять только команды Купидона и своего желудка. Буквально через несколько минут после отъезда родителей истекающий слюнями парень, получив долгожданный условный знак от Крис, выбежал со двора, захлопнув за собой калитку. Через пару секунд, задыхаясь, он примчался назад. Как оказалось, для невнятного и тихого наказа: «Ну, ты, тут давай! Никуда! Ну, ты понял, не баловаться!». Несвязные слова, очевидно, были для дяди платой собственной, и так слепой, совести.

Я походил по двору. Делать мне было нечего. Услышав

томное завывание моего Радульчика, я тут же рванул к вольеру. Пёс был несказанно счастлив своему освобождению. Ну, наконец-то, мне перестало быть скучно и страшно. Несколько минут хватило на любимую игру в камазовскую покрывку, которую он так любил швырять, разрывать и тягать по двору. Через пять минут покрывка была разорвана в клочья, которые валялись по всему двору. Папа, конечно, поднимет бучу и крик по этому поводу, но не на меня – виноваты будут Вовка и Радул, а поэтому можно было спокойно, от души веселиться и громко смеяться, наблюдая, как Радул ловко управляется с огромным колесом. Неожиданный громкий стук по забору и в калитку заинтриговал меня. Радул насторожил уши и направился за мной к воротам. По мере приближения всё чётче слышались какие-то незнакомые хриплые мужские голоса. Тихо подойдя вплотную к добротной изгороди, окружающей наш дом, я громко спросил: «Ктё там?!».

Незнакомый голос взрослого мужика осипшей интонацией ответил: «Ребёнок! Позови родителей!».

Продольно глубокая речь тревожила и пугала меня, насмешки, доносящиеся снаружи, мне также очень не нравились. Дома никого не было, и я ответил, сказав правду: «А никого дома нет, родители уехали».

Минутку пошептавшись, люди за воротами стали пытаться заглянуть к нам сверху, но забор был очень высок и им это никак не удавалось. Такие быдличные действия явно удивля-

ли Радула, который с непробиваемым спокойствием наблюдал за этим беспределом. В его глазах читалось недоумение.

— Мальчик, нам нужна вода, мы хотим пить! Дай нам, пожалуйста, воды. Или открой калитку, чтобы мы сами воды набрали!

Я вопросительно посмотрел на Радула, будто спрашивая: «Можно или нет?». В морде пса не было ответа на мой вопрос. Он был совершенно спокоен. Очевидно, от него мне передалась уверенность, и я ответил: «А калитка открыта!».

После этих слов люди за забором бросились её открывать. Странно и то, что Радул также рьяно бросился в ту же сторону. Я заметил небольшую странность в поведении Радульчика. Обычно, когда к нам кто-то приходил, он, подбегая к калитке, вилял хвостом, а здесь Радул тихо и ужасно рычал, скаля свои огромные и острые клыки. Не знаю, может быть, эти непрошенные, испытывающие жажду гости были пьяными? После того как наша калитка отворилась, какой-то дядя неприятной наружности удивлённо упёрся в огромную физиономию недовольного и озлобленного пса. Именно в этот момент мне стало понятно, что наш любимый питомец не такой уж ласковый и нежный зверь. В голове всплыли слова дяди Андрея, который называл нашу собаку: «Лютой машиной для убийства». Да, и теперь мне стало понятно, зачем папа сделал «милому Радульчику» такую массивную клетку из длинных железных труб, как у белых медведей в нашем городском зоопарке. Громкий крик незнакомого противно-

го мужика напоминал панику, множимую на истерику. Радул трепал его как камазовское колесо. Моментами мне казалось, что происходящее – это спецэффекты из фантастического фильма про Зорро. Два других непрошенных гостя бросились на повозку. Заметив это, Радул рванул за ними, издавая дико–рыкающие тигриные звуки. Я вышел на улицу, чтобы посмотреть на того дядьку, с которым играл Радул, но он, как мог, быстро улепётывал прямо по улице на одной ноге, держа другую в руке, а может, это был просто ботинок со штаниной.

Радул, в свою очередь, ударом головы перевернул повозку, тем самым подбросив вверх двух оставшихся бедолаг. После чего он принялся за мужика с осипшим голосом, который, кстати, не мог громко кричать и прикольно шипел. Видя этот хаос, лошадь с перевёрнутой телегой бросилась в лес, а я первый раз наблюдал наше домашнее животное на фоне лошади. Не знаю, может, это была не кобыла, а пони, но в сравнении с ней наш пёс казался весьма внушительным. Пока Радульчик трепал «сиплого», другой «гость», понимая неотвратимость своей участи, пытался упросить меня отозвать этого зверюгу. Этот дядя был похож на ненавистного мне физрука и даже прихрамывал также. Поэтому я произнёс свои любимые слова: «Сьюкьки вьсе! Радьдюль фась!».

Этот человек был сильно удивлён моей детской недружелюбностью. Через несколько минут, после того как внушительный пёс окончательно вселил страх и ужас в этих дядек

и вытребал из них весь дух, а неуспевший за лошадьёу стал карабкаться на дерево, я, наконец—то, отозвал собаку: «Пойдём, Радуль, нам тут не рады!».

Он сразу же принял команду к сведению и с довольным видом отправился во двор. Папа мог поругать нашего спасителя, ведь псу было запрещено выходить на улицу без взрослого хозяина, поэтому мы зашли вместе. Через пятнадцать минут, как ни в чём не бывало, пришёл Вова, «довольный до соплей». Зайдя домой, он сразу же направился в кухню, спросив между прочим: «Что за куски хлама валяются на улице?». А я ответил, выгораживая обожаемого питомца: «Там всё так и было, просто ты был так занят, что даже не заметил». Конечно, Вова согласился с этим достоверным утверждением. После нескольких недель, прошедших с момента этого события, мама, будто невзначай, спросила у папы: «Слушай, помнишь, после нашего сбора по поводу этих странных незнакомцев, которые уже так всех пугали. Помоему, их и след простыл?».

На что отец пошутил: «Если они ещё раз появятся, я им Радула покажу!».

Эти слова сначала вызвали смех у меня, а потом и у моих близких.

Весна следующего года. Сладкий аромат фиалок, усеявших всю площадь видимого леса, возбуждал память и естественным образом заставлял двигаться: выходить гу-

лять, танцевать, бегать, просыпаться от зимней спячки. В один из таких прекрасных дней, под несмолкаемое разноголосье птиц, постоянно перемещающихся по лесной расцветающей зелёной гуще, моя родня готовилась к проведению шестидесятилетнего юбилея всеми любимого дедушки Коли. Всё было прекрасно! Погода шептала нам о своей благосклонности, мама с бабушкой убрались в доме и заботливо накрывали праздничный стол. До прихода гостей у них было полно времени. Размеренно текущая работа с ровным ритмом приготовления создавала массу позитива.

Время шло... Я гулял со своими друзьями, но, естественно, все мои мысли были о вечернем празднике и, самое главное, о том торте, который бабушка принесла утром. Всё подходило к тому, что вот-вот начнут собираться гости. Мы с друзьями сидели в лесу на пеньках. Это своеобразное место сбора всей многочисленной молодёжи нашей улицы. Почти каждая семья, живущая в «прилесных» домах, имела не меньше трёх детей. Исключением были только мои родители в силу своей молодости. Так что у меня было много разновозрастных знакомых.

Нас, дружащей ребятни, было человек пятнадцать, из них девять девчонок и шесть мальчишек, включая и меня. В этот яркий день, сидя на пеньках, мы как обычно играли в «Имена». Внезапно старшие братья Марины испортили нам это смешное времяпрепровождение. Появление этих здоровяков с товарищами, естественно, принудило нас перебазиро-

ваться на лавочки возле дома Наташи. Ну, и как обычно, скорее даже буднично, за старшими братьями Марины на нашу уютную, любимую полуполянку набежало большое количество молодых людей от шестнадцати до двадцати лет. Это совершенно чётко указало нам, «мелким», что туда уже не вернуться.

Громкий рык мотора «Мерса» моего двоюродного дедушки Александра заставил всех, кто был на нашей улице, посмотреть в ту сторону. Сначала из-за поворота показался яркий насыщенный синий свет фар, а затем с небольшими пробуксовками выкатил дедушкин «мерен». В то время такой аппарат, укомплектованный чёрным кожаным салоном и оборудованный спутниковым телефоном, был сравним с летающей тарелкой. Мобильных телефонов в ту пору вообще почти ни у кого не было, а если и были, то их вид напоминал кирпич, да и функции у них были схожи – такой прибор был не только для связи, но и годился для самообороны. Таким образом, эта машина была просто «космос» или роскошная колесница, приковывающая к себе взгляды.

По-видимому, как я понимал, за рулём сидел не дедушка Александр, а мой дядя Вован – его сын. Об этом свидетельствовали резкие, привлекающие к себе внимание всплески ревущей мощи мотора от судорожных нажатий на педаль газа. Когда Вовке разрешали покататься на этой «тачке», он становился как минимум князем, подтверждая своё благородное происхождение лучшими вещами своего гарде-

роба, напаянными на себя. В такие моменты Вовино вождение отличалось удивительной медленностью передвижения по любой дороге. Он не ехал — он катился с высоко поднятым подбородком и постоянными экстремальными нажатиями педали газа впустую — ради «понта». И вот они, наконец, докатились до нашего двора. Из машины вышли дедушка с бабушкой, а Вова специально немного задерживался. Он был одет только в чёрно-белые тона: кристально натёртые туфли, отглаженные брюки, белую рубашку, кожаный с огромной бляхой пояс, шахматный в тёмных тонах галстук, чёрный крокодиловый пиджак. Создавалось ощущение, что Вова возглавляет бандитский клан. Пафосно звучит, но гонщик в прямом и переносном смысле шёл так, как будто только что избежал тюрьмы, уйдя от погони десятка машин правоохранителей. Интересно так, но мне хотелось назвать его Доминик, ерунда какая-то, но именно это латинское имя крутилось на языке, когда Вовик, выходя из машины, хоронил банальную серость окрестностей. Генерируя крутизну одним своим присутствием, ночной хулиган добавлял себе очки решительности неприлично большим крестом на шее. И почему я до сих пор удивлялся!

Я подбежал к дедушке Саше. Он поднял меня на руки и поцеловал. Тут же на встречу вышел мой папа и любимый дед Коля. Они обнялись, посмеялись и потом папа пригласил их в дом, а Вова должен был зайти за Кристиной. Кстати, к тому времени он уже официально встречался с ней и был

её бойфрендом или «бойбрендом». Я тем временем побежал обратно к детям ещё немного погулять. Вовик воздушной криминальной походкой направлялся к большой группе молодых ребят. Разинув рты, они с удивлением смотрели сначала на машину, а потом на дядю, потом опять на машину, а потом на ключи, которые Вован, не выпендриваясь и, тем не менее, выглядя нескромно, нёс на указательном пальце будто потому, что просто элементарно забыл положить их в карман. Завидев «Великолепного Вовчика», к нему навстречу из толпы открытых ртов сразу же выбежал самый большой подхалим нашего района Павлик. Он остановил моего дядю, поздоровался и, играя на публику, говорил ему всякие псевдосмешные вещи, с которых сам же и смеялся. «Высокомерному гангстеру» было параллельно как на Павлика, так и на его нелепые попытки продемонстрировать дружеские отношения с ним. Вова искал способ избежать близкого контакта с представителями знакомой группы молодёжи, каким-то образом пройти мимо, без крепких рукопожатий с каждым из них. На лице дяди было написано: «Блин, такая толпа, да я замучаюсь с ними со всеми здороваться и костюм помну», но тут его лицо изменилось. В один миг пафосным жестом, скрестив руки в замок над головой, он произнёс: «Привет всем!». На что в ответ услышал разобщённые: «Привет!». В этой лени, выпяченной «фельдеперсовости», пренебрежении к окружающим был весь Вова. Он даже не хотел тратить свои бесценные секунды на приветствия. Павлуша пы-

тался ещё что-то договорить, но «Крёстный отец» неуклонно, подчёркнуто значимо приближался к калитке Кристины, и та не заставила себя ждать. Буквально в одно мгновение она впорхнула в объятия «главного бандита» района. Дядя опять посмотрел на вмиг замолчавшую толпу приятелей и явно, чтобы потом ни с кем не прощаться, произнёс: «Не прощаемся!».

Потихоньку все собрались. День рождения набирал обороты. Я прибежал домой. Увиденное в прихожей мне очень понравилось: рядом с пиджаком Вована висела кобура с пистолетом. Мне даже не пришлось подумать: «Откуда он взял ствол?». Это было то самое оружие, за которое королю понта и так сильно влетело. Спасло его тогда только то, что это был травмат, а «Хамста» интерпретировал его как невинную игрушку. Но особо заикливаться мне на нём было некогда, так как очень хотелось попробовать праздничного торта. По моему мнению, я пришёл именно к тому моменту, когда его уже должны были разрезать, но, увы, чай и сладкое ещё не подавали... Попытки выклянчить у взрослых кусочек кулинарного шедевра заканчивались ничем. В лучшем случае я получал ответ в виде: «Подожди, сладкое будет чуть-чуть позже». Меня, естественно, это не устраивало, и чем больше ответов «нет» я получал, тем сильнее меня это бесило.

Хамское и наплевательское отношение всех к моим желаниям невообразимо раздражало детскую личность. Зайдя в гостевую спальню, я обнаружил своего любимого дедушку,

который мило беседовал с друзьями и на все мои просьбы: «Деда, торт. Деда!», он в лучшем случае что-то лебезил. В этих невнятных наборах звуков угадывался «отвод меня на второй план». Больше всего сердило то, что игнорировались мои интересы. Это были последние капли моего терпения. В особенности я не переносил, когда мои требования пропускал мимо ушей любимый деда Коля, пусть и не по своей вине. Упёртые взрослые даже не хотели смягчить свои категоричные отказы. Они вовсе не пытались сблизить со мной свои позиции для точного понимания дальнейших действий: «Когда будем есть торт!», «Хватит ли его всем!», «Буду ли я первым его пробовать!», «Я хочу сейчас!», «Почему нельзя сейчас!». Неприемлемость, отсутствие гибкости, неясность, дремучесть, пищерность выводов – всё это приближало фатальность моего дальнейшего поведения.

Ситуация приближалась к апогею. Меня уже начали раздражать все звуки, слышащиеся в нашем доме, а их, к сожалению, было очень много. Громкий неистовый смех моей троюродной тёти Зины напоминал лошадиный ржач, причём явно бешеной, больной, в порывах предсмертной агонии кобылы. Народные напевы, которые исполнял на кухне дедушкин друг с мукомольного завода, Геннадий Петрович, напоминали мартовские мотивы кота Мурзика. Всё это великолепие вскипятило мою детскую психику «донельзя». Я целенаправленно, с ярко светящимися глазками, с громадным азартом, предвкушая будущие потрясения, шёл в прихожую,

где висел интерпретированный Вовой игрушечный ствол. К слову сказать, это была последняя халатность взрослых в отношении моей персоны. В дальнейшем даже пластмассовая вилка в моих детских руках считалась «оружием массового поражения». Пока мистер крутой, закрывшись в одной из детских спален, мило обнимался с Кристиной, я уже проходил мимо этой комнаты с «пушкой» в руке. Двери нашего дома были сделаны из непрозрачного тёмно-коричневого рябого стекла, поэтому Вова смог увидеть проходящую маленькую тень с пистолетом в руке. Естественно, он выглянул в коридор, но увидев мои пламенно-шаловливые глаза, тут же решил не связываться с неоднозначной ситуацией. На вопрос Кристины: «Что случилось?», Вова, захлопнув дверь, сказал: «Да, показалось!». Здесь дядя воспользовался своим вторым жизненным кредо: «А... зачем!».

Забежав в гостиную, я произвёл ожидаемый фурор на всех присутствующих. На этот раз все явно понимали, чем могло кончиться кипящее сочетание меня с пистолетом. Я же был счастлив!... Наконец-то, эмоциональная, с перебором, тётя Зина прекратила громко ржать и на её лице уже не было бессмысленной улыбки. Теперь в нём превалировали тревога и разумные мысли о сохранности своей целостности и здоровья. Сначала именно она огорчала меня сильнее всех. Но в момент, когда я сильно жмурился и трясущимися руками водил пистолетом из одной стороны зала в другую, громкий, пронзительный, неприятный возглас Геннадия Петро-

вича словно бросил вызов моему пистолету и поманил меня к себе. С криком: «Сьюкьки вьсе!», – с ещё большим азартом во взоре рванул в кухню.

Никто из гостиной не успел даже выбежать в коридор, они только успели услышать мою речёвку о правде происходящего. Громкий выстрел и хриплый крик мартовского кота, плюс некоторым удалось заметить мальчика, забегающего в родительскую спальню.

Я как обычно укрылся в своём любимом убежище. И в этот раз уже никто не пытался доставать меня оттуда. Наученный горьким опытом дядя Вова, присутствуя в толпе, собравшейся у родительской кровати, сразу высказал свою мысль: «Ну, вы чё! Туда лезть – это просто самоубийство! Лучше вообще отсюда выйти, там ещё целая обойма! Сам потом вылезет!». Помню, после этих событий я целый месяц сидел дома. Ну, а в конечном итоге торта я так и не получил.

Вышеописанные события свидетельствуют о том, что я рос очень озорным ребёнком. Все мои шальные выходки являлись следствием простой гиперреактивности, – как говорил маме невролог. Но, несмотря на всё, я был очень добрым.

Время шло... Интересным был тот факт, что до самых моих четырнадцати лет я имел практически братские, родственные отношения со всеми девушками как на нашей улице, так и во всём нашем районе. Наверное, это было связано с тем, что, по мнению большинства особ противополож-

ного пола, я был похож на девчонку. Все они находили во мне сходство с плюшевым медвежонком. Согласиться с такой постановкой вопроса было невозможно, но мне это никак не мешало. Поэтому я без особого энтузиазма отбивался от их всевозможных сюсюканий. Они всегда возились со мной как с маленьким. В моём кругу общения были девчонки повзрослее меня на три – четыре года. На нашей улице почти все соседи были очень дружны. Это позволяло мне иногда ночевать у подружек, устраивавших девчачьи вечера.

Вся наша улица была практически одной семьёй. Кстати, я был единственным парнем, который мог находиться на законной территории девчонок и быть полноправным участником весёлых поночёвок. Знаете, я даже был такой гарантией в вопросе проведения такого рода посиделок. Не знаю почему, но родители любой из моих подруг или в шутку, или всерьёз, давая девочкам согласие на их очередную сходку, всегда спрашивали: «А с вами Уратик будет?». У меня было двойное впечатление от этих «ночёвок». В первом случае мне это напоминало пресно-ванильную сходку с листанием всяких журналов, обсуждением и промыванием костей всех молодых парней предсвадебного возраста по нашему району. Именно из-за таких посиделок я стал обращать внимание на то, какие ногти у Андрея, правда ли они обкусанные. Или же, правда, что кривые и жёлтые зубы Артура отпугивают людей, и есть ли шансы у Ванечки, о котором без умолку целых полгода трындычала Вика. Из её рассказов о том, как они

друг другу подходят и какие у него волосы, зубки, глазки, ушки, ножки, бархатные ручки, я чётко понимал, что шансов на Ванечку у Вики нет! Мне приходилось слушать о многих вещах, о которых я даже не задумывался. Например, от Кристины я узнал, что ноги моего дяди Вовы неприятно воняют, а Лигас, когда улыбается, похож на кролика. Несмотря на кучу минусов, в «ночёвках» были и несомненные плюсы, влияющие на моё второе мнение. Оставаясь дома без родителей, девчонки пекли тучу сладких блюд. В такие минутки моя персона была центром всеобщего внимания – я изображал знающего эксперта, снимая пробу первым.

В общем, с ними было весело. Мы могли делать котам причёски. Особенно от наших дизайнерских идей пострадал кот Ксюши – Барсик. Ему вообще пришлось пережить перекраску из белого в синий цвет. В дальнейшем это каким-то странным образом сказалось на его самооценке, ну, по крайней мере, так говорила Крис. Мы часто бились подушками, играли в прятки, салки – так что с девчонками всегда было по-своему интересно.

Такая близкая дружба с противоположным полом давала мне особые условия в общении с пацанами-старшаками, которые были гораздо взрослее меня. Ребята видели, что я часто проводил время в кругу девчонок, так сказать, «на выда-нье», и многие ребята хотели получать от меня сведения о своих объектах воздыхания. Самые большие дивиденды от такого рода разведки выпадали ближе к моим тринадцати го-

дам, когда особая дружба с ребятами постарше ставила мою школьную личность в особые условия, заключающиеся в хорошей защите как в доме знаний, так и в любых вопросах на улице. Если честно, приоткрою тайну – все рассказы «горе-рыцарям» о том, что слышно в кругу «красна девиц», были как минимум полной неправдой. Ну, а что я должен был говорить, например Кириллу, когда такой безумно влюблённый, крупный мордоворот, с бедовыми кулаками, с честными и искренними глазами поджидает тебя с отвисшим подбородком. Он ждёт, чтобы получить ответ, ну, на такой, прямо скажем, не особо сформулированный вопрос, типа: «Э-эй, малый! Иди сюда! Тэ-э, это! Ну, там, Свету знаешь? Ну, в общем. Это... Может, там...».

Обрывая его, и не давая Кириллу особо напрягаться в таком пикантном и деликатно тревожном вопросе, видя, что ему легче кого-нибудь просто задушить сейчас, чем выдавить из себя ещё хоть несколько слов, я, естественно, спасая свою жизнь, опытом понимания сути желаний не только Кири, но и всех ему подобных «горе-кавалеров», отвечаю: «Кири, всё понятно! Я узнаю, как она относится к тебе, и что она о тебе говорит...».

Этим ответом я снимаю напряжение не только с костолома, но и сохраняю себе здоровье. А дальше происходило вот что: я должен был перефразировать мало разумному, но крепко бьющему здоровяку прямую речь Светы: «Блин, Наташ, ну какой Кирилл? Я вообще не уверена, что он умеет

говорить. Единственное, знаю точно – он понимает язык обезьян. У него даже выражение лица, как у гориллы, – никогда не поймёшь: радуется он или ему плохо. А руки?! Это не руки! Это лапы медведя. Нет! Даже если бы он был последним оставшимся парнем на Земле, всё равно нет!».

Ну, вот примерно такая точка зрения была на тот момент у Светы. Мне же предстояло сказать влюблённому гиббону что-нибудь позитивное и, естественно, я нагло врал: «Кирилл, знаешь, всё хорошо. У тебя есть все шансы!».

После моих недвусмысленных слов он был счастлив как ребёнок, а я оставался целым и невредимым. Примерно также приходилось врать и всем остальным горе-воздыхателям. Получая от меня «обнадеживающие слова» ребята типа Кирилла делали тупые провальные попытки глупейших подкатов. Было смешно смотреть, как их жёстко и в грубой форме отшивали молодые особы. А многие даже после моего, в кавычках «положительного расклада», всё равно боялись и не делали никаких попыток сблизиться с объектом обожания. В действительности же те, кто совершал феерические попытки признаться в чём-либо, проваливаясь, хотели надавать по моей брехливой заднице. Даже Кирилл понял, что моя коварная попа его культурно подставила и у него было естественное, дикое желание открутить мне ухо, ну, или оба. Многие жаждали надавать мне оплеух, но увы тактически, я и тут был впереди.

Слава Богу, никакие ужасные мысли о мести не находили

воплощения. Все знали моих дядей и старших двоюродных братьев, которые имели вес и авторитет в нашем районе. Дядя Вова, входивший в ту же компанию, однажды, раз и навсегда, показал всем, что будет с тем, кто меня хоть пальцем тронет.

Это простое и незамысловатое действие произошло летом, в мои полные десять лет. Я с другом Игорем трудился над строительством песочных замков в насыпной куче песка возле его дома. Наши постройки были внушительными, мы старались с утра до вечера, бережно смешивая песок и воду, и возвели, поистине, впечатляющий квартал. Эту идеальную и масштабную стройку нагло разрушили «старшики» Стас и Леха. Эти два товарища были неразлучными друзьями. Они подъехали к нам на спортивных велосипедах. В то время такие эксклюзивные «байки» были только у них. Стас приказал на жёлтом, а Лёха – на красном. Эти наглые рокеры с явным удовольствием, несколько раз, с пробуксовками проехали по постройкам, которые мы создавали целый день, превратив произведения детского искусства в кашу. Разрушительное действие привело их в полный восторг. Громко смеясь, они укатили на соседнюю улицу. Нас же обуревали прямопротиво–пропорциональные чувства – мы громко рыдали. Игорёк, ничего не сказав, вытерев рукавом слюни, пошёл домой. Жёсткий мир сломил его. Я же хотел мести!

Мой путь лежал на соседнюю верхнюю улицу в дом дяди Вовы, которому тогда было лет девятнадцать. Истекая сле-

зами, я отворил калитку. Каштанка – маленький двор–терьер дедушки Александра – встретила меня громким приветственным лаем. Дедушки Саши и бабушки Лиды скорее всего дома не было – это было понятно по косвенным признакам – из открытых дверей доносилась музыка самой мальчиковой и отвязанной группы того времени «Мальчишник». Я шёл на звук брани и практически нецензурной лексики.

Обогащённый «ничем», заблудившийся философ вовсе не ожидал увидеть меня. Крокодиловы слёзы слегка прекратились после того, как я увидел неловкий танец в семейных цветастых трусах со смешными движениями тазом взад–вперёд под громкие звуки кассетного бумбокса дяди Вовы. Такое хорошее настроение дяди было обусловлено ожиданием вечернего свидания и зижделось на том, что его вечером ждала Кристина, а может быть, ещё кто–то. Пар от пыхчающего утюжка, стоящего на гладильной доске, видимо, ждавшего глажки чёрных штанов, которые сильно помятые висели на дверце шкафа, наталкивала только на одну мысль – Вован явно куда–то намыливался. Увидев меня, дядя бегом бросился выключать «мафон», после чего обратился ко мне с вопросами, которые действительно интересовали его: «Малой, ты что здесь?! Что случилось?».

Я, само собой разумеется, держал мхатовскую паузу, сунув нос и дую губы. «Доблестный богатырь» трижды пытался переспросить меня о том, что же всё–таки происходит?

Дабы не переигрывать, я дал довольно полный ответ, искусно приукрасив безжалостный сюжет. Мой полусопливый рассказ сильно исказил лицо дяди, он стал похож на сваренного рака. По всем внешним признакам было понятно, что я добился от дядюшки нужной химической реакции и ядовитой злобы, которые должны были покарать Стаса и Лёху. Слабость и отвага были его убойной фишкой. Недолго думая и не надевая штаны, покрасневший и раздувшийся в размерах дядя выбежал на улицу. Я рванул за ним.

Безусловно, экспрессия была нужна. Но в какой степени цивилизованности она будет выражена Вовой? Это был «вопрос вопросов». Разъярённый монстр вышел на перекрёсток двух улиц, одна из которых вела вниз к лесу, а другая – в сторону моего дома. Именно на этом направлении пути была обнаружена первая «жертва» в виде Стаса, который, видимо, каким-то образом разъехался с Лёхой. Его беспечное питьё воды из уличной колонки напоминало водопой травоядного, явно уверенного в своей безопасности, наслаждающегося утолением жажды. Вова в этот момент думал по-другому. Стасова беспечность была подарком агнца господнего.

Натуральное расстояние от нас до «еды в пищевой цепи» было приличным, чтобы дядя успел догнать гонщика-разрушителя, но как оказалось, я сильно недооценивал Вована. Его бег был похож на несущегося быка – та же мощь, та же сила, только с грацией хищного ягуара. Эта внезапность нападения подтверждалась запоздалой реакцией Ста-

са, который слишком поздно понял, что его хотят «убить» — возмездие было слишком обескураживающим. Судорожные, наполненные ужасом действия успели усадить тело Стасела на сидушку велосипеда, где его спину догнал сорок девятый размер ноги Вовы.

Знамо дело, вы понимаете, что получается после того, как масса в сто двадцать семь килограммов на большой скорости вкладывает всю свою инерцию через выпрямленную, напряжённую ногу в спину тела, весом не более шестидесяти килограммов. Знаете, именно в тот момент я поверил, что удар ногами, как в «Теккене», действительно существует, и он имеет такой же разрушительный эффект, как и в самой компьютерной игре. Кстати, Стас очень любил эту игру и неплохо врывался в неё, даже часто демонстрировал почерпнутые навыки пустому пространству, выстреливая ногами в воздух. Мне кажется, что во время полёта в деревянный кольчатый декоративный забор бабы Шуры он тоже вспомнил «Теккен 3».

После того как бывший «байкер», выполнявший функцию шара для боулинга, выбив «страйк» своим телом, снес целиком такой аккуратный заборчик, дядя приступил к вымещению ярости на его велосипеде. Если бы кто-то раньше мне сказал, что у спортивного байка голыми руками можно оторвать от рамы колесо, я бы точно не поверил. А «Великолепный Вова» сделал это с необычной лёгкостью, лишь немного рыкнув. В дальнейшем расчленение велосипеда на части

было лишь вопросом времени.

После того как рассерженный медведеподобный дядя прыгал на ведущем колесе и сделал из него ответ на вопрос: «Какие формы деформации может принять обруч?», он незамедлительно отправил эту бесформенную вещь далеко за забор, на огород ни в чём неповинной бабы Шуры. Немного другая участь постигла заднее колесо. Первым делом крепыш-философ хотел надеть его Стасу на голову, но, увидев расфокусированный взгляд, явно искренне просящий прощения даже за то, что тот когда-то надменно перестал верить в Деда Мороза, Вовчик отправил колесо в долгий путь. В тот момент, когда дядя держал одну половину рамы в левой руке, а другую – в правой, мой взор уловил появление следующего «растительноядного Лёхи». Он увидел, как я замороженно наблюдал за чем-то. Его наглая улыбка уже вовсе не раздражала меня так, как часом ранее. Его радостная морда, скорее, вызывала жалость и сочувствие. Лёха сначала не понял моей спокойной и умиротворённой реакции, но яростный ор Вовы в мгновение ока сложил целостную картину происходящего в его пустой и бестолковой голове. Безраздужность и безнадёжность ситуации побудили велосипедиста драпать без оглядки с огромными пробуксовками в сторону лесной чащи. Велосипедный лихач не хотел, чтобы сегодня его жизнь дала трещину. А мне так хотелось, ну хоть чем-нибудь помочь, и я крикнул ему вслед: «Крути, Лёха! Крути!».

Больше ничего умного и полезного на мой сварливый детский ум не пришло.

Раздухарённый Вова целеустремлённо бежал за ним вслед. Жалкие попытки удрать в лес были совершенно безнадёжны – это абсолютная тактико–техническая ошибка. На пересечённой местности животные навыки Вовы давали ему полное преимущество инстинктивной охоты. Я уже не увидел, догнал ли, вообще, дядя Лёху. Могу только сказать, что он успел заехать в лес и Вова через пять секунд забежал туда же. А вот на следующее утро я точно понял: «Вова всё–таки настиг Лёху».

Было так. Рано утром по маминой просьбе я шёл за хлебом и встретил «всадников разрушения», сидящих на лавочке возле дома Алексея. В глаза издалека сразу бросался светящийся фингал под глазом Алёши. Он был так выразителен, что практически затмевал летнее солнце. Я немного побаивался их реакции в свою сторону. Об этом можно было гадать на кофейной гуще, я был настроен на отплату по счетам той же монетой, которой им выплатилось ранее. Но их реакция удивила меня и была прямо противоположной. Порывы Стаса напоминали испарение, а Лёха и того больше принял вид фонарного столба. После этого незамысловатого происшествия весь район знал, что будет с тем, кто посягнёт на мою неприкасаемую персону. По-своему понимал это и долго думающий Кирилл...

Время шло... Превращаясь в юношу, я не становился взрослым даже в тот невероятный период, когда произошло то, что трудно не вообразить, легко не поверить, но интересно представить.

В четырнадцать лет я стал сильно увлекаться спортом. В частности, всё свободное время я играл в футбол и плавал. Если до этого возраста я коротал время в компаниях старших парней – своих братьев и ближайших дядей, вследствие чего я не курил в школе и не пил во дворе, как некоторые сверстники, то спорт дал мне свой круг общения по интересам. Кстати, бич алкоголя и сигарет поломал много судеб моим одноклассникам. В моём случае такой исход был невозможен потому, что я очень хорошо запомнил одно мудрейшее выражение, насыщенное истиной. Тринадцатилетнему подростку в угрожающей форме и очень утвердительно сказал дядя Вова: «Малой, увижу с «сигай», можешь считать, что минздрав будет пропагандировать вред курения твоей фотографией!». Ну, там ещё текст был...

В это время незамысловатый романтик, непереносивший пререканий со своим исключительным мнением, начинал самостоятельный путь в собственной квартире. Мне удавалось частенько приходить к нему, чтобы поиграть в комп. На тот момент у него был современный персональный компьютер с большим экраном, многоканальной системой звука и огромным количеством разных компьютерных игр. Но был и один минус – каждодневный отвязанный образ жизни студента

Вовы. Круглосуточная вакханалия, постоянная куча разношерстного народа с большим количеством «особей» женского пола, за исключением двух пожизненных дружбанов дяди – Кота и Бакса. Одним единственным различием этих игрищ было лишь полное и постоянное изменение текстур и декораций. Я всегда поражался полёту их фантазии из крайности в крайность. То это индейский вигвам посередине зала и стоящая в коридоре каноэ на четырёх человек, то вид командного пункта НАСА с макетом «Шатла». А Кот всегда произносил безумно банальную, но как ему казалась, топовую фразу с постоянным идиотским выражением лица: «Хьюстон, у нас проблемы!».

До поры до времени всё это меня никак не касалось. Приходя к «тусеру» в «край отбившегося от реальности» и ловко перескакивая через пьяные тела гостей, я, по обыкновению, юрко проникал в комнату, где стоял комп, чтобы спокойно наиграться во всё, что было угодно детской душе в эру расцвета персонального компьютера.

Продолжительное время мне удавалось быть счастливым. Но как-то раз в это священное игровое пространство, с вопросом: «Вова, ты тут?», вторглась далеко нетрезвая леди со слегка опустошённой бутылкой водки. Ей было всё равно с кем пить и мой возраст здесь был не в счёт. На тот момент я не имел опыта общения с такого рода особами, и в связи с этим просто молча продолжал «рубиться». Она налила два полных бокала жгучего напитка и предложила «на брудер-

шафт». Вообще пить ледяную водку из бокала, да ещё «на брудершафт», могут только люди, отчаявшиеся и находящиеся в душевной агонии, ищущие искреннего драйва в особях противоположного пола. Естественно, это действие должно было подойти к финальной точке кипения и мне бы пришлось как-нибудь реагировать. Моё сердце стучало как у воробья. Слава Богу, именно в тот момент в дверях появился Вован, запечатлевший весь этот «холст». Понятное дело, что картина в его глазах была превратна. Ему показалось, что я хотел «бухнуть» с этой мадам, в связи с этим он избрал радикальные меры по борьбе с детским алкоголизмом: вышвырнув, как тряпку, эту «штучку» из комнаты, проникнув-шись чувствами отцовства, лаконично, с достаточным количеством правильных примеров, очень доходчиво, с подчёркнутой степенностью педагога высшей школы, у которого за плечами как минимум лет двадцать живой практики, объяснил, что мне можно, а что нельзя:

– Слышь, малой! Ты что, охренел?! Блин! Узнаю, что ты хоть раз прикоснёшься к алкоголю или сигаретам... Башку отобью! Понял?!

Знаете, в эту же секунду я осознал, что дядя сильнейший педагог и психолог, умевший объяснять свою правоту так, как никто другой. Я сразу поверил ему, тем более повода сомневаться в его словах у меня не было, особенно после воспитательного процесса над Стасом и Лёхой.

Уратмир, ты будешь прыгать?

Этот вопрос одного из моих шутливых друзей сильно пугал меня. Время три часа ночи. Я стою на самом краешке длинного зловещего мостика практически в центре одного из пяти прудов в техническом районе. Точнее, это третий пруд первого заброшенного завода тяжёлой промышленности.

Мне семнадцать... каждый новый день был охарактеризован постоянным поиском экстрима. Меня тянуло в те места, где можно было хоть чуть-чуть почувствовать риск. Жажда этого чувства, конечно, не имела психопатического свойства. Вот и в этот момент шаткого стояния на узком, поржавевшем, покосившемся, «на ладан дышащем мостике» я ещё не почувствовал тончайшего и вожаденного вкуса адреналина, ещё не успел пережить жизненный прилив случайности. Жажда превосходства над обстоятельствами пока ещё была увязана с пониманием хрупкости человеческого тела при мгновенном преобладании над собой, над одинаковой и спокойной жизнью. Сейчас меня переполнял только скоывающий страх. Мне безумно хотелось быть вне обстоятельств. Заглядывая с края моста в тёмную и таинственную бездну, я мало что знал о пугающих свойствах этой природной загадочной дремучести простирающейся подо мной воды:

– Говорят, в этом пруду водятся мутанты от той химии, что сюда сбрасывал этот завод.

– Там всё дно усыпано острыми кусками металла и техническим мусором.

– Там водится огромная рыба, которая может выползать на сушу, чтобы питаться бродячими собаками и кошками. Она больше похожа на змею с руками.

– Там невероятная глубина. А ещё там из-за каких-то необъяснимых обстоятельств постоянно образуются затягивающие течения, увлакивающие в бездну. Выплыть оттуда нельзя!

Эти факты излагала вся наша «весёлая» компания минут за десять до того, как я оказался на этом мостике, уходящем в неизвестность. В момент перед шагом в неизбежность я трезво мыслил, чётко понимая, что ночная гулянка с друзьями не должна была привести меня сюда, и тем более не должно было случиться так, что, приехав к озеру, я самым идиотским образом выпендрюсь перед понравившейся мне девушкой. После всех пересказов сплетен и предрассудков, которые мы плели друг другу за несколько минут до моего отчаянного прыжка в тёмную воду, всем и так уже было жутко и слишком страшно.

Моё сердце учащённо стучало, яркая луна, отражающаяся от стеклянной воды, поджигала мой страх ещё сильнее. Я обернулся и посмотрел на ребят, которые стояли возле машин и с нетерпением ждали развязки. В особенности этого желала Ульяна, фраза которой и толкнула меня на этот подвиг:

– Интересно, есть ли на свете смельчак, который смог бы туда прыгнуть?

В то время хитрые постановки женских фраз были мне неведомы и, естественно, единственный смельчак сразу нашёлся:

– А что тут такого? Туда прыгнуть?! Я даже сейчас смогу это сделать!

После этих слов мной были пойманы заинтригованный блеск глаз Ульяны и негодующие «охи» и «ахи» компании. Решительно и вмиг, скинув с себя всё кроме трусов, я ступил на вышеописанный, жутко скрежещущий и дряхло болтающийся мостик. Перед соприкосновением с водой я успел услышать крики ребят:

– О, Боже! Он прыгнул!!!

– Что делать?

– Смотри!

– Вау!

– Не может быть! Он рехнулся!..

Всё было довольно странно, необычно рассеянно, и в то же время собственная мысль неслась с безумным осмыслением окружающего меня мгновения. Я чувствовал свой момент – тот, который длиною в жизнь. Казалось, что любое, даже самое незначительное и мелкое по своей природе действие, моё действие, имеет ту же величину, что и кажущиеся грандиозными события. Меня никак не покидало ощущение объективного взгляда, которое в секунды сменялось

страхом непонимания собственной природы. Всё больше и больше захлёстываясь этим «не нуждающимся в осмыслении мигом», подобно тому, как дарующий не является нуждающимся, я понимал, что каждый отдельный случай – есть «Наше всё» в исходном моменте познания блика наших собственных лет.

Я был лишь тем, кем был, и всё вокруг было лишь достойным меня, и никак по-другому. Постепенно во мне проявлялось чувство улыбающегося удовольствия от понимания того, что проще сделать поступок сразу, чем отодвинуть его за обстоятельства. Все линии сводили меня к «чертовской» справедливости нашего бытия. По крупицам ко мне приходило понимание того, «что ответ может держать только тот, кто понимает вопрос». Неведующий, незнающий был бессмысленным слепцом, который не мог совершить «пользу», а значит и призывать его к ответу за деяние не имело никакого смысла. А это означало, что он ещё и был нем, так как «жизни» не был нужен его «ответ».

Я был как будто в другом мире – полная тишина и спокойствие окутали мой разум. Там я видел звук времени, там не было ничего, но там можно было произнести «всё». Первые секунды показались вечностью, мне стал понятен бесконечный путь – без начала и конца. Открыв глаза, я увидел насколько прозрачна золотая вода вокруг, хотя сверху она казалась устрашающе серой. Там я менял свою кровь! Но было ещё что-то... Взгляд! Взгляд, имеющий ярко-красный отте-

нок, быстро проносился вокруг меня, он просто смотрел на молодое тело... Коснувшись ногами жёлтого песчаного дна, я очнулся.

После этого события мной обуревал постоянный поиск таких же ощущений, такого же чувства. Жизнь была насыщена розыском этого состояния. Я нырял в каналы водосбросов огромных озёр и во всевозможные водные объекты; бросался с парашютом; прыгал с двадцатиметровых выступов скал в море; парил с «тарзанки» над пропастью – но, увы... Ничто уже не могло повторить то, что я ощутил там. Мне никак не удавалось восполнить себя и я стал другим.

Я стал тем, который не ищет стены там, где их нет. Тем, который понимает, что упираясь куда-либо – упираешься всего лишь в то препятствие, которое нашёл сам. Тем, кто не вгибает потому, что где-то что-то выгнет. Даже обида потеряла для меня смысл, так как обидеться мог только тот, кто хотел вообразить её. Но при всём при этом мне не хватало того сказочного момента «правды», которое я испытал на техническом пруду. Не найдя ни в чём похожего удивительного и манящего ощущения, я, наконец, остепенился и успокоился.

Мой дальнейший выбор пал на боевые единоборства. Я не работал вплоть до двадцати семи лет и имел достаточное количество времени заниматься тем, чем хотел. В общем, ваш покорный полиглот увлекался изучением языков, коих знал несколько, наукой и единоборствами. Мне довелось много

читать и познавать. Как выяснилось, во мне стали гармонично сочетаться учёба и спорт. Это было странно, ведь в школе и на первых курсах университета я ненавидел учёбу и только к концу четвёртого курса одна из областей знаний действительно стала мне по душе.

В дальнейшем обучение давало мне большое количество свободного времени на поиск интересной, действительно моей, истины. Жизнь складывалась как по маслу. Только две вещи заставляли останавливаться и задумываться. Первая – это «неизбежное» чувство, породившее во мне небольшую, но такую важную пустоту, изменив моё ДНК в тот сладкий момент, когда я вылез из заброшенного водоёма. Внешне я был прежним, но моя кровь навсегда поменяла цвет – она стала ярче, очистив тело. Воспринимаемое пространство стало тесным и неудобным, будто чего-то не хватало. Хотелось напиться... Но чем? Я этого не понимал. Мне до безумия требовался разговор, но не с легионом своих «Я», создающих разность вариаций выбора, а с тем, кто мог быть разумным и объективным. Я чётко осознавал: чтобы быть умным – нужно много знать, а чтобы быть справедливым – нужно просто родиться.

Но что нужно сделать, чтобы не остаться с этой пустотой до конца моего исчисляемого годами «момента», я не знал. Желалось наполнить свои клеточки тем, чего не хватало. Хотелось увидеть по-другому! Но как можно было увидеть то, что находилось «там», а не «тут»? Со временем, после глу-

боких и неглубоких поисков, после отчаянных скитаний в глубинах своего разума, после безумных прыжков на месте, после прохождения огромных расстояний пути в понимании того, что я всё-таки стою на месте, стою там, где можно стоять, и то, что «всё» – это лишь слово без «образа», я пришёл к выводу, что всё это время я искал только одну правду – маленькую, небольшую правду. И у этой правды не было «образа». Её невозможно увидеть, пощупать, понюхать. Эта правда была априори. Она пряталась за улыбающейся маской «всего», что может представить человек.

Вторая вещь, которая заставляла меня осмотреться, была более приземлённой и решаемой. В мои двадцать четыре года я никак не мог найти себе девушку. И дело здесь было не в моей застенчивости или непривлекательности, а как раз наоборот. Я был образованным, весёлым, интересовался всеми нужными и ненужными вещами, любил живое общение. Много раз обычные уличные фотографы – искатели простых и красивых вещей просили разрешения запечатлеть мой образ на фото. На мой вопрос к ним: «зачем вам это надо», я получал довольно льстивый, но, безусловно, приятный ответ о моей внешности. Во мне не было ни капли высокомерия, наоборот, нравились обыкновенные вещи: простая одежда, особенно спортивного стиля, была в моём вкусе. Ещё я никогда не понимал парней, которые гнались за брендовыми коллекциями шмоток, покупали майки стоимостью в несколько десятков спасённых жизней изнывающих

от жажды детей Африки. Просто тех сумм, которые тратили люди нашего города на бессмысленные логотипы мировых производителей, хватило бы на спасение миллионов бесценных жизней, на постройку сотен комфортных детдомов, на лечение больных детей. В общем, я любил ходить с бородой и быть брутальным. Считал, что гладко выглаженные вещи не такая уж прям и нужная вещь. Такой атрибут, как расчёска казался просто неуместным. Подстригался я только в двух случаях: когда волосы начинали падать на глаза и приходилось стричь их почти полностью или когда хотелось носить совсем короткую причёску. Брился машинкой, делая это исключительно в домашних условиях перед зеркалом. Все мои «мужицкие» повадки не имели ничего общего с каким-то протестом. Очень сильно уважая чистоту, я терпеть не мог грязные вещи, обожая свежую выстиранную одежду. Таким образом, моя легкая внешняя неухоженность очень гармонично сочеталась с чистоплутьством.

Естественно, девушки замечали эту неопрятность. Практически каждая, после недлительного периода нашего знакомства, считала своим долгом привести меня в порядок всеми способами и на своё усмотрение. Безусловно, такие действия тут же отдаляли нас. Друзья постоянно говорили, что настоящая любовь внесёт свои коррективы и я перестану быть таким придирчивым, полностью изменюсь, став сговорчивей. Но, увы! Даже в двадцать семь «любовь» я так и не встретил. Иногда казалось, что этим чувством меня вообще

обделили. Даже поиск привязанности приводил к тем недостающим чувствам, о которых я всегда думал после судьбоносного прыжка в пруд.

В конечном итоге пришёл вывод: жизнь сама столкнёт меня с моей су-тью женского пола и подарит любовь. Я точно знал, что сразу почувствую ту, которая предназначена только мне, и чем больше времени проходило, тем меньше я напрягался и обращал внимание на постоянные разговоры моих близких: «Ну, когда же ты, наконец, начнёшь серьёзно встречаться?!».

Больше всего эта тема, как ни странно, интересовала Вову, который всё время бесил меня подколками и раздражающим стёбом при каждой встрече. Он связывал мою одинокую жизнь с небритостью и помятостью.

Но однажды у меня получилось раз и навсегда избавиться от дядиногo зашкаливающего самолюбия, выпендрёжа, глупых шуток, его восхваления себя, о материальной достаточности и состоятельности, об опрятности, чисто выбритости, надушенности, строгости костюмов. По его мнению, если я буду следовать его наставлениям, то сразу же найдётся «та самая» девушка, с которой я узаконю отношения. Ну, или они будут «сыпаться пачками» и я превращусь в ловеласа, как он.

Дядя при этом не учитывал тот факт, что деньги изначально принадлежали его отцу – дедушке Александру, которые он передал по-наследству своему сыну Вове. Он не брал в

учёт и то, что я и вовсе не хотел быть как он – знакомиться с каждой девушкой, попадавшейся на моем жизненном пути. При этом мне удавалось осознавать, что мой жизненный путь – есть моё отражение. Я искал «ту», которая коснётся моего сердца своим дыханием, и чей взгляд будет означать вечную жизнь; «ту», с которой я останусь самим собой и для которой я рад быть должником, «ту», которая оставит мне моё сердце потому, что будет верить мне. Но Вова, как всегда, видел не дальше своего собственного носа. Он не мог понять, что у меня сейчас не может быть таких денег хотя бы потому, что я ещё учусь, и в свои двадцать четыре года я освоил четыре высших образования и защитил кандидатскую диссертацию...

Его последняя вдохновлённая речь, которая исчерпала чашу моего терпения, состоялась в ресторане «Родник». Это престижное заведение было одним из его любимых мест. Оно находилось поблизости от моего тренировочного зала, где я занимался дзюдо. Дядя иногда забирал меня и подвозил домой, при этом он почти каждый раз предлагал мне поужинать в «Роднике». До этого момента у меня хватало ума не соглашаться, но именно в этот день отговорки закончились.

Выйдя из зала, я увидел спортивный кабриолет и широко улыбающегося дядю, который подпихивал каждой, мало-мальски разукрашенной, мимо проходящей девушке.

– Уратмир, смотри, вон твой дядя. Тебя ждёт. Какая у него крутая тачка!

Я поправил тренировочную сумку, свисающую с плеча:

– Да, Тём, крутая... Ну всё, давайте, до воскресенья. Рыжий, как бросок? Ты так и «на стране» улетел. Не, не, ну, я знаю – ты просто поддаёшься. Ладно, всем пока! Будут обижать – не обижайтесь!

После прощания с друзьями я живо поспешил к самолюбивому и вульгарно цепляющему каждую проходящую юбку Вове.

– Здорово, мелкий! Смотрю, уставший весь?

– Привет! Опять пораньше освободился?

– Да, документы все подписал, кое-кого отчитал для профилактики, дежурно уволил кого-то, ну, в общем как обычно...

– Ну, в общем, у тебя всё как обычно! Да?! – поправляя сумку под ногами, с нескрываемым сарказмом и простотой в лице произнёс я.

– Ну, да, вот только есть хочется.

Я сразу же понял, к чему он клонит.

– Уратик, ты есть не хочешь? Только честно! – вот эта добавка «честно» связала мне все руки:

– Ну, Вов, хочу! Но ты же ешь только в дорогих ресторанах, а я смотри как одет. Вот видишь, у меня даже поверхштанов охил бинтами перевязан. У меня мокрые волосы после душа, всё лицо в ссадинах, да и вообще, видон полувыстиранный, просто не айс... Понимаешь?!

– Чё?! Выглядишь ты не так?! Да ты никогда по-другому

и не выглядел!

Не сильно усмехнувшись, он тронулся в сторону «Родника». Откровенно говоря, я и на самом деле лучше никогда не выглядел. Ресторан был действительно фильдеперсовым, напоминая помещения зимнего дворца дореволюционной России. Высокий потолок главного зала действительно удивлял. Его тонкий декоративный орнамент успешно дополняли восьмиметровые люстры, свисающие, как капли воды, подчёркивая величие убранства этого места. Я до этого момента ни разу там не был. А все восхищённые отклики богатеёв об этом заведении считал данью моде. Шествуя по красному ковру из натуральной шерсти, усыпанному знаками родовой геральдики, я ощущал спёртый запах традиций, о которых указывали все предметы в этом ресторане. Мне действительно было как-то не по себе, именно этого и добивался Вова, когда так настырно звал меня сюда.

Нас сразу же пригласили к лучшему столу. По дружелюбности официанта ощущалось, что «Лакшери–Вовик» здесь частый и почётный гость. После неявных намёков дяди о развитости цивилизованного человека, и что этот стабильный и размеренный мир считающих себя сливками этой жизни людей представляет то настоящее, что нужно любому человеку, и что, оказывается, это всё нужно именно мне, я всё больше убеждался в обратном.

– Уратик, давай я сделаю тебя моим заместителем? – пафосно, так как только умел он, с фактически оттрениро-

ванной ухмылкой вседозволенности, развалившись в бархатном, ярко-красном кресле, произнёс Вованэ. Эти слова были не новы, поэтому я молча продолжал жевать, зная, что теперь он не остановится:

– Мелкий, я предлагаю тебе всё! Всё это! Ты умный, трудолюбивый, волевой парень и самое главное – ты мой самый любимый племянш. Блин, Уратик, ну заканчивай ты с этим пустым времяпрепровождением в своей этой тренировке. Что ты и кому доказываешь, а? Ну, уже не маленький! Хватит, Уратик, хватит! Пора, пора, парень, становиться взрослым. Давай, стань уже нормальным мужчиной! Мы – семья, нужно чтить традиции, ты должен занять своё место. Побрейся, подстригись, приведи себя в порядок. Я буду платить тебе кучу бабла! Жизнь одна, посмотри вокруг, какие огромные усилия прикладывают люди, чтобы достичь того, что тебе дано с рождения. Да, хочешь, вот, держи ключи! На! Эта машина твоя, только соглашайся! – так же элегантно, с абсолютно пустым пониманием себя и окружающих он бросил ключи на стол.

В этой речи дяди слышались нотки настройки и моей мамы.

– Вов, а что тебе даёт вот это «всё»: деньги, эта машина, твой статус? Чё там ещё? А! Шмотки эти? Ответь мне?

Очевидно, Вова сначала не понял, о чём речь? Для него это вообще не звучало как вопрос. Но секунду помешкав, он нашёл что ответить:

– Да, всё! Ты чё? Да, абсолютно большую часть благ. Да, посмотри, сколько у меня девушек!

Да! Женщин у него и вправду было много. Я тут же вспомнил постоянное хвастовство фотками тех мнимых «стиляжек», которых он покорил. Это была его любимая тема – хвалиться побитым рекордом Казановы. Любовные похождения дядя рассказывал в деталях и смешных жестах, подкрепляя всё это всякого рода видео– или фотоматериалами. Уже предвкушая, что он опять начинает заводить эту дебилскую и абсолютно неинтересную мне тему, я сказал:

– Девушки, говоришь?! – я тут же огляделся по сторонам.

Слева от нас, на три стола дальше сидела восхитительная молодая блондинка. Ярко-красное облегающее платье тонко подчёркивало её фигуру, неотвратимо притягивающую взгляды мужчин. Дорогие «цацки» на тонкой белоснежной шее чётко указывали на то, что в деньгах она не нуждается. Высокомерно приподнятый подбородок подтверждал престижный статус в том обществе стабильности, о котором постоянно тараторил мой родственник. Таинственное одиночество указывало на заносчивость и ум. Но при всём этом её яркий наряд бросал вызов всем сидящим в этом заведении мужчинам.

– Вов, ты всегда утверждал, что деньги и дорогие безделушки позволяют тебе заполучить любую? – в моей интонации слегка прослеживалась хитринка.

Дядя лощено расплылся в улыбке, кивая головой.

– А можешь мне это доказать прямо сейчас?

– Да не вопрос. Прямо сейчас? Пошли!

– Нет, подожди, только ту девушку, которую я тебе покажу!

Вова уже не мог сидеть на стуле, ему не терпелось, хоть раз, вживую, понтануться передо мной.

– Да не вопрос, любую, на которую ты покажешь пальцем! Но только чтобы она была красивая и молодая...

Я добился, чего хотел. Теперь мне только оставалось правильно сыграть эту партию, чтобы получить побольше бонусных призов.

– Вон ту! Смотри! – я указал взглядом на влюблённую только в себя знойную блондинку. Она была полностью пропитана той жизнью, о которой твердил Вован. По её виду было понятно, что она совсем не нуждалась в том, чем покорял девушек «мастер Казанова».

– Что?! София?! – лицо напыщенного фазана изменилось, рвение сменилось ровным сидением на пятой точке.

– Малой, да ты хоть знаешь, кто она?!

– Нет, не знаю. Но я думал тебе всё равно?

Он явно суетился и не знал, как от меня отмазаться, не потеряв лица мачо, по которому все девчонки плачут.

– Это София Георгиевна! Дочь одного из самых богатых людей нашего федерального округа! У меня с ней даже ничего общего нет! Её интересы в корне расходятся с моими. Она, вообще, такая заносчивая. Строит из себя праведную

«донельзя»! Увлекается философией, науками там разными, музыкой, меценатством. Помогает Георгию Сергеевичу скопить налоги посредством помощи бедным деткам. Мне кажется, что она и на самом деле думает, что папа из-за чистой любви и благих побуждений к бездомным даёт ей средства на пожертвования! Нее, это не мой уровень, да и, по-любому, она грезит каким-нибудь датским принцем!

Скрестив руки у себя на груди, он добавил:

– Вот и сидит одна из-за высоких запросов!

Мне сразу стало понятно, что все мужчины этой напыщенной стабильности мыслят одинаково, как мой стереотипный дядя.

– Давай, ты выберешь что-нибудь подвластное человеку!

– А-а-а! Так значит ты всё-таки обычный человек?! Знаешь, я хочу с тобой поспорить!

Интрига была создана. Шаг конём я уже сделал.

– О каком споре ты толкуешь?

– Всё просто. Я сейчас встаю, иду к этой девушке, которую зовут София, знакомлюсь с ней, угощаю её, чем она захочет, естественно, ты всё оплатишь, и через десять минут нашей милой беседы я беру у неё номер телефона...

Выражение лица Вовы было похоже на то выражение, когда единственным решением всех проблем, которые возникали в его голове, было «бить или бить сильнее?».

– Малой, ты, видимо, на своей тренировке слишком часто

бьёшься головой?! Нам не кушать надо было ехать, а в больницу. И сразу туда, где совсем тяжёлые лежат!

– Я серьёзно, Вов! Если я так не сделаю или у меня не получится выполнить хоть один из вышеперечисленных пунктов, я стану тем, кем хочешь ты и все мои родные: подстригусь, побреюсь, приоденусь по твоей указке и пойду к тебе на работу, – я протянул ему свою руку, дабы закрепить наш спор.

– Хм! Ты себя-то видел? Нас сюда пустили только потому, что меня тут все знают!

– Ну, чё, мужик, чего тебе бояться?

Дядя с каким-то опасением, перестав кичиться, протянул мне руку.

– Но если я выиграю спор, то ты, Вова, больше никогда не заикнёшься о своих предложениях и моих вкусовых предпочтениях!

– По рукам, малой! Мне даже стало интересно посмотреть на этот твой провал! Ничего! Минута позора и ты будешь нормальным. Смотри только, чтобы она не стала убегать от тебя, а мне потом не пришлось отмазывать тебя от полиции.

Поднявшись и уверенно направляясь к ней, я уже краем уха услышал, что Вова сказал себе под нос: «Ну, вот и отлично! А я пока позвоню сестре и сообщу, что, наконец-то, у нас получилось призвать его к нормальной жизни!».

Я ощущал некоторый дискомфорт, но на кону стояло слишком много всего. Каждый шаг к этой обворожительной

девушке заставлял меня учащённо трепетать, а по телу разливались абсолютно непонятные мурашки. Но, несмотря на всё это, мои ноги сами шли к ней. Я чётко понимал, что обязан быть предельно собранным и держать эмоции в стальном кулаке. Принять вызов такой восхитительной женственности было непросто. У меня «был» один шанс на бесконечность, но беда этой бесконечности «заключалась» в том, что бесконечность уже «существовала» в одном шансе.

Приблизившись, я ощутил шарм этого падшего ангела, отвергнутого небесами, от безумной чувственной какофонии, присутствия в безупречности ещё одного совершенства. Не имея никакого плана и ничего не продумав, не зная даже о чём с ней говорить, я понимал, что это вовсе не в минус, а как раз таки, наоборот, моё преимущество, мой секретный подарок «Закрая». Так я называл то, что не мог выразить словами, увидеть глазами, почувствовать руками, кусить губами и вдохнуть устами. Мне всегда приходило на ум что-нибудь в самые критические моменты жизни. Поэтому всякий раз я знал, «что и где» сказать.

– Простите, ради бога! Здравствуйте...

Зеленоглазая леди окинула меня очень удивлённым взглядом. Этот лукавый момент её взгляда в мою сторону определил тягу к этому существу. Моментально через призму моего и присущего только мне осмысления происходящего в ней начала я тут же ощутил восторг, яркость, всплеск радости от её существования. Окружающий мир словно боролся

за её взор. Мне без сомнения казалось, что сама природа от рождения наградила её «уловкой–загадкой», которая заключалась во вдыхании интереса ко всему. Своим вниманием ей удавалось любого подкинуть к небесам. Её «суть» была в том, чтобы дарить «суть». Она искрилась счастьем, она была настоящей, только увидев её, можно было понять, что тебе нужно, какие отношения тебе требуются, и, наконец, ответить на вопрос: «Зачем во все времена мужчины делали безумнейшие поступки, превращались из всевластных, всемогущих королей в нелепое подобие, которое и двух слов вымолвить не могло?». Это была та самая особь, ради которой мужчина мог броситься на любой подвиг, победить любое существо, взобраться, прыгнуть, пробежать, побороть, подчиниться, найти всё, что угодно. Только встретив такую девушку, можно понять, как ты не властен над собой. Видя её в первый раз, я сразу понял: «Она, и только она!».

Её явно удивлял лохматый, причёсанный полотенцем парень с видом фаната–хулигана, который по всем внешним признакам побывал в эпицентре своего жизненного ареала, оспаривая право на утверждение своего мнения с такими же костоломами, как и он сам...

– Здравствуйте! – ответила она мне не из-за того, что хотела соблюсти меры приличия. Это был рефлекторный ответ её естественного состояния на приветствие того, кто мог нести ей угрозу.

– Извините ещё раз! Я буду краток. Видел Вас на разных

меценатских мероприятиях в помощь беспризорным детям и всегда Вы с огромной искренностью и с чистыми помыслами говорили о пожертвованиях и о помощи обездоленным. Ваши выступления наполнены нестигаемой решимостью помочь всем, кто нуждается в помощи. Ведь так?

– Вы правы. Но я помогаю обездоленным детям, а вы явно уже не ребёнок, хотя и молодо выглядите. А обездоленным можете и быть.

– Вы совершенно правы, я хочу попросить Вас помочь, но не мне, а как раз таки очень большому количеству беспризорных детишек. Если Вы дадите мне всего лишь пять минут и выслушаете, я уверяю Вас, как минимум полсотни несчастных детей станут жить гораздо лучше...

Мои глаза были наполнены театральной искренностью. Видимо, потому, что я сам верил в то, о чём говорил, да и вид у меня был подобающим.

– Что? Всего лишь пять минут моего времени кому-то помогут?

– Время дано нам для «жизни», время даёт «жизнь». «Жизни» нет без времени, поделиться временем – значит поделится «жизнью», – после этой фразы в её глазах читался интерес, но не мной, а этими словами. Мне показалось, что в её понимании никак не сочетались мой вид и адекватный диалог.

– Ладно. Присаживайтесь. Только пять минут. У Вас только пять минут и сразу хочу добавить, что те деньги, которые

я жертвую на помощь нуждающимся, не мои, а моего отца. Так что, если Вы таким изящным и коварным способом хотите обмануть и вытянуть средства – знайте, это невозможно.

После того как я сел напротив Софии, глаза Вовы увеличились в три, а то и в четыре раза. Он явно не понимал, что происходит? Легко похлопав себя по щекам, он убедился, что не спит. «Улыбка зазнайки» покинула его совсем. Я же очень радовался происходящему. Мне вспомнился момент из детства, когда я пустил ему пластмассовую пулю в лоб. Вот такое же выражение лица Вова скорчил и сейчас.

– Эй, молодой человек, Вы или по делу, либо до свидания! Так меня ещё никто не одёргивал.

– Да, конечно. Значит, ситуация выглядит так... Сбоку от Вас, за VIP–столиком возле окна сидит, на первый взгляд, малопрятный человек. Видите?

Она сразу же посмотрела в сторону дяди. Этот момент практически заставил его залезть под стол. Не знаю почему, но он тут же схватил бутылку шампанского из ведёрка и начал что-то вдумчиво читать на этикетке.

– Ну, вижу! И что? Обычный зазнавшийся пижон. Здесь таких много. Получил в наследство большое состояние и теперь видит смысл жизни только в трате денег! – с небольшим остервенением и сладким оскалом произнесла София.

Я же в свою очередь бесцеремонно, нахально взял у неё из тарелки кусочек зажаренной курицы. Это наглое действие

тут же зацепило её.

– Вы голодны?!

Пережёвывая и улыбаясь набитым ртом, я ответил:

– Да! А как вы догадались?

– Не сложно было.

После чего она протянула мне тарелку с поджаренными кусочками курицы, при этом отвернувшись в сторону.

– Слушайте, Вы будете говорить, о чем хотели, или так и продолжите молча есть мою пищу?!

– Полагаю, мне некуда торопится, у меня ещё четыре минуты.

– А, ну тогда ладно! – она посмотрела на наручные часы, как бы засекая время, и затем скрестила руки на груди.

– Кстати, Вы абсолютно правы, рассуждая о том человеке. Вы хорошо разбираетесь в людях.

– Спасибо, но тут не сложно догадаться. В этом ресторане все такие, как он.

– Не все...

– А, ну, да! Вы особый экземпляр, каких мало. Ваше невежество шагает впереди Вас...

– Беру свои слова обратно. Вы совсем не разбираетесь в людях...

– Я же говорю, Вы ещё и грубиян.

– Так вот, тот человек, на которого я Вам указал, – мой дядя.

– Очень полезная информация. Сочувствую, хотя, оче-

видно, Вы этого заслуживаете.

– Я поспорил с ним на Вас...

– Что?! Что ты несёшь?! – вспылила она, явно не ожидая такого откровения от усердно пережёвывающего её еду незнакомого человека.

– Отлично, мы уже на «ты»! Значит, расклад такой! Мы сидим с тобой здесь минут десять, заказываем, что ты пожелаешь, потом я беру у тебя номер мобильного, ты демонстративно целуешь меня, счастливо улыбаешься, а я на волне успеха иду обратно...

Пока София обалдевала от выданного мною, подбирая хоть какие-нибудь адекватные фразы, я добил её окончательно.

– Если всё случится по моему сценарию, тогда вон тот толстый, как ты сказала, мешок с деньгами или что-то в этом роде, хоть раз в своей жизни действительно поможет нуждающимся, а в частности, отвалит пять миллионов деревянных городскому Детскому дому.

– Да, ты псих! Зачем тебе это надо?

– Сейчас речь не обо мне, а о тебе. Именно сейчас твой шанс взаправду помочь нуждающимся, а не только помогать своему папе отлынивать от налогов с помощью мерзких подачек детям. Неужели тебе не хочется развести этого эгоиста на деньги?! Тем более на самые благие цели.

– Ну, я не знаю? – с непередаваемым удивлением в глазах протянула девица.

Вытерев рот салфеткой, я произнёс финальную фразу.

– Значит, я ошибся в тебе. Твои жизненные приоритеты, твой статус – всё это пафос! Этот стеклянный мир для тебя так же дорог, как и для моего дяди, и для всех сидящих в этом зале. Борьба за справедливость и равноправие оказались лишь хрупкой маской, за которой скрывается папина дочка, неспособная поступиться своим положением ради реальности. Я так и думал! Твои представления о бедной жизни основаны на глянцевах журналах!

Выданный мною монолог действительно зацепил её самолюбие. Всё, что она считала жизненными ориентирами, было поставлено под сомнение простым незатейливым парнем как раз из того мира, неведомого ей. Я уже опёрся о стол, чтобы встать, как меня остановили её слова.

– Стой! Подожди! Очевидно, это ты плохо разбираешься в людях. Сядь! Пожалуйста...

Сильное напряжение говорило о том, что она сама не понимает, почему ей вдруг захотелось пойти на поводу у моих слов. Озадаченность и чрезмерная зажатость открывали её в другом свете. Я видел растерянную молодую девушку, которая четыре минуты назад была предельно собрана и, как ей казалось, полностью контролировала все возможные ситуации. Теперь же предо мной открылся беззащитный ребёнок, не знавший что и как сейчас делать. От этого она становилась ещё прекрасней. Её незатейливый вид мог заполнить улыбкой любую пустоту.

– Улыбайся... – произнёс я сквозь аппетитное утоление голода.

– Что? – с явным недоумением тихо переспросила она.

– Улыбайся, говорю... А то наш не такой уж и бесполезный меценат не поверит в мою, и что более важно, в твою искренность.

Эти слова перебили её безудержные мозговые попытки найти хоть что-нибудь адекватное и стали единственным, показавшимся для неё правильным. Передёрнувшись и оглянувшись на Вову, она застенчиво и с видом типа: «А! Ну, да! Да...», с присущей ей естественной таинственностью, нехитро растянула губы. Этот застенчивый, немного растерянный блеск в её глазках открывал прозрачно-искренний характер этой миссис.

– Знаешь, с такого рода улыбкой моему дяде будет легче поверить в то, что я угрожал тебе убийством. Либо страшным запугиванием взял тебя в заложники. Мне кажется, что он рассматривает только этот вариант.

– Да, хорошо, я постараюсь!

Просидев полторы минуты с идиотской, но безумно веселящей меня мордашкой, её мозговой процессор созрел для вопроса.

– А как тебя зовут?

– Уратмир.

– Очень приятно, а меня София.

– Знаешь, София, а ты меня действительно удивила. В тебе присутствует дух протеста – бунта... Оказывается, ты можешь делать решительные поступки, не позвонив папе!

– Да уж! Невысокого ты был обо мне мнения! А вот когда я увидела тебя, мне стало как-то не по себе.

– Да? А сейчас?

– А сейчас я поняла почему...

– Шутишь! Это хорошо! Это очень хорошо! Вот скажи мне честно, чего больше в твоём согласии на моё предложение, – показать свою независимость, помощь детям, боязнь не ответить на вызов? Ведь очевидно – не в твоих правилах отступать. Изобразить независимость? Показать то, что ты совсем не такая, как все здесь сидящие?

Разговор потихоньку завязывался. Я попадал в самую точку.

– Знаешь, твои вопросы содержат ответ на мои вопросы. Именно об этом я думала после того, как попросила тебя присесть обратно. Я сразу поняла, что ты умеешь ловко манипулировать человеческими желаниями. В моём решении было всего понемногу, но в большей степени две вещи – помощь детям за счёт одного из богатеньких мешков, и вторая – понять такого, как ты.

Такой ответ мне очень понравился. Её решимость заинтриговывала меня, а эмоциональные рефлексорные зажимания и разжимания «коготков» выдавали в ней грациозность хищницы. Я смотрел прямо ей в глаза, не моргая, пы-

таясь найти хоть какую-нибудь слабину. Но видел только нежность, изящество и постепенно тонущего себя в зелёном омуте её глаз. С каждой новой минутой, проведённой с ней, мне казалось, что она всегда разная. Каждую секунду она была удивительно другой и неповторимой. Прищурившись, я не мог отвести от неё взгляд. Взор незнакомки был также неотвратим.

Это проявлялась игра воли, которой не могло быть без этого плена. Мне всё сильнее и сильнее хотелось проверить её решимость и до конца понять: что она из себя представляет и насколько это бесценно. На тот момент я точно знал только одно: мне до стона в венах хотелось побольше времени провести с ней здесь и сейчас. Она не была той, от которой нужно что-то скрывать, прятать, не показывать. Ей нужна была только правда о том, какой ты на самом деле; чего ты стоишь в первый миг, до того как просчитаешь несчётные варианты, пытаешься выстроить себя для показа.

– Хочешь прямо сейчас сильно ударить по кошельку моего дяди и тем самым накормить множество голодных ребятишек? Тогда прямо сейчас доверься незнакомцу, который обещает тебе сегодня вечером положить к твоим ногам весь город.

– Да, ты действительно странный и непредсказуемый! Я ещё не успела прийти в себя от твоего первого безвыходного предложения, а теперь второе убеждает меня ещё больше в том, что ты – полный псих!

– Не веришь мне?

– На это у меня есть основания?

– Нет, ты просто боишься, что я могу сделать то, что не может сделать ни один человек ни в этом зале, да и ни в любом другом! Ты испугалась, что я могу показать тебе то, что является большей ценностью, чем деньги. Ты боишься влюбиться!

– В кого?!

– Хоу, детка! Пожалуйста, свет на меня!

– Сядь! Прошу, сядь! Ну, а если я соглашусь? Как ты это всё сделаешь?

– Тебе не нужно знать! Тебе просто нужно знать меня!

Мои эксцентричные действия, полное удовлетворение собой и шутки с завышенным высокомерием немного рассмешили её.

– Ты полный, полный, полный обезбашенный, весь в ссадинах парень!.. – она так симпатично дула щёки.

– Сколько сейчас время?

– Зачем тебе?

– Не задавай вопросы, отвечай чётко.

– Половина восьмого.

– Хорошо, у нас есть три часа.

– До чего?!

Резко подскочив с места и направляясь к Вове, попутно в полоборота, с ухмылкой парня, у которого всё под контролем, я успевал ответить:

– До того как стемнеет. Жди здесь! Я сейчас.

Дядя явно был обескуражен моим напористым приближением к нему.

– Но ты ещё не выполнил оставшиеся пункты спора! Где номер?

– Вова, ключи от машины. Быстро!

– Что? Какие ключи? Я вообще ничего не понимаю!

Он растеряннo вложил их мне в руку. Практически все посетители вместе с дядей смотрели на меня недоумёнными глазами. Буквально за секунду я вытряхнул содержимое своей тренировочной сумки в салон авто, затем также быстро, но уже с пустой сумкой шёл обратно.

– Уратик, а ключи?

– Вот они! – я положил их ему на стол.

– Зачем тебе сумка? Что ты вообще собираешься делать?

– Вов, ты забыл ещё про один пункт нашего соглашения и сейчас я иду выполнять план до конца.

Сев к столику с огромной открытой сумкой в руке, щелчком пальцев и громко присвистнув, я подозвал официанта. Такие экстремально незаурядные действия вызвали огромную радость у Софии, которая молча удивлялась и ждала, что же будет дальше.

Подошёл «гарсон» и с поклоном произнёс:

– Здравствуйте, меня зовут Евгений. Чем я могу вам помочь?

– Очень приятно, бедолага. Скажите, пожалуйста, уважа-

емый, а есть ли у Вас в данный момент готовая еда? Желательно подороже.

– Простите, я не понимаю, о чем Вы? Что Вы имеете в виду?

– Евгений, мне нужно знать, какие у вас в ресторане есть сейчас готовые блюда или которые могут быть сделаны в кратчайшие сроки? Так понятно?

– А... Я понимаю... Ну, чтобы прям быстро... Мы можем предложить Вам бутербродики в ассортименте, салаты на Ваш вкус, горячие супы разных традиций... Вот меню... Я Вас правильно понял? Да?

Тупость и глупость горемыки Евгения отбирали у меня время, поэтому я решил пойти другим путём и объяснить с не совсем искренним официантом на языке, к которому он привык. На всё это уже с нескрываемым удивлением, сплетя пальцы рук и поднеся их к подбородку, взирала сеньорита. Её вид напоминал молящегося в храме.

– Значит так, Евгений. Девизом вашего ресторана является: «Великолепный сервис и полное удовлетворение претензий клиента за его деньги». Так? Записывайте заказ! Я хочу две килограммовые банки чёрной икры...

– Что, простите?! Банки?!

– Да! Банки! Упаковки, пакеты, ёмкости, контейнеры, термо-упаковки – мне всё равно, куда вы её утрамбуете! Полтора килограмма трюфелей, десять подкопчённых осетров, четыре бутылки красного и белого вина, годов, эдак, Фран-

цузской революции...

– Простите, Вы не могли бы выбрать из меню?

– Ты что, не понимаешь, страдалец? У меня нет времени. Давай там на свой вкус, постарше да подороже. Дружище, ты что, меня так и не узнал?!

– Нет, простите, Сэр, но если Вы представитесь...

– Слушай, я тот, о ком каждый новый год в журнале Форбс пишут: «Охренительно богатый человек Урала». Тот, о ком экстренные выпуски новостей всех стран выходят с заголовком: «Спаси нас Господь, этот человек хочет купить весь воздух!». И вот когда я его куплю, то первое, что я сделаю – запрещу дышать таким вот нерасторопным официантам.

– Я всё понял, Сэр! Я быстро записываю!

– Семь батонов мягкой французской булки! Ну, или какой у вас там есть хлеб? Насыпьте в пакет килограмма три самых дорогих конфет. И давай бегом, у тебя три минуты! Да, и ещё одно: вон, видишь, сидит опрятно одетый мужчина, – я указал на Вову рукой, который идиотски улыбался и помахал нам. – Вон, видишь, машет нам. Помаши ему тоже.

Помахав руками вместе с Евгением, я добавил:

– Этот человек за всё заплатит, ведь он не такой глупый, как ты. Он понимает, что когда весь воздух будет принадлежать мне, дышать смогут только избранные мною люди.

Весь вид официанта говорил о том, что Вову он, мягко говоря, считал дебилом, который должен был отвалить кучу бабла. Не знаю почему, но как только парняга ушёл, мы рас-

хохотались. Все наши отчаянные попытки вести себя прилично и не ржать во всё горло приводили к повторению исторического смеха.

– Объясни, зачем тебе всё это, да ещё и в такой форме?!

– Скоро всё поймёшь! Подожди немного.

И действительно, скорость и качество обслуживания в этом ресторане оказались на высоте. Буквально через две минуты четыре официанта, включая Евгения, вынесли нам наш заказ в экзотической упаковке. Две закупоренные банки чёрной икры по килограмму, трюфели в целлофановом пакете, обвязанном какой-то тёмно-синей ленточкой, с подписью поставщика на французском языке. Очевидно, это были эмоции восхищения: «Ну, ничего себе! Эх, хотел бы я взглянуть в те честные глаза, которые это купят!». Подкопчённая осетрина, которую я тут же обвернул в салфетки, лежащие на столе, хлеб и хрустящие итальянские конфеты, больше напоминающие длинненькие ароматные булочки, зажатые в два бумажных пакета – всё это я мигом загрузил в свою сумку и сверху плотно придавил тремя бутылками вина, а четвёртую взял под мышку.

– Ну, что? Готова?

Увидев одобрителный кивок ошеломлённой Софии, я подскочил из-за стола.

– Ну, а теперь, ты должна выполнить ещё два пункта. Помнишь их?

Она была втянута в ситуацию, которой предавалась даже

больше, чем я. Её интерес был замечен по постоянному отблеску глаз. Я тянул Софию за руку к столику Вовы, который был в предынфарктном состоянии от содержимого сумки. Приблизившись вплотную к нему, я легко поддёрнул к себе идущую сзади Софию, чтобы предстать в том качественном ракурсе перед дядей.

– Вова, это София. София, это Вова!

После чего я моментально достал из кармана свой телефон, а не растерявшаяся, изящная прелестница смело продиктовала свой номер: «– – –3 1415 9265– – –».

Но на этом добивание зазнавшегося ловеласа не заканчивалось. По законам жанра, мне предстоял страстный поцелуй. Решительные поступки, предшествующие грядущему финальному лобызанию, выглядели очень естественными, будто мне заранее было известно, что произойдёт в конце. Но сейчас я мог сфальшивить, усматривая полное неведение того, что будет дальше. Это не так уж и просто – взять поцеловать в губы!

Действительно, это был непредугадываемый подвиг. В финальные секунды этого момента в голове прокручивалась тысяча возможных вариантов апофеоза. Ещё ни разу не прикоснувшись к ней в своих мечтах, я уже получил сотню пощёчин в мыслях. Тянуть было некуда. Её хитрый, азартный прищурившийся взгляд ставил меня в положение: «А, нука... Попробуй!». Я же не мог сделать это, не будучи уверенным в себе на сто процентов. И если бы мой поцелуй со-

держал хоть немного блефа или проигрышной трусости, а не мужского страха своей силы, она сразу почувствовала бы это. Но то, что она хотела проверить, отсутствовало во мне с рождения. Любые мои действия и решения всегда отталкивались от силы, чести, мужества, отваги, воли духа. И этим я каждую секунду пытался себя утешить.

Чистая, как вода из святого источника, девица смотрела на парня, который стремился быть сильным, смелым, отважным, мудрым, справедливым, честным. Это настоящее было только наше – оно было для «нас» и ради «нас». Смертность наших тел делала это мгновение бесценным – неповторимым ни вчера, ни сегодня, а исключительно сейчас. Было так, как заслуживали мы, и для «нас» по-другому и быть не могло. Её манящий хрупкий вид обострил чувства, сфокусировал зрачки и направил меня к ней.

Протянув руку с телефоном к её плечу, не отводя глаз, я немного резко приблизил к себе тайну. Наши губы оказались на расстоянии вдоха. В ней читалось покорение моменту. Пробежавшее электричество свидетельствовало о жажде ответа. Мои напряжённые губы, словно «брёвна», тупо столкнулись с её насыщенными устами. Как бы я не был уверен в себе, как бы не подбадривал себя, всё равно, получилось хуже, чем можно было представить. Мой каменный поцелуй напоминал времена Брежнева. Да, что там! Даже поцелуй нашего генсека – это высший пилотаж по сравнению с моим.

– Не убедил! Это не ты... – с этими словами в моё смор-

ценное лицо с левой стороны влетела жгучая и неприятная затрещина. В эту временную отсечку все мысли из моей головы вылетели. Я очень удивлённо взбодрился и посмотрел на расчудесницу. Этот хлопок по моей щеке привлёк внимание всех посетителей ресторана. Ещё секунда, и пока я не пришёл в себя, обворожительная красotka вцепилась в мои обмякшие губы своими. Время относительно меня перестало существовать. Голова кружилась... Манящий запах лилии, вкус корицы, страстные впивания «коготков» в затылок подбрасывали меня в небо и опять сокрушали на брентную землю. Я не чувствовал рук и не мог пошевелиться, а она была тверда в своих намерениях. Нежный поцелуй становился всё напористей. Я чувствовал страстный жар её тела.

Вовина нижняя губа отвисала до самого пола. Диковинная обольстительница потихоньку отрывалась от меня, прикусывая мою нижнюю губу, чем ещё чётче подчёркивала свой спесивый нрав.

– Аууу! Зачем ты ударила меня?

– Ну, я же должна узнать правду!

– А пощёчина зачем?

– Чтобы целовать тебя, а не комок неконтролируемых нервов.

– Ну, что? Всё выяснила?

– Я – да, а ты?

– Я тоже... Тогда идём?

– Да, идём!

– Надеюсь, ты на машине?

От увиденного Вова впал в пространное состояние. Я поставил на его стол бутылку вина и спешно бросился на улицу вместе с Софией.

– Ммм... «Ламба»! Жёлтая?

– Да! Нравится?

– Хороший авто! Один мой знакомый постоянно говорит, когда видит подобную машину: «Блин, за такую тачку я бы женился!».

– Значит, чтобы выйти замуж надо просто иметь «Ламбу»?

– Нет, не только. Ещё можно иметь «Мазирати», «Феррари», «Астон Муэртин»! Ещё много драндулетов есть...

После этого поцелуя мы стали довольно близки. Видя, как она смеётся, мне казалось, что мы знакомы всю жизнь и, как ни странно, это не отталкивало, а, наоборот, безумно нравилось.

– Знаешь, но такой брак будет не очень искренним!

– Зато он будет! – ответил я.

– Куда едем? – спросила София.

– Нам очень быстро надо добраться в одно место. Дорогу я буду показывать по ходу движения.

– Даже сейчас у тебя тайны?!

– Это не тайна. Это интрига!

– Ну, тогда ладно! Что медлишь? Садись, поехали!

Резко стартонув с места, мы рванули туда, где я весь город мог положить к её ногам. Резвое, но филигранное вождение затрудняло мою штурманскую деятельность.

– Что? Страшно?

– Нет, просто хочется завтра проснуться дома, а не в больнице.

– Скажи, а ты тоже бы женился за «Ламбу»?

Этот вопрос был из разряда «Рыба утонула!». Мы с улыбкой переглянулись.

– Только если цвет будет синий!

До места мы домчали за пятнадцать минут. Выйдя на улицу, я почувствовал будоражащий запах леса. Это было мое родное место, которое я чувствовал совершенно на другом эмоциональном уровне. Теплота и шарм родных просторов всегда насыщали радостью.

– Ты что, хочешь повести меня в густой лес?!

Скрупулёзный взгляд явно ожидал какого-то подвоха с моей стороны.

– Я поняла – ты маньяк!

– Ты именно это хотела выяснить при поцелуе?

– Слушай, ну, ты что, серьёзно? А моя машина? Здесь через пять минут от неё только колёса останутся, в лучшем случае!

Софии действительно было как-то не по себе от моей задумки.

– Вон, видишь, небольшая насыпная дорога, которая тя-

нется вдоль леса? Справа!

Девушка развернулась в ту сторону, куда я акцентировал её внимание.

– Смотри! Видишь, к нам бежит тринадцатилетний мальчик. Его зовут Артём.

– Откуда ты его знаешь?

– Тёма – один из тех детей, которым ты так стараешься помочь, жертвуя собой...

Артёмка с открытой и искренней улыбкой подбежал к нам.

– Здорово, Уратмир!

– Здорова, Тёма! Ну, как тут на районе? Всё спокойно?

– Конечно. Уратмир, что ты сегодня принёс?!

Тёма настойчиво пытался забраться в сумку, которую я держал.

– Тёма, ты сегодня один что ли? Где остальные?

– Нет, нас сегодня семеро. Да и ты тоже не один! Это твоя машина?

С пареньком было тяжело разговаривать в силу его отчётливо цепкого интереса к сумке.

– А почему они нас не встречают?

– Ну, они вон там! Смотри! Видишь? Устанавливают важное бревно нашего укрытия. Сейчас все прибегут...

– Тёма, ты забыл первую заповедь «шалашей»! Тайные укрытия, о которых я тебе говорил, никогда нельзя делать на видном месте. Укрытие должно быть скрыто от любых глаз

и противник должен очень постараться, чтобы его обнаружить, а ещё лучше, если его вообще никто не найдёт. Эх, вы! Почему вы не сделаете его где-нибудь в лесу?

Этот уместный аргумент зацепил маленького хулигана и заставил его хоть чуть-чуть прекратить носиться вокруг меня.

– Уратмир, да, я знаю! Мы и сами не рады такой постановке. Но бабушка Зина не разрешает нам заходить в лес и гулять там. Она говорит, что сейчас много нехороших людей, а она за нас отвечает.

– Ладно, Тём, беги быстрее, скажи бабе Зине, что я приехал.

Юнец рванул в угловой дом возле леса.

– Баба Зина? Тёма? Тайное укрытие? Ты хоть что-нибудь мне расскажешь? – недоумевая, произнесла София.

Мы медленно направились к калитке, в которую забежал мальчишка.

– Не переживай, скоро ты всё узнаешь. За машину вообще не тревожься. Тёма тут весь район контролирует. У него детдомовская хватка. От этого взгляда ничто не ускользнёт. Цепкий парень!

– Да уж! Доверять детдомовцу! – повествовательно произнесла девушка.

Сказанные тихо, но услышанные мною слова, просто восткнули нож в сердце. Это было омерзительно неприятно и, что совсем плохо, произнесла их та, в которой я души не ча-

ял. Вмиг я прекратил идти. Мои скулы начали напрягаться.

– Говоришь, детдомовским нельзя доверять?! Да! Это вполне в вашем светском духе!

– Ну, ты меня не так понял.

– А ты знаешь, что слово, данное детдомовцем, стоит больше, чем любое другое! И знаешь почему? Нет? Не знаешь? Потому что каждый их день, каждая прожитая минута пропитана суровой правдой жизни. В их времени нет места пафосу и гламуру, нет забот и переживаний о близких, нет иллюзий о добре и зле. Они видят мир без преград пристрастий к своему праву выбора. До восемнадцати лет они смотрят на мир через высокий решётчатый забор детдомовской площадки. Каждая секунда их существования превращается в сражение с реалиями нашей демократии. Именно в детдоме можно увидеть всю зрелость нашего общества. Именно там эти дети перестают пытаться испытывать пустые иллюзии. И вот изо дня в день, выживая в таких неприглядных условиях, они начинают ценить две вещи. Первое – это «Правду», а второе – сделанное для них «Добро». Из этого следует, что слово, данное детдомовцем человеку, сделавшему ему добро, содержит две вещи. Первое это – «Правду», второе – «Искренность», воспитанную на двух началах – «будешь ты жить или нет».

Мои слова не на шутку зацепили Софию Премудрую, которая была подавлена.

– Нет–нет! Ты меня неправильно понял! Я не то хотела

сказать... Прости!

Я знал, что её чувства искренние – без фальши. Она честна, прежде всего сама перед собой. Ведь представления о беспризорниках складывались из понятий, стереотипов того мира, в котором она воспитывалась. «Правда» и «Искренность» имели там другие значения. Её мир жил на лицемерных условиях. Если ты говорил «Правду», значит, тобой можно пользоваться и применять твою откровенность в корыстных целях. А «Искренность» приравнивалась к слабости и тебя втоптывали в землю. А высказывание Софии о доверии детдомовским, скорее свидетельствовало о недоверии ко мне, поэтому, улыбнувшись, я произнёс: «Не доверяешь мне?».

– Знаешь, есть из-за чего! – надув губы, произнесла София.

– Сейчас ты будешь доверять мне как себе. Вон, смотри, бабушка Зина.

Мы ещё не успели дойти до калитки, а к нам навстречу семенящими шажками в вековых «лаптях» торопливо приближалась энергичная старушка, обладающая неутомимым и весёлым нравом.

– Внучек! Внучек! Здравствуй, внучек! Ну, дай бабушка тебя поцелует, – она потянула меня за ухо, обняла и поцеловала в щёку.

– Ой, вымахал! Уже взрослый парень, а бегал такой маленький, все время шалил, кукольный был, как девочка! Ну,

знакомь бабушку с твоей невестой!

Бабушка Зина всегда умела заставить меня краснеть. Я резко посмотрел на мою спутницу, названную бабулей «суженой», и снова на бабушку, но никак не мог найти слов.

– Меня зовут София...

Этимися словами она прямо камень с моих плеч сняла. Но баба Зина не упускала момент.

– А что, ты, внучек, так переволновался. Что, забыл, как зовут невесту.

Это был не вопрос... Баба Зина разговаривала в пустоту.

– Ну, внученька, не переживай! Уралик всегда был очень застенчивым с девушками. Ладно, пойдёмте в дом...

Бабушка взяла Софу под руку и, оставив меня позади, продолжала рассказывать ей о моей жизни в деталях, начиная с того момента, как я ещё не начал ходить на горшок. Самое поразительное было в том, что между прерывистым смехом и многозначительным хихиканьем Софийка поближе наклонялась к бабе Зине и издевательски перешёптывалась с ней, тем самым демонстрируя объединение их мнений в отношении моей персоны. Общий язык был найден мгновенно.

– Баб Зин, я тут продукты кое-какие принёс. Вытряхну их на кухонный стол?

Тут же в кухню вбежало много детей.

– Вау! Круто! Что это?

– Тёма, это то, что вы сегодня будете кушать...

– И пить это вино? – удивлённо произнёс малец с явно выраженным беспокойством в огромных голубых глазах.

– Нет, вино вам ещё рано...

Бутылки я сложил обратно. Баба Зина принялась накрывать на стол.

– Ба, не надо... У нас мало времени... Мы сейчас уходим...

– А что так?! Ты не хочешь побыть немного у любимой бабушки?

– Хочу ба, но я обещал Софии, что кое-куда отведу её. А чтобы успеть до темноты нам надо идти сейчас.

– Понимаю, понимаю, внучек! Ну, давай, я вам хоть бутербродов нарежу, да положу своих фирменных пирожков с картошкой. Хорошо?..

Ну, даже если бы я сказал нет, то это не сыграло бы никакой роли для «Ба». Она всё равно собрала бы нам в дорогу чего-нибудь перекусить. Баба Зина не знала, что можно поесть не только то, что приготовлено дома и взято с собой, а ещё можно перекусить, например, в «фаст-фудах». Но такое слово для неё вообще не существовало, да и никакой «фаст-фуд» не мог сравниться с заманчиво пахнущими пирожками «бабо».

– Блин, Баа, прости! Я без подарка! У меня совсем вылетело из головы, что у тебя день рождения!

Я действительно вспомнил об этом событии только сейчас. И тут, как показалось на первый взгляд, меня попыта-

лась выручить Софью. Она сняла со своего запястья драгоценный браслет и протянула его мне. Я, естественно, не понял, что это значит.

– Ой, внучек, не переживай! Зачем мне подарки! Старушка уже сотый десяток разменяла! Хватит мне подарков.

– Бабушка Зина, Уратмир пошутил, мы принесли Вам подарок!

– Что ты делаешь София?

«Ба» обрадованно развернулась к нам. Браслет был в руке Софии и делать было уже нечего. Я, натужно улыбаясь, стоял рядом. «Бабо» вытерла руки о свой миллионнолетний фартук. Прищурившись и подойдя к нам, она опустила взор на браслет. В отличие от Софии, которая глупо улыбалась, я понимал, что это не лучшая идея.

– Поздравляем, поздравляем! – громким и радостным голосом произнесла София. Баба Зина взяла безделушку в руку. Все «мелкие» собрались вокруг нас, ожидая вердикта «Ба».

– Очень красивая вещичка... На, Уратмир, положи её в моей спальне к остальным. Внучек, я думала, что ты мне сделаешь что-нибудь своими руками, как во все прошлые годы. Помнишь, в десять лет ты выковырял тигра, больше похожего на круглого слона. Я храню эту драгоценность в тайном месте и никому не даю с ней играть.

Малыши, выдохнув, разбежались обратно по своим местам.

– Хорошо, Бабо! София, пойдём!

Озадаченности Софии не было предела. Вообще ничего не понимая, выйдя в коридор, девушка не сдержалась:

– Что?! Безделушка! Безделушка? Да знаешь, сколько она стоит?! Значит, какой-то кусок деревяшки, вырезанный тобой в десять лет, для неё «драгоценность!», а браслет с бриллиантами безделушка?!

Мне нечего было сказать. Я открыл дверь в комнату Бабо и взмахом руки предложил войти. Мы сразу упёрлись в трюмо. Содержимое, находящееся на нём, смогло быстро успокоить взвинченность «голубой крови». Более того, София оторопела и с трудом выговаривала слова.

– Прости! Что это?

– Где?

Мы подошли к захламлённому трюмо.

– Не может быть, да это же, это!..

Забыв о своём браслете, она тут же с упоением и восторгом знатока провела руками по огромному количеству небрежно разбросанных дорогих «безделушек!».

– Боже, это то, что я думаю?!

– Да! Это – то самое! – и я кинул её браслет в шкатулку с кучей всяких баснословно дорогих украшений, стоящую здесь же. А София никак не могла отвести взгляд от золотого яйца с часами.

– Послушай, ведь это Карл Густавович! Это то самое яйцо, которое утеряно?! А оно здесь! Этого не может быть! Это,

наверное, подделка?! Да?!

После сказанного, с женским азартом к прекрасному, она обратила внимание на остальные предметы, которые находились в тусклой, надушенной томной горчинкой кипариса, с вкраплением лёгкой прохлады, пропитанной духом горделивой старины, комнате бабули.

– Я что, попала в какое-то тайное хранилище безумно дорогих вещей? Да здесь каждый предмет составляет мировую ценность! А все драгоценности, что лежат на трюмо – сплошь знаменитые брэнды прошлого, да и настоящего!

– Теперь ты понимаешь, почему твой подарок обозвали безделушкой?

– Теперь, конечно, да! Но откуда это всё здесь? В этом доме?!

– Понимаешь, это немного сложно... И в двух словах вряд ли можно рассказать довольно ёмкую и мозаичную историю жизни. Баба Зина является представительницей одной из тех семей, которые жили здесь с момента основания нашего города. Она очень благородного дворянского происхождения. Все представители рода Бабо – самые достойные люди. Среди них и учёные, и врачи, ну, и тому подобное. Бабо сохранила их наследство до сих пор.

– А почему она не продаст это всё и не проживёт красиво?

– Вот так может думать только наше поколение. Она живёт традициями. Ценит нажитое и переданное ей предками. Если ты заметила, по меркам Бабо, она живёт очень даже за-

житочно.

– Шутишь?

– Нет, не шучу. О, пропащее поколение! Ну, смотри! Бабо девяносто четыре года. Родилась она, ну, где-то в середине тридцатых годов прошлого века в дворянской семье с древней родословной с устойчивыми традициями. На всё это ещё наложила свой отпечаток «Красная революция», вырубая под корень буржуев и имея под постоянным прицелом абсолютное большинство дворян, госслужащих, помещиков, купцов, промышленников, ну, всех, кто хоть мало-мальски что-то имел.

– Так вот... После масштабного подрезания, срезания и выравнивания огромной массы большого количества народа, жившего в Российской Империи, получился «справедливо» одинаковый мир, где каждый имел то, что осталось на обломках пустой, разорённой земли. И как ты понимаешь, критерием нормального советского человека в этом генезисе стал голый, нищий, недоедающий, с огнестрельным запретом на культурный слой прошлого, но искренне верующий в лозунг: «Пролетарии всех стран объединяйтесь!» человек...

– Ты хочешь сказать, что если бы в тот момент, после бессмысленного и глупого кровопролития у «выигравшего красного солдата» в его стране осталось бы больше чем «ничего», то и критерии у кричавшего: «Власть народу!», – были бы другие?

Такой острый и схватывающий ум был мне по сердцу. Но

я сделал чрезвычайно удивлённый вид и уточнил:

– Ты имеешь в виду ту власть, которая подчиняет чужую волю своей и борется за свою свободу, уничтожая чужую?

– Ну, а что? Есть другая власть, другая свобода?

Мы тут же оба улыбнулись.

– Оуу! Погоди-ка! Дай мне сначала закончить о Бабо. А потом, конечно, если ты захочешь, мы по дороге поговорим об антагонизмах воли и власти.

– Хорошо... Мальчик!

– Так вот... Бабо всё время пыталась жить так, как по своей природе не могла: носить одежду, которая была ей не по статусу; жить там, где ей было совсем некомфортно; питаться тем, что было; читать то, что можно; любить то, что нелюбимо. Это всё исходило из общего положения народа. Не она одна ничего не имела – так было везде. Но тут сразу возникают вопросы: «Везде ли? Всегда ли?». Нет! Так было возможно только в первые тридцать лет построения социализма.

После войны коллективизм наступил на те же грабли, что и индивидуализм дворянства Российской Империи. Странно, но в насыщенном дорожном потоке пристегнулись те, кто управлял танком. Что это дало людям? Небольшой, но глобальный «воздух». Он полностью выразился в Бабо. Посмотри на дом, который во время его постройки считался запредельно шикарным: в нём высокий фундамент, дорогая древесина, цокольный этаж, высокие потолки. Но заметь, нет излишеств, нет красивых узоров. Этот дом по тем временам, на нашем

сленге, можно было охарактеризовать как: «Строго, дёшево, но сердито...». Посмотри и на саму Бабо! Она ходит в «лаптях», в старом разноцветном фартуке, в косынке времён а-ля «бабушки, вечер, лавочки, сплетни, гармонист дядя Гена».

Но на самом деле Бабо не просто богата! Она сказочно богата! Она миллионерша, у которой по комнате сплошь разбросаны антикварные драгоценности уровня мирового наследия. Она умна, образована, знает несколько языков и все это прячет за маской простоты. Её огромное сердце не имеет предела доброты и скрывается за ширмой вульгарной пыли. Она смотрит на все эти годы, сохраняя горделивую осанку своей чести. Это придаёт ей почёт и вызывает огромное уважение. Такие, как Бабо смогли донести до лучших времён наследие предков, пусть и храня их не совсем аккуратно. Бабо является одним из последних представителей искорёженной, но оставшейся интеллигенции «России» прошлого века.

После этого красноречивого монолога я ожидал от Софии любого вопроса, ответа, ну, или вообще пустого пожимания плечами, но ошибся.

– Ммм, значит ты знатного рода? Может, даже граф? – серьёзно сказала она.

– Я граф? Нет! Мы с Бабо дальние родственники. Она мне двоюродная прабабушка. Это довольно весомое расстояние в родстве.

– Урастик, где вы? – позвала нас Бабо.

– Пойдём быстрее, мы уже выбиваемся из графика, – ска-

зал я.

– У меня всё готово. Я всё сложила тебе в сумку, – проговорила Бабо.

Бабо очень хорошо знала цену времени и, если она слышала фразу о том, что надо поторопиться, она действительно не теряла ни минуты, и делала всё очень живо.

– Стой, Уратмир! А как же драгоценности? Они что, так и будут храниться здесь? Это же целое состояние! Бабулю точно кто-нибудь ограбит!

– Успокойся. Они тут уже сто лет лежат и ещё столько же пролежат.

– Бабо! А что ты тут собрала? Ну, я же не в поход собираюсь! Ладно! Ба, а где у тебя фонарик? Мне он может понадобиться.

– Уратик, он у меня в сарае, сразу, как дверь откроешь, справа на гвоздике висит.

Я выскочил за ним.

– Да, эту дверь всё же надо починить, – подумал я, отворяя с трудом или, другими словами, переставляя старую дубовую дверь на чугунных петлях.

– Надо срочно починить или вообще поменять её...

Взяв фонарик, я тут же рванул обратно и увидел картину, которая не удивила моё и так разгневанное самолюбие: Бабо опять что-то рассказывала Софии про меня.

– Всё! «Ба», мы пошли!

Я схватил сумку и пошёл к калитке. София спешно выбе-

жала за мной. На улице бабушка Зина принялась нас расцеловывать.

– Ну, ба! Ну, хватит! Ну, всё!

– Уратик никогда не любил целоваться, – этими словами Бабо опять заставила меня смущённо суетиться.

– Ба, ну такими темпами Тёма истечёт слюной или начнёт есть рукава. Не заставляй детей ждать. Они и так ходили, как коты, вокруг стола, пока ты с нами возилась.

– Ой, да они сытые! Я их только покормила!

– Ну, одно дело, когда ты их кормишь обычной едой, а другое дело – икра... Всё! Мы пошли!

Мне думалось о том, как София поняла слова Бабы Зины: «Уратик не любит целоваться!». Не выдержав, я перебил пустую тишину своими словами:

– Слушай, ты это, не думай, мне нравится целоваться...

– Верю!

Тишина рассыпалась нашим смехом. Мы зашли в лес, который для меня был вторым домом. Здесь, даже после стольких лет взрослой и отлучённой жизни, я опять чувствовал себя беззаботным мальчиком одиннадцати лет.

– Знаешь, в наше время никто из родителей, дети которых жили в этом районе, даже не могли подумать о том, что отпускать детей в лес поиграть, побегать, покататься – это опасно.... Лес был моим жизненным ареалом! А теперь что? Бабо даже не даёт им сделать шалаш в лесной чаще. Я знаю каждое дерево, каждую тропинку, каждый пенёк. Знаю, где

здесь гнёзда белок и орлов... И сейчас особенно, до боли, всё стало знакомо.

Я присел на корточки и взял тростинку... Перед глазами расстелились три тропинки. Одна вела через яр к большим родникам и красивым пологим водопадам, другая – стремилась прямо к «светлой роще» – так в детстве мы называли большое оголенное бездревесное пространство, находящееся в глубине лесной чащи. Это местечко было очень интересным и загадочным с точки зрения его вида и расположения. Я и мой друг Рома наткнулись на него примерно в десятилетнем возрасте во время очередной, наверное, тысячной экспедиции по исследованию нашей лесной зоны и нахождению с ней взаимопонимания. Обнаруженное нами просторное место сразу же превратилось в районный стадион для игры в футбол. Большинство парней, прознавших про лесную площадку, приходили туда играть и весело проводить время в жаркую летнюю пору. В двух шагах находилась небольшая родниковая заводь с очень чистой и проточной водой в тени лесного массива. А третья тропа, которая изначально выходила к просеке между трёх водопадов, была нужным нам сегодня направлением. Итак, наш загадочный путь лежал к пяти старым дубам.

– Уратмир, а что за дети, которые сейчас находятся у бабы Зины? Кто они? Откуда?

Я поднялся на ноги. В моей голове уже сложился невероятный по красоте путь к заветному месту в этом сказочном

лесу с учётом ограниченности временных рамок и отдалённости последнего момента посещения этого лесного мира. Тем более что уже при входе в чащу были заметны особенности долгого и полного отсутствия здесь даже случайных людей.

– Это дети из районного реабилитационного центра для сирот и оставшихся без попечения родителей. Бабо проработала там всю жизнь врачом. После наступления пенсионного возраста её вытурили на заслуженный отдых. А она всё-таки решила остаться там на миссионерской основе – уборщицей. Ну, а так как ей уже не надо было платить зарплату, они и не стали возражать. Теперь каждые выходные Бабо берёт пятерых, а то и семерых детей к себе – это похоже на попечительство. И самое интересное, чтобы брать к себе ребят, она должна каждые полгода проходить обследование на дееспособность.

– Понятно... Слушай, ты точно знаешь, куда идти? У тебя такое задумчивое лицо...

– Я думал, что после того как Бабо вывернула меня перед тобой наизнанку, ты станешь мне доверять?

– Да, после бабы Зины тебе бы доверял и Иван Сусанин. Я просто не уверена, помнишь ли ты дорогу. И вообще, нам куда?

– Всё под контролем, ты сейчас находишься в руках Маугли этой дикой природы.

– Оооо! Как нескромно! Прямо так и Маугли?! Этот лес

огромен! Да, и судя по заросшим травой тропинкам, люди здесь – не частые гости!

– Это правда. Дорога предстоит непростая. В моё время нам было бы проще дойти до двугорья, но оттуда всё равно пару километров пришлось бы пробираться через малопроезжие дебри.

– Да, но тут даже эти старые тропы завалены упавшими деревьями, мягкой и густой травой, здесь полно сухого хвороста. Я даже не хочу думать про место, о котором ты говоришь. Если в то время там было тяжело пройти, то что же теперь?

– Вот поэтому надо быстрее идти и меньше разговаривать! Поверь, не всё так сложно под луной. Я научу тебя быстро передвигаться по затерянным направлениям. Минут через пятнадцать ты будешь таким же «Маугли-человеком» только женского пола.

– Ну, тогда идём, и не болтай больше!

Толкнув меня в плечо, она двинулась вперёд.

– Эй, постой, воин в платье!

– Ну, что опять?

– Сними туфли и дай их мне.

– Что? Зачем?

– Давай быстрее!

Взяв туфли, я сломал им каблуки.

– Что ты делаешь?

– Делаю тебе удобную обувь. Теперь оборви себе платье

чуть выше колена. Я взял у Бабо кеды на случай, если будет совсем неудобно, но они совсем не лакшери...

– Ты что, рехнулся! Ты уже испортил туфли за десять тысяч долларов, а теперь хочешь, чтобы я порвала платье за сорок?

– Давай, рви быстрее, тебе неудобно будет передвигаться в столь длинном одеянии.

– Да оно и не очень длинное! У меня сил не хватит! Рви ты. Да я и не знаю, какая у него должна быть длина, чтобы мне было сподручней!

Подойдя к Софии, я бегло оценил длину.

– Ну, что? Рассчитал?

– Да! Вот так надо. Но мне нравится так!

Не успев ничего сказать, молодая девушка уже стояла в оборванном платье, которое лёгким движением руки превратилось из длинного в коктейльное.

– Теперь хорошо?

– Нет, ещё пару штрихов. Стой пока. Неужели тебе не нравится ощущать босыми ногами мягкую травушку–муравушку?

Я разорвал надвое тот кусок платья, который был у меня в руках.

– А это зачем?

– Много вопросов. Пора уже начать соображать. Сядь на это дерево и выставь мне ногу.

Обмотав ей стопы по типу портянок для устойчивости, я

надел на неё спортивный вариант модельных туфель.

– Так, теперь они будут сидеть плотно и щиколотка никуда не подвернётся. Хорошо, что твоя обувь больше похожа на полусапожки. Ты в них как амазонка. Спортвариант...

Пройдя пару сотен метров и преодолев несколько старых упавших деревьев, я всё-таки задал ей вопрос, который крутился у меня на языке:

– София, скажи, неужели ты и правда хотела идти в лес в том виде, который у тебя был?

Прочитав на моем лице неосторожный флюид как явный намёк на её глупость, она нашла достойный ответ:

– Слушай, а неужели ты не мог взять у бабы Зины какие-нибудь штаны?

Моя улыбка напоминала оскал, как после пощёчины, а её оголённые клыки были острыми, как и её язык.

– Нет, такие божественные ноги нельзя прятать от моих глаз в штаны! Тем более в те штаны, что есть у бабы Зины!

Секунду помолчав, я добавил:

– Если честно, я не мог отказать себе в желании увидеть твои ноги...

– Ах, ты! Да ты и впрямь маньяк! Стой!

Смеясь, она бросилась за мной. Игриво убегая и догоняя друг друга, искренне радуясь, мы зашли вглубь леса. Внезапно София остановилась и замолчала. Её взор был устремлен вдаль. В её глазах было божественное удивление окружающим спокойствием. Я медленно подошёл к ней и мне стало

понятно, отчего она так переменялась.

– Знаешь, Уратмир, это чудесно!

– А почему шёпотом?

– Ты слышишь, как тут тихо? Это восхитительно! Здешнее спокойствие имеет странный привкус. Я пока что не могу понять его. Удивительно – здесь можно расслышать бие-ние сердца!

Она рефлекторно приложила свою руку к моей груди.

– Мне кажется, что всё вокруг происходящее – это есть чья-то тайна!

– Почему тайна, София?

Наших голосов практически не было слышно. Все звуки поглощала тишина.

– Ты привёл меня в сказку. Я не могла себе представить, что в мире ещё существует волшебство. Последнее чудо, в которое я верила, умерло вместе с развеянным мифом про Деда Мороза.

Улыбнувшись, я ответил:

– Да, мне тоже это знакомо...

– Сам посуди, только волшебство могло привести нас сюда. Ведь три часа назад мы даже не знали о существовании друг друга. Как «великие уста жизни», рассказывающие наши судьбы, могли заговорить друг с другом? А сейчас я иду за тобой в самую неведомую глубину густого леса и, как ни странно, мне совсем не страшно. Здесь, с тобой, я чувствую себя как никогда спокойно. У меня такое чувство, что тут

вообще нет времени. О нём нам напоминает только беспокойная кукушка.

– Я знаю, чья это тайна, София!

– Я тоже. Она наша. Мы, два взрослых человека, обнявшись и не думая о завтрашнем дне, с абсолютно разными судьбами, жизнями, стоим здесь, в этом бегущем мире, без гудков, стопов и светофоров, где ни при каких условиях не могли оказаться.

– Да, София, это чудесно! Но нам надо идти, уже темнеет, а нам ещё минут двадцать плестись.

– А ты говорил: «долго идти»...

– Я еще говорил, что время тут идёт за временем ощущения. Не зная, я не веду за собой незнающего. Так и время не берет своих попутчиков, которые не знают его ценность.

– Этого ты не говорил.

– Говорил, но не тебе.

– Что?! Так–так, значит это хорошо продуманный маршрут по завоеванию девушек? Сколько раз в неделю ты тут занимаешься романтическими экскурсиями и давишь на жалость? А-ну, иди сюда, здесь тебя никто не найдёт!

– Ммм, милая, да ты уже ревнуешь?

Так же смеясь, и уже довольно быстро, не замечая расстояния остававшегося пути, мы добежали до заветного места.

– Ну, всё-всё! Я пошутил! Что ты? Вон, смотри!

– Там лес заканчивается. Я думала он больше...

– Конечно, нет! Тут начинается крутой склон, глубокий

перепад, там дальше обрыв.

– Ну, и куда нам теперь?

– Пойдём, – и я потащил её за собой.

До места оставались считанные метры. Я не меньше Софии очень хотел увидеть заветный уголок. Мой пульс учащался с каждым шагом. И вот показался крутой и очень узкий спуск, полностью заросший бузиной. Он встретил меня несколькими ударами по лицу ветками кустарника. Прикрывая собой Софию, я пробрался к месту. Увиденное потрясло нас. Моему счастью не было предела – здесь всё осталось таким же, как раньше.

– Уратмир, разве такое возможно?!

– Я нашёл это место случайно, когда подвернул ногу и начал падать в этот обрывистый проём. Тогда казалось, что я лечу с обрыва вниз, а оказалось – в рай...

– Это похоже на врезанную в скалу, площадку для отдыха с бассейном у края...

– Да, я назвал это место комнатой «У-ра»...

– Комнатой?! Нет! Это пентхауз! Если бы мне кто-то рассказал о существовании такого чуда, я бы ни за что не поверила...

– Теперь ты понимаешь? Я не мог поведать тебе о нём. При всём своём желании мне бы не удалось сделать это...

– Разве может природа создать такое?

– Только живая природа и могла сотворить чудо. Пойдём ближе. Я тебе всё покажу.

– Какая странная заводь! Она напоминает огромную ванну–джакузи. Посмотри, насколько прозрачна здесь вода. Откуда она взялась?

– Первое время я тоже не мог понять откуда здесь этот мини–прудик с кристальной водой, но потом... Дотронься до глади...

София не хотела нарушать абсолютную красоту своим прикосновением.

– Ну, я не знаю?!

– София, это место существует, чтобы им любоваться, и поверь, если одно безупречное существо коснётся другого – плохого не произойдёт.

Она медленно протянула руку к воде и лишь слегка провела по ней кончиками пальцев.

– О, боже! Она тёплая! Да нет, она даже очень тёплая! Ближе к горячей! Как это возможно?

– Это родник. Гейзеры. Вода здесь бьёт из–под земли. Где–то посередине выходит горячий напор. Всё дно и бока этой заводи состоят из какого–то бело–голубого мягкого, но плотного вещества. Скорее всего, это приятный на ощупь минерал.

– Наверное, поэтому вода такого ярко–бирюзового цвета?!

Пока мы восхищались этим великолепием в реальном мире, темнота вступила в свои права. Яркий свет луны отразился от ровной зеркальной глади. Время пришло.

– Раздевайся!

Я начал скидывать с себя одежду.

– Уратмир, что ты делаешь?

– Раздеваюсь...

– Ты что, хочешь туда прыгнуть?

– Конечно, но прыгать туда я тебе не советую. Там не очень глубоко, в середине – где-то по подбородок. Советую спокойно зайти...

– Но зачем?

– Я не вижу другого способа добраться, вон до того кусочка суши, который является краем этого обрыва.

– Я всё равно не понимаю, зачем нам туда лезть?

– Слушай, я хочу выполнить своё обещание. Давай! В воду марш!

В прудике по моей коже прокатились мурашки – это была дрожь воспоминаний. Постепенно погружаясь в плен тиши, я предавался воспоминаниям обо всех предыдущих купаниях. Я помнил эти моменты настолько хорошо, словно происходило это вчера. София не торопясь начала снимать с себя плотно надетые туфли.

– Давай, быстрее! Тут на ближайшие пять–десять километров вокруг нет ни одной души.

Она не спеша подошла ко мне. По мягкому и очень приятному дну мы устремились к противоположному краю. Из-за больших старых ив, росших по бокам этого диковинного полукруглого места, похожего на полость ракушки, мы пока не видели того, что я хотел показать. Подойдя ближе и су-

мев зайти за эти плакучие ветви, я вылез на клочок мягкой минеральной суши, через которую постоянно падающая вода, медленно, будто из разбитого стеклянного стакана, сливалась с обрыва вниз. Вытащив Софию к себе, я открыл её взору наш ночной город со стороны птичьего полёта.

Она же хватко вцепилась в меня как в спасательный круг. Лёгкий ветерок пошатнул нас, чем добавил незабываемых ощущений. Мы слышали одинаковую музыку, которую играла нам сама природа, будто приглушённые мотивы плачущего саксофона.

– О-е-ей...! Весь город как будто у наших ног.

– Да, в таком ракурсе наш город видели всего лишь восемь человек, – держа в объятиях Софию, задумчиво, и смотря просто вперед, произнёс я.

– Восемь?

– Потом расскажу. Любуйся...

– Мне кажется, что я стою на воде. Повернись, посмотри быстрее! Смотри на воду.

Водная гладь, как зеркало, отражала нас.

– Как красиво, Уратмир! Это похоже на огромное зеркало! Я хочу запомнить нас такими.

– А я напишу дату!

Мы наклонились к воде. Я лёгкими жестами указательного пальца написал время, день, месяц, год нашего момента на глади прудика.

– Это волшебное зеркало... Даже если мы никогда боль-

ше не встретимся, не увидимся, это место всегда будет хранить этот момент. Это будет «наш» секрет, «наша» сказка, «наше» чудо, София.

– А если кто-то из нас захочет снова вспомнить «нас», просто нужно будет написать на воде время, дату, месяц и год. Да?

Оказавшись на краю неба, мы очутились в том месте, где человек может стоять на воде, ловить облака руками, а смотря вниз, лицезреть огни города.

– Знаешь, мы стоим в самом странном и неведомом месте, полуголые. Тёплая вода ласково касается и греет нам стопы, мягкая суша создает ощущение небесной тучки, звук падающей воды возбуждает воображение, весь город со своими огнями находится у нас на ладони, плачущие ивы, будто смущаясь, закрылись своими ветками. Если мы поцелуемся, это не испортит момент?

После этих слов я опять ждал пощечины, но мне удалось увидеть лишь воздушную улыбку загадочно-прелестной девушки.

– О, небеса! Бабушка Зина была права! Ты очень скромный!

– Это плохо? – спросил я и стиснул зубы, уже ожидая удара. Поэтому поцелуй стал ещё неожиданней и желанней.

– Ты немного дрожишь, – спустя волшебное мгновение, сказал я.

– Да. Мне немного прохладно.

– Пойдём, я сейчас разожгу костёр.

Мы опустились в воду и пошли к месту, где оставили вещи.

– Знаешь, может быть, я пока постою в воде.

– Нет-нет, выходи!

Одев её в свои вещи и укрыв плечи спортивной кофтой, я предложил ей присесть на лавочку.

– Интересная скамейка. Ты сделал?

– Да, я и те шесть человек, которые помимо нас были здесь.

– А где ты сейчас будешь искать дрова? Где возьмешь спички?

– Спокойно, мы же в лесу!

– Да, но сейчас темно! Это здесь наш оазис освещает луна...

– Не переживай, мы с Владом всегда отставляли впрок дров, брёвен, хвороста... Тайник там! Единственное, я не думал, что наши заготовки будут настолько уж далёкое будущее – так долго ждать своей востребованности...

Подойдя к левому краю земляного скоса, я наклонился.

– Ну, что-нибудь там есть? Знаешь, вообще–то такое место можно было сделать с помощью большого экскаватора с огромным ковшом, только он мог так выгрызть края этого обрыва и разровнять такую открытую площадку, – это были мысли вслух из уст изящной девицы.

– Ура! У нас есть дрова для розжига костра и зажигалка,

даже три. Знаешь, когда я впервые позвал сюда пятерых своих лучших друзей, мне было тринадцать. Увидев это место, они в один голос сказали то же самое, что и ты.

Тем временем, я сложил щепочки в шалашик и развёл костёр.

– Значит, это вы сделали лавочку и немного тут обустроились?

– Да, мы. Самое интересное то, что судя по всему, мне удалось побывать здесь последним. Чёрт! Здесь целых тринадцать лет никого не было...

– С чего ты взял?

– Понимаешь, будь сейчас немного светлее, ты бы обратила внимание и заметила, что наверху у края обрыва растёт ива, очень удобно прикрывающая открытое пространство. Под ней стоит массивная палка, выполняющая функцию огромной балки, которая поддерживает перекрытие и не даёт верхней земле ссыпаться или сползти. Пойдём, покажу.

Костёр потихоньку разгорался. Мы с Софией подошли к свисающим веткам ивы. Я аккуратно раздвинул их рукой, и мы вошли в ещё одну тайну этого Эдема.

– Послушай, сколько здесь ещё секретов? Как вам удалось сделать такое?

– Мы были «профи» во всём, что касается постройки тайных укрытий.

– Да это же целая большая полуземлянка, полушалаш, находящийся на большой высоте! Как у вас только фантазии

хватило соорудить нечто подобное?!

– Это место навивает только чудесные идеи! Если честно, нам на ум сразу пришла такая мыслишка. Этот укромный уголок и так был незаметным, он был спрятан самой природой. Приложив фантазию и небольшие усилия, мы достигли абсолютной скрытности. Ничего сложного нет! Конечно, пришлось попотеть. Когда мы копали это убежище, наша работа напоминала поедание яблока червём, только с риском обвала потолка. Поэтому в четырёх углах мы поставили крупные деревянные балки. Видишь, мы покрыли их лаком, чтобы они не портились. Но я даже не ожидал, что настолько хорошо всё сохранится, в том числе и стены.

– Да! У вас хорошо получилось! Комната всего из двух стен и вид отсюда потрясающий! Великолепно! Но, на мой взгляд, вы не всё продумали.

– Да? И что же?

– Облиственные ветки ивы мешают хорошему обзору, они как естественные жалюзи закрывают вид на город...

– Ну, да! Ну, да! Но в этом есть свой плюс! Такое дерево неплохо прячет это чудо-место.

– Слушай, здесь даже есть какой-то шарм. Всё так грамотно обито древесиной, даже не похоже на то, что ты находишься в шалаше. Одно только странно – почему здесь некуда сесть? Просто пустое место вокруг, а пол – голая древесина.

– У-у-у! Эту фишку придумал Серёга, – я тут же бросился

в дальний тёмный угол укрытия.

– Что там?

В моей руке был большой, плотно запакованный пакет.

– Смотри!

Я вытащил из него гигантский мягкий плюшевый плед молочного цвета.

– Да, вы основательно подготовились.

Я расстелил его на весь пол

– Это что? Шкура убитого медведя?

– Нет, но очень–очень похоже, правда?!

Все эти вещи вызывали во мне самые приятные воспоминания. Каждый вдох возвращал в далёкое и сладостное прошлое, к мироощущениям тринадцатилетнего мальчика.

– Теперь нам будет, где переночевать. Слушай, меня не покидает ощущение, что здесь таится ещё много чудес, которые могут удивить меня...

Я огляделся по сторонам.

– Да есть, если сейчас же не подкинуть пару брёвен в костёр он потухнет, и это удивит нас обоих.

Я вышел из убежища и подошёл к трещащему костру. София тоже подошла и села на лавочку. Вечер плавно перетекал в глубокую ночь и был насыщен свежим воздухом, пропитанным серебряной пылью лунного света. Лишь только искрящиеся окалины с характерным треском напоминали нам о реальности происходящего.

– О, что это? – её рука водила по лавочке.

– Где?

– Вот тут! Что-то вырезано?

София взяла из костра горящую палку и осветила лавочку.

– Тут, видимо, ножом вырезано?

Я продолжал подкидывать дрова в ярко горящий костёр.

– Там вырезаны наши имена.

– Да, и правда, имена: Олег, Серёга, Женя, Уратмир, Арсений, Иван. Постой, но ты сказал, что об этом месте знает восемь человек, включая меня, а кто ещё один?

Сейчас мне не хотелось рассказывать историю о своей первой любви, но вопрос уже прозвучал:

– Ещё одного человека звали Марьяна...

– Ой, какой вздох! Ты с таким придыханием произнёс это имя!

В глазах Софии читался неподдельный интерес и из этого следовало, что мне опять придётся погрузиться не в самые счастливые, но яркие воспоминания.

– Нет, я тебя не заставляю, просто расскажи, как она оказалась здесь?

Набрав воздуха в грудь, я начал свой рассказ.

– Это была яркая девочка, моя одноклассница. На тот момент мне стукнуло четырнадцать. Сначала это был обычный друг, просто хороший друг. Но как это бывает, по всем законам жанра слащавых романов, дружба переросла в нечто большее. Во что? Я и сам не понял!

Все произошло довольно банально. Скрипучей зимой, в школьные морозные каникулы я, как обычно, после обеда вышел на улицу. В это время моя компания уже была в полном сборе. Там были и те, имена которых выцарапаны на этой лавочке. Вообще в нашей большой команде подростков все были знакомы с пелёнок. В тот день яркое солнце слепило глаза, эффект усиливался белоснежным снегом, кристаллики которого на сильном морозе не таяли от лучей небесного светила, а просто отражали его. Изодня в день беспечных каникул мы беззаботно катались на санях, кидались снежками и отчаянно, до коликов в животе от смеха, намыливали друг друга.

Этот день не был исключением. Наташа предложила сыграть в «Казakov–разбойников» – это игра с множеством участников. Суть заключается в том, что все делятся на две группы: «казаки» – которые ловят, и «разбойники» – которые убегают и прячутся. У нас это действо приобрело некоторый местный колорит: парни и девушки всегда находились в разных командах. Это были своеобразные касты непримиримого соперничества. А ещё «разбойники» должны были придумать пароль и ни в коем случае не выдавать его «казакам». Чтобы выиграть, ловцы должны были любым способом выпытать заветное слово у пойманных «разбойников», либо найти и поймать всех участников, что было сложнее, чем выбить пароль. В мороз получить ключевое слово было проще простого – потёр лицо пойманного снежком, запихал

снег куда непопадая – и готово!

У нас, у парней были такие... В частности, Женя! Ему даже не надо было ничего вклеивать, можно было просто показать горсть сыпучего снега, выражая свои коварные намерения, и он сразу же всё разбалтывал. А когда его ловили девчонки!.. О-о-о! Несмотря на чистосердечные признания, Женю всё равно натирали и засыпали ему полную «авоську» снега за шиворот. Я спрашивал у Вики: «Ну, зачем вы его засыпаете с ног до головы? Ведь он и так всё сразу выкладывает?», – а она честно отвечала: «Да он так прикольно визжит, а потом бежит к маме». Если откровенно, я был полностью с ней согласен. Поэтому, если Женя участвовал в игре за «разбойников», то обычно Саша или Арсений брали его с собой в бегство, таская за собой по пятам. А в те моменты, когда он начинал тупить, ему отвечивали приводящий в чувство подзатыльник. Обычно игра была на время и выигравшие получали хороший приз. Например, зимой проигравшие катали победителей на санях.

В предложении Наташи поиграть не было ничего неожиданного, хотя в этот день парней было меньше, чем девчонок, гораздо меньше – раза в два. Для них это был практически стопроцентный вариант выиграть, тем более что даже в равноценные дни у девчонок было преимущество – нашим минусом всегда был Женёк, он и сейчас был с нами.

Естественно, мы с парнями обсудили это предложение и сошлись на том, что всё равно холодно, и чем просто мёрз-

нуть и лепить очередную снежную бабу, лучше немного побегать. Женя же был оживлён как никогда и рвался в бой — что радовало и обнадеживало всех «разбойников». В связи с погодными условиями мы сговорились значительно уменьшить продолжительность поисковых действий игры, включая и семиминутный «гандикап форы». По нашим расчётам, тридцати минут нам должно было хватить, чтобы неплохо спрятаться и затащить Женю поближе к какой-нибудь пограничной точке игры. Все эти договорённости и бодрость духа Женька давали нам хороший шанс вечером от души накаяться на санях. После заключённого соглашения мы в быстром темпе разбрелись по лесу, при этом, естественно, глубина перемещения была давно оговорена и всех устраивала. Несмотря на то, что все старались поверить в Женю, ему всё же был назначен сопровождающий. Вместе с ним бежал Арсений. Но даже присутствие и контроль со стороны Арсения не давали нам стопроцентной уверенности.

Громкий крик Насти означал конец семи минут форы и начало их охоты. Мы остановились на том месте, куда успели добежать по глубоким сугробам. Наши следы, оставленные в утопающем «холодном песке», никак не могли помочь казакам потому, что весь лес и так был изрезан бесконечными дорожками постоянных перемещений нашей ребятни. В этот момент мы старались быстренько окопаться и не шевелиться. Оборудовать себе укрытие каждый из нас старался на своё усмотрение: кто-то обсыпал себя снегом,

кто-то пытался залезть в дупло дерева – в самом прямом смысле, да-да. Но это действие в последнее время было не очень популярным, так как накануне группа взрослых с помощью бензопилы и нескольких подручных инструментов извлекала из одного такого вероломного дупла хитро впихнувшегося туда Женю.

Так получилось, что возглас Насти о начале охоты застиг меня, Арсена и Женю на расстоянии видимости. С точки зрения доктрины тактики и стратегии игрового процесса, такое расположение было невыгодным, но куда-либо рыпаться было уже поздно. Пролежав минут десять-пятнадцать, нам оставалось продержаться ещё столько же, тем более, что пока вокруг было всё тихо. Голос беспристрастного судьи, избранного коллективно до начала игры, который должен был фиксировать победу или поражение, тоже молчал.

Но как только я подумал о хорошем, тут же где-то рядом раздались радостные возгласы и подшучивания группы девчонок. Через секунду появились четыре «казака», которые неторопливо шли в направлении Арсения и Жени. Естественно, это не означало, что они видят беглецов. Девчонки в любой момент могли изменить своё направление. Хотя, они громко кричали о том, что видят нас и идут по следам. Эта был блеф, обычная примитивная ложь для того, чтобы заставить кого-нибудь нервничать, покинуть укрытие и, сломя голову, пуститься в бегство.

Да, это был обман. И на эту дешёвую провокацию никто

не вёлся, кроме... И тут я посмотрел в сторону затаившихся разбойников. Джексон был на взводе. Арсений невероятными усилиями пытался его сдерживать. Я на сто процентов знал, что щебевающий Женя сейчас говорит и чувствует. Его витиеватые телодвижения, испуганные черты лица лемира говорили сами за себя: «Всё! Мы попали! Нас обнаружили! Они видят нас! Сейчас обойдут! Сейчас подтянутся все остальные и нам уже точно не спастись! Ещё чуть-чуть и мы даже не успеем подняться!». Про паническое состояние неудачника и слабака Жени знали и девчонки, поэтому они без зазрения совести пользовались этим. Прошло ещё мгновение, и паникёр выдал себя, рванув в «тупом» направлении. Здесь можно поставить справедливый вопрос: «Как это в тупом направлении?». Честно, понятия не имею! Не знаю, как это и куда, но это направление всегда было у Жени основным.

Настя уже раскованно и громко закричала о главной новости, чтобы было слышно остальным группам казаков: «Это «Плакса»! Все сюда!». Для одних это означало близость победы и поэтому, кто искал разбойников, бросали всё и мчали на этот крик, а для других это означало – Женин синдром и близость поражения.

В этот момент я посмотрел на Арсения. На его лице отразилась печаль, разочарование и негодование. Не знаю, что сподвигло меня схватиться за соломинку спасения. Выдав себя, я крикнул: «Эй, вот он я! Сюда!». Я хотел каким-то

образом оттянуть внимание на свою персону. Хотя для девочек эта выходка была даже несмешной. Ну, зачем им было бегать за тем, кого сложно поймать и у кого выпытать пароль практически невозможно. Ведь у них есть тот, который истерит как девочка, который может поймать себя сам. А вопрос о пароле для него – это даже не вопрос – это необходимая очевидность для капитуляции.

Вдруг сбоку в меня кто-то влетел и сбил с ног, словно хороший защитник регби. Для меня это было полной неожиданностью. Через секунду после слов: «Ну, что, попался! Мсть!», – я всё понял. Это была Марьяна. Она хотела отплатить мне за прошлую неделю. За то, что я самым хамским образом впечатал горсть снега в её лицо и растёр его, не обращая никакого внимания на её просьбы: «Не делай этого! Не надо. Пожалуйста! Ну, Уратмир, будь человеком!». Теперь я чётко осознавал – пощады не будет. Чуть-чуть развернувшись, я пытался помешать ей занять более удобную позицию, чтобы атаковать меня по максимуму. И это у меня почти получилось! Но из-за дикого смеха, который безжалостно лишал меня сил, перевернуться на спину было очень сложно. Ситуация начала напоминать патовую. Выбраться и убежать из хватких объятий девочки было непросто. Мы от души смеялись в процессе силовой игры на белоснежном покрове.

Каким-то необъяснимым образом, через уйму положительных эмоций, я посмотрел в её счастливые глаза. Не знаю,

что тогда произошло, но почему—то бежать и сопротивляться я уже не хотел. В моих мыслях были только одни вопросы без ответов. Я словно провалился в её дружеский озорной взгляд, в её бессмысленную, вызванную честными бескорыстными эмоциями улыбку, таящую замысел, — залепить мне снегом в лицо, а ещё лучше понапихивать его под мою куртку. Радость творила во мне эмоцию за эмоцией, вопрос за вопросом: «Что происходит? Она? Она мой друг! Мы с детства дружим! Сколько раз мы ночевали вместе? Этого не может быть?! Я не могу понять, что происходит?! Но зачем? Какие глаза! Почему она так маняще улыбается? Что делают со мной её волосы, кончики которых похлёстывают меня по лицу? Зачем она так мило жмурится? А как ярко сверкают её тёмно—синие глаза, когда она их щурит! Я не могу сопротивляться! Почему силы покидают меня?». Все это сделало моё лицо, с немного приоткрытым ртом, по—детски задумчивым и внимательным. Я не мог отвести от неё взор и даже не мог подумать, что буду пялиться! Ну, да, я пялился на неё, при этом во мне не было животного желания. Было просто легко и тепло. Стало понятно — я люблю любоваться ею. Как мастер, восхищающийся своим величайшим творением.

В это мгновение сердце мальчишки практически перестало биться, кровь застыла в тёплом льду, руки начали слабеть. Марьяшка сразу почувствовала это. Ее улыбка дьяволёнка сменилась на какую—то потерянную застенчивость, не позволяющую натереть моё лицо снегом. Произошло то, че—

го я меньше всего ожидал. Её рука со снегом просто упала на мою грудь и она спросила: «Что с тобой? Почему ты так смотришь на меня?». Не зная, что ответить, я просто брякнул: «А ты почему?». Улыбнувшись и сняв зубами варежку, Марьяна схитрила и ответила детской отговоркой: «Я первая спросила».

Чтобы как-то выкрутиться, пришлось отшутиться: «Я пытаюсь скопировать морду твоего кота Ерошки. Это защитит от бодрящего снежка?». Я надеялся на то, что эта девочка вспомнит, как сравнивая меня со своим котом, часто говорила: «Всеми повадками ты похож на моего лежебоку Ерошку. Также прижимаешься, когда грозит тапок и также подлизываешься, когда что-то выпрашиваешь».

– Да, и у тебя это получилось!», – она громко рассмеялась. Но смех был краток, ведь я по-прежнему не отводил от неё глаз. Мой первый поцелуй должен был состояться именно в этот момент! Наши губы были на том расстоянии, где любое слово означало «шаг в тайну».

Но Женя был безжалостен к нам. Его громкий крик мог остановить даже самоубийцу, которому до смерти остаётся всего «три этажа полёта». Этот визг означал, что «поросёнок» был загнан и пойман. Естественно, это тут же рассмешило нас. Марьяна моментально отодвинулась от меня и встала на одно колено, сказав: «Ты, видимо, сильно ударился при падении!».

Я же про себя подумал, что это падение было лучшим за

всю мою жизнь, а эмоции слаще тех, которые я испытал, наблюдая за тем, как дубовый Кирилл отметелил трёх имбецилов, бессовестно пристававших к Свете – возлюбленной его жизни. Ещё смешнее было то, что девушка тут же изменила своё мнение в отношении «Дуболома Кирилла» и в одно мгновение «недоразвитый орангутанг» превратился в «малыша, ребёночка, «Кирюшу–Пусечку» и т. д. и т. п.

Поправив волосы голой рукой, Марьяна помогла мне подняться. Её слова немного разрядили обстановку.

Визгливый крик плаксы очень веселил нас, а слова ставили разбойников в разряд проигравших: «Нет, Настя! Не надо! Я всё скажу! Пароль – “Чемодан!”». Естественно, пароль уже несильно интересовал охотниц – больше всего им нравились вопли Джона: «Ну, нет! Я же всё сказал! А-а-а-а!», – орал Женья с мокрым, пышущим от жара лицом и сыплющимся из-под куртки бодрящим, но таким холодным снегом. В тот раз растяпа помешал нам.

София, заинтригованная моим рассказом, проявляла к этой истории искренний интерес, а её искрящиеся глаза бесстыдно шантажировали меня.

– И что? Вы так и не поцеловались в тот день?

Подкинув в костёр несколько брёвен, я продолжил.

– Нет. После игры мы тщательно пытались избегать друг друга при каждом пересекающемся взгляде, шараясь в разные стороны. Я совсем не понимал, что происходит и что произошло. Общение с друзьями, естественно, приглушало

мои ощущения мучений и стенаний.

Но пришло время, когда я остался наедине с собой. Ночь манила в кровать, а сон бессовестно покинул меня. Вот тут-то я и ощутил гром и ярость, из-за которых сам себя пытаешься разорвать на части, не то что заснуть. Невозможно усидеть на месте. Только держишь свою голову руками, будто бы причина в ней, будто бы это поможет сконцентрироваться. Но, нет! С каждой новой долей времени мне становилось всё жарче. В конце концов, тело прошиб озноб, и тут же, как будто наяву, позвала «Она»! Слыша реальный голос, я оглянулся. Но никого нигде не было. Кое-как, завалившись на кровать, я боролся с незакрывающимися глазами, в полубредовом состоянии. В моём сознании, будто со старого фильмоскопа в чёрно-белом тоне, медленно всплывали кадры: её улыбки, её прищуривания и всё это сопровождалось какой-то странной тонко льющейся нотой, которая трогала меня до глубины души, словно перетянутая струна. Вся ночь мучений была одним замедленным кадром. Перед моими глазами всплывал образ Марьяны с нежной музыкой надежды и веры на тепло и взаимность. К утру я понял, что это не может так оставаться и мне надо срочно с ней поговорить, иначе я сойду с ума...

– Почему ты замолчал? Ну, что было дальше?

– Тише! – я поднёс палец к губам. Это насторожило Софию.

– Что? Что ты услышал? – обеспокоенно, шёпотом спро-

сила она.

– Ничего! Давай насладимся тишиной!

– Эй! Ну, хватит прикалываться! Давай, рассказывай! Что там было дальше?

Я же продолжал слушать музыку небес, которая звучала в моём сердце, всплесками касаясь моей памяти, предавая ей намного больше чувств и эмоций. Со временем воспоминания не только не угасли, а наоборот, превратились в буйство красок жизни прошлого. Прошло столько времени, а я даже не то что вспоминал, я словно смотрел на эту будоражащую видеозапись, как живую, так, как будто это происходит сейчас.

– Ну, а дальше... Дальше был следующий день... Я попытался хоть что-то выяснить для себя. Каждая попытка уединиться с Марьяной жёстко пресекалась тупостью направленных проявлений Жени. У него была поразительная способность появляться там, где ему меньше всего рады. Он умудрялся каким-нибудь немыслимым образом подловить нас в самые ответственные моменты.

Так продолжалось несколько дней. Я начинал верить в неотвратимость судьбы. Хотя не очень хотелось думать о том, что всё заранее проиграно и записано, особенно не хотелось осознавать Женину судьбоносность, ну, или то, что судьбу пишет он же. Хотя, тогда некоторые несправедливые моменты жизни можно было бы легко объяснить.

Наташа была немного постарше нас и первой заметила на-

ши флюиды. Очевидно, ей стало понятно, что нам необходимо поговорить и объясниться. Желая помочь, она предложила сходить на «Двугорье» – это было наше излюбленное место для катания на санях, которое находилось неподалёку отсюда. Естественно, мы понимали, что без «нюни» пойти не получится, так как он обожал «Двугорье» и никогда бы не допустил такого кидалова. Старшая подруга дала мне понять, что возьмёт рёву на себя, позволив нам незаметно потеряться. В общем, план был неплох – людей немного, Женя на контроле у Наташи, тихое, красивое, романтическое место в тон нашему разговору... И в принципе, всё могло получиться.

– И ты привёл её сюда?

– Да. Мы сидели точно так же, как сейчас с тобой. Только была зима, украшающая это место неповторимыми красками, превращая его в сказочное, бело–облачное королевство матушки зимы.

– И что ты ей сказал?

– Ни-че-го...

– Как это? Почему?

– Хотел сказать... Но, как только я начинал на неё смотреть, из моей головы тут же улетучивались все умности. Нас просто тянуло друг к другу. Не знаю, но, глядя на это забавное создание, мне хотелось просто взять её за руку и обменяться теплом.

До нашего первого поцелуя оставались мгновения, но

омерзительно знакомый голос прорезал морозную тишину пространства. И тут я понял, что Женя всё-таки существовал не бесцельно, а был создан именно для этого момента. В мгновение ока чудо-человек очутился между нами со словами: «Я нашёл! Я нашёл! Это жёлудь!». Его лицо было насыщено счастьем, а в руке он держал грязный жёлудь, который был ему нужен для какой-то поделки на трудах в школе. Именно в этот момент я пожалел, что показал этому чудику сказочное место. Вот так здесь побывала Марьяна.

– Ну, это я поняла, а что было дальше?

– Хорошее вино, мы, лес, икра, трюфели, ночь, костёр, прудик, удивительный вид и сверхаппетитные домашние пирожки с тушёной капустой Бабо, – Уратмир технично сместил акцент. – Ты же хотела знать, как она здесь побывала? А я и так рассказал тебе больше, чем ты просила.

– Ну, не будь букой. Расскажи!

Секунду помолчав, глядя на прижавшуюся ко мне Софию, я сказал то, что она хотела знать.

– Дальше ничего не было. Ни поцелуя, ни разговора, ни любви... Если вообще это была она?

– Но это невозможно! Как так?

– Вспоминая о прошлом, мы понимаем, что заранее всегда есть более правильный и лучший выход минувшего события. Я самым исчерпывающим образом дал тебе ответ на твой вопрос. На этом всё.

Мой ответ поверг Софию в водопад сомнений. Эта ситуа-

ция была ей абсолютно непонятна. Но самое печальное было в том, что этот момент был непонятен и мне самому. Вспомнив Марьяну, я невольно превратился в мальчишку, который с чистыми глазами, добрыми помыслами и абсолютной верой в добро и справедливость попал в водоворот бесконечных ласковых чувств игривой, дружелюбной, смешной, наивной, отзывчивой и по-детски кроткой девчушки. София, видя томительную грусть и недоумение моих глаз, довольно ловко переключила меня на себя.

– Ну, окей! Так что ты там говорил про место романтическое?

– Да. Ты запоминаешь самое важное...

Я схватил её на руки и понёс в шалаш. Под громкие визги и вялые удары кулаками по моей спине она опрокинулась на плед.

– А теперь ещё один сюрприз. Ты говорила, что неплохо было бы сделать так, чтобы эти ветки, похожие на висячие жалюзи, не мешали потрясающему обзору. Смотри! Если, конечно, эта штука ещё работает?

Я потянул за спрятанную в темноте верёвку и нашему взору открылся город, сияющие огни которого напоминали шкатулку с драгоценными камнями.

– Да-а-а! Красота! А укрытие похоже на шатёр! У тебя ещё много козырей в рукаве?

Не знаю, что произошло со мной в тот момент. Я абсолютно не хотел врать ей и утаивать хоть какую-нибудь прав-

ду. Опрокинувшись на спину рядом с ней, я перенёс взор на бесконечное звёздное небо.

– Знаешь, это место не очень счастливое для меня...

– Почему?

– Я теряю здесь тех, кого люблю.

– Ну-ну, продолжай...

– Я обманул тебя.

– Когда ты успел?

– Там в кафе, я соврал тебе. Нет, пари, конечно, было, но не на помощь детям. Я поспорил с Вовой на то, что он, наконец, отвяжется от меня, если я с тобой познакомлюсь...

В эту секунду после этих слов я ждал всего: ударов, истерик, слёз, «все мужики козлы!», «как ты мог играть на чувствах обездоленных детей», «ты бессовестный, да тебя убить мало». И я не ошибся, началось что-то вроде того. София немного приподнялась и села, взялась за голову, потом посмотрела на меня карающим взглядом и закричала:

– Ах, ты, смазливый змей-искуситель! Да как ты мог?! Мерзавец!

Она опрокинулась на спину и начала громко хохотать. Что творилось в её мыслях – непостижимая загадка. Это и было проявление извечного вопроса: «О чём думают женщины?». Так же дико смеясь, она добавила вторую:

– Ты ждал от меня такой реакции?

– Ну, не знаю. Думал, что ты расстроишься, ну, или что-то в этом духе.

Немного успокоившись, она постаралась объяснить, насколько я наивен, что для меня было полным откровением.

– Знаешь, ты совсем не умеешь врать. Тебя наградил этим Бог. Как только ты ко мне подошёл и начал на ходу придумывать слова, у меня в голове возникли только три вопроса. «Насколько это будет оригинально?», «Насколько это будет забавно?» и «Насколько это будет разумно?». К сожалению или к счастью, Уратмир, но ты всегда правдив...

Теперь мне захотелось истерически засмеяться. От таких откровений я начал зажимать губы. У меня было такое чувство, что ещё одних откровений я не выдержу. Уже определённо казалось, что жертва – это я. Также было очевидно и то, что София читала меня как открытую книгу – я не был загадкой для неё, но я был ответом на все её вопросы.

– Ну, не надувай щёчки, они у тебя такие миленькие. Послушай, через секунду взглянув в твои глаза, мне уже совсем не хотелось думать о тех первоначальных вопросах.

С таким же насупившимся видом я переспросил:

– Да! И почему же?

– Всё просто, я увидела в тебе жизнь, много жизни, больше чем много и не ошиблась...

Слова этой сногсшибательной загорелой девушки вернули меня на облака.

– Знаешь, а ты не обманул меня! Я знаю, ты обязательно поможешь детям. И знаешь почему? Потому что ты человек слова! Ты всегда добиваешься того, чего хочешь.

И действительно, она была права... У меня давненько уже были мысли о том, как выбить из Вовы деньги для детей. В этом не было и нет ничего сложного. Просто нужно было напомнить ему о секрете, который я долго хранил. Наверное, пора было освежить память дяде, напомнив про обещание выполнить любую мою просьбу.

Полежав несколько минут в абсолютной тишине, София сказала ещё одну космическую фразу:

– Помнишь, в нашем детстве была такая пословица: «С милым рай и в шалаше».

– Да, было.

С каждым новым словом София всё больше потворствовала моему эго, хотя за ласковыми словами следовала какая-нибудь шутка или подкол. Так было и в этот раз. И мне это очень нравилось.

– Вообще-то у меня, Уратмир, эта поговорка состояла из двух частей и звучала так: «С милым рай и в шалаше, если милый на Порше».

– Ах, вот так? Да?!

– Нет, нет! Ну, подожди! Сейчас, находясь здесь, с тобой, мне просто рай! Просто с тобой...

– Знаешь, ты потрясающая девушка, таких, как ты, больше нет. Красивая, умная, у тебя цепкий ум, кротко-острый нрав. Ты знаешь себе цену, которая составляет ровно столько, сколько нужно для рая в шалаше, ты не боишься сильных поступков, добиваясь того, что задумала. Знаешь, говорят:

«Сколько людей, столько и миров» – это не про тебя! Все другие миры заканчиваются там, где начинается твой. Твой мир один, и он для всех – твой. Мне тоже хорошо с тобой. Просто, хо–ро–шо...

Не успев закончить фразы, я услышал:

– Да-а-а!.. Как тебе повезло! Да?

– Всегда считал, что люди, которые ищут любовь, просто не понимают, что творят. Мне точно известно, кто знает про нас всю правду, всю истину, от кого невозможно скрыть то, что хочется скрыть. Это мы сами! Каждый знает про себя всю правду, но, как ни странно, даже такое откровение перед самим собой не приводит человека к истинным поступкам. Наверное, потому, что люди стремятся достичь благ самым лёгким способом, который, к сожалению, называется «Обман». Никто не стремится выбирать сложный путь, забывая о том, что ему предстоит идти одному, не толкаясь в толпе. В такой ситуации «поиск» своей половины становится «поиском» ради «поиска». Неизбежность придуманных случайностей, звучащих в общем как «соблазнение», приводит к непониманию самого себя. Забывается самое главное – вокруг тебя то, что есть «Ты». Игра с применением факторов «Обмана» приводит лишь к отдалению от того, кто наделён любовью. Хочу сказать, что происходящее со мной сейчас – божественно! Я нашёл девушку, наделённую целостным миром любви...

– Как прекрасно, правда? Мы оба молодцы, раз заслужили

происходящее! – по-детски, ангельски улыбнувшись, сказала она.

Мы опять замолчали и наслаждались тем, что мы есть сейчас, тем, что мы нашли реальное место в нереальном мире. Здесь мы рады быть сами собой. Тут полностью открытые мы насыщались присутствием друг друга. Эта встреча была настоящей, в которой нет «Если», «Может» и «Как бы». Я был истинно рад её присутствию рядом, а эта ночь была для меня самой честной.

– Уратмир, что с тобой? Ты что, дрожишь? Тебе холодно?

– Есть немного. Укрываться ведь нечем. Ты в моих вещах. Твоя «супер-одежда» на меня не налезет и особо не согреет.

Будто издеваясь, София с явным подвохом произнесла:

– С этим надо что-то делать...

– Да! Что правда – то правда. Может, начать как-то двигаться или пробежаться? Знаешь ли ты основы выживания в походных условиях? Откуда тебе знать, что здесь и сейчас надо делать! – сказал я, понимая, что её подколы мне порядком надоели. Я крепко обнял её, сковывая любые движения.

– Ну, я думаю, что бегать нам не придётся, а вот так – уже теплее. Теперь, наверное, надо подвигаться?

Её зелёные глаза сводили меня с ума.

– Ну, да! Наверное! Но это только ради того, чтобы выжить. Только для жизни... Улыбнувшись, мы скрепили нашу страсть поцелуем.

Следующий день для меня оказался очень странным. Где

бы я ни был и чтобы ни делал – всё валилось из рук. Я летал в облаках, моя постоянная заторможенность раздражала многих. Но впереди предстояла встреча с Вовой, который находился в полном шоковом недоумении от увиденного в ресторане и его раздирало бешеное любопытство и нетерпение. Я бы, конечно, постарался избежать этой ненужной для меня встречи с пристрастными высказываниями Вовы типа: «Наверное, я ещё сплю или, может быть, сошёл с ума, или то, что произошло вчера в ресторане, мне вероятно приснилось на почве излишнего алкогольного опьянения...», и так далее и так далее... Но увы, предстояло выжать из него обещанные Софии средства для детей–сирот.

Дядя прибыл ко мне вечером и в жгучих красках вещал о том, что он одурел от моей выходки и что этот поступок был самым безумным, который он когда-либо видел. Ну, конечно, дядя лукавил. На самом деле он ждал подробного рассказа о продолжении романа после ресторана.

– Ну, Уратмир, давай, малой, колись! Ну, пожалуйста, ты же не можешь оставить родного дядю без подробностей!! А-а-а?! Ну, малой! Ну, прекрати! Ты вчера просто сотворил чудо. Ты украл самую заносчивую и неприступную девушку. Тут и слова подобрать сложно. Ты знаешь, сколько бравых ухажёров пыталось хотя бы заговорить, а не то что подкатить к ней?! Она только унижала претендентов, чем заработала себе безупречную неприкосновенную репутацию бесчувственной, почти железной леди с аналитическим складом

ума. Парни из высшего общества даже смотреть на неё боялись, стараясь не оказаться в мире её жёсткого розыгрыша и интеллектуального стёба.

Красноречивая речь меня заинтриговала.

– Интересно, а вчера этого не слышалось?! Подожди, всё, что ты мне рассказал о ней, очень отличается от сегодняшнего нетерпеливого подсказывающего щебетания. Ах, ты, дядя, дядя! Ты вчера жаждал моего позорного фиаско?! Да?!

Вова недолго раскаивался и не затягивал с ответом.

– Да! Да, хотел! Ну, пожалуйста, расскажи... Ты вчера укротил самую загадочную и желанную девушку нашего края и не хочешь рассказать любимому дяде об этом обезбашенном подвиге. Я никому не расскажу... Правда...

Я, естественно, понимал, что любое моё неаккуратное, да даже и аккуратное, слово к вечеру будет перефразировано и интерпретировано в его кругах так, что весть о пришельцах померкнет, не успев даже разгореться. Мне надо было любым способом отбить у Вовы весь интерес к этой истории. Это был прекрасный момент припомнить дядюшке должок и выдавить из него помощь обездоленным детям.

– Вов, помнишь лето две тысячи шестого года, а точнее семнадцатое июня?

– И что! Зачем это ты сейчас об этом?

– Всё просто. Я не могу забыть твоих слов до сих пор: «Малой, спасибо тебе. Ты спас мою шкуру, я этого никогда не забуду и всё для тебя сделаю, всё, что попросишь». Как

мы оба знаем, я так ничего и не попросил...

Владимир всегда чувствовал «пятой точкой» те моменты, когда он на что-то должен был попасть, поэтому его мимика говорила за него и выдавала всё, о чем он думал. А думал он о своём любимом способе уйти от проблем, точнее, о единственном способе, который звучал так: «А... зачем?!». И это был не вопрос, а мировоззрение. Также он иногда пользовался словосочетанием: «Нет человека – нет проблемы!», но так как я был его любимым племянником, то просто избавиться от меня он не мог, поэтому вынужденно «смирился» с условным состоявшимся моментом.

– Ну, и-и-и!... – протянул Вовик с лицом думающей панды.

– Так вот, сейчас я хочу воспользоваться имеющимся правом на своё желание. Звучит оно так: «Ты положишь пять миллионов рублей на счёт городского детского дома...».

Да-а-а! Это надо было видеть! Вова вообще не имел ни малейшего понятия о детском доме. Как минимум ему казалось, что это такой парк развлечений, где все весело катаются на радуге, пьют сироп и счастливо улыбаются. Ну, и вообще, он не хотел и не любил разговаривать со своей совестью, а тем более серьёзно задумываться о тяжёлом и жалком положении детей–сирот. В силу небольшого ума, а именно этот «ум» был лучшим компромиссом между его сутью и этой ситуацией, Вова мог позволить себе соответствовать выражениям типа: «Отвечать будет тот, кто видит и понимает!», а

тот, кто не видит и не понимает – «С того и взятки гладки!». С другой стороны, дядюшка очень хорошо понимал, что такое пять миллионов и куда их можно потратить. В частности, на них можно было бы неплохо провести вечер и где-нибудь посидеть, развлечься, отдохнуть. В своих суждениях дядя был абсолютно категоричен: деньги надо правильно тратить – хорошо провести время.

– Малой, ты не заболел?! Простыл? – произнёс он. Уткнувшись в телефон, он начал уверенно двигаться к выходу. В этот момент я сразу подумал о том, что один вопрос уже решён и нужно срочно добивать второй.

– Знаешь, Вов, наверное, в тот день мне тоже следовало развернуться и пойти домой. Хорошая картина осталась? Да? Ты стоишь вусмерть пьяный рядом с белым «Мерседесом» дедушки Саши, торчащим в дереве палисадника тёти Гали, а рядом на лавочке валяется Кристина, которую я вытащил из дымящейся машины. И тут приезжает дедушка Александр. Тем более, что ты и так был лишён машины за предшествующие косяки... Напомни-ка мне, дядя, зачем я пожалел тебя и сказал дедушке, что это я попросил у тебя прокатиться? А Кристина, которая была старше меня на четыре года, вмиг превратилась в мою девушку. Странно, что твой отец вообще поверил в эту чушь, которую нёс пятнадцатилетний мальчишка. Даже тогда мне показалось странным, что такой мудрый человек, как он, поверил в ахиною, придуманную мной на ходу.

Поверил в то, что я пришёл к тебе, а ты сидел и учился – грыз гранит науки. Но мне было плевать и я заставил тебя дать мне ключи от машины, дабы покататься. Ой, как это было подозрительно! Ты же, как заботливый дядя, и якобы, для контроля, конечно же, поехал со мной. А выпить тебе пришлось из-за случайной остановки возле твоего друга Артёма, у которого как раз был день рождения. Там же я посадил уже пьянющую Кристину в машину и погнал! Затем влетел к тёте Гале в палисадник, выпендриваясь перед этой... Даже нет слов, чтобы выразить то, как звали Кристину за её репутацию на нашем районе, кстати, после того как ты начал с ней встречаться. Вот как ты думаешь, как мог умный и разумный дедушка Саша поверить в мои рассказы?

Мой внешний вид говорил совсем о другом. На мне была мокрая и потная майка, а на сиденье лежал футбольный мяч. Наверное, он подумал, что внук вспотел от лихой езды. Да, Вов?

Я знал, что «многодум» даже будучи сильно пьяным очень хорошо помнил эту знаменательную ситуацию. Тот день ставил под вопрос его обязательный поход в армию и лишение наследства.

– Ну, малой, хватит! Я всё помню. Сколько там надо и куда?

Всё получилось в лучшем виде. Но его согласие не означало, что Вовик начнёт сгорать от стыда и сейчас же покинет меня, как раз наоборот, теперь он мог остаться и продолжить

парить мне мозги. Поэтому надо было что-то с этим делать и усилить нажим. И это было несложно, так как дядюшка с перебором фестивалил и кутил, а я всегда спасал его шкуру.

– А-а-а, Вов, вот еще что!.. Помнишь, апрель две тысячи седьмого года?

В ответ я услышал хлопок двери и Вовино негромкое:

– Малой, я позвоню.

Все последующие дни были заполнены мечтами и мыслями о Софии. Я не знал ее адреса и почему-то меня одолевало неявное сомнение – вдруг произошедшее было просто миражом. В ту ночь мы расстались на страстном поцелуе, без каких-либо обещаний, безо всяких обязательств, словно тот день на самом деле был просто сон. Я никак не мог понять, что мне дальше делать. Искать её, страдать в бездействии или же принять всё, как есть? Сумятица в мыслях не давала мне твёрдо решить, на чём остановить свой выбор. Самым правильным я счёл поход на тренировку, чтобы дать встряску организму и немного отвлечься.

Но в этом потерянном состоянии мне удалось только «наполучать». Меня швыряли даже те, кто умел только падать. Мою растерянность, естественно, заметили все, и это сразу же привело к множеству ненужных мне тогда вопросов. Тактичные, но бессмысленные ответы из моей кладовой невероятных сочетаний бесполезных идей и ненужных слов, в общем-то, привели к желаемому результату, все, наконец-таки, отстали. После горячего восстанавливающего душа ду-

малось только об одном, чтобы у входа меня не ждал Володя. Такая надежда могла стать единственным позитивным моментом сегодняшнего дня.

Выйдя на воздух, я получил неожиданный, но, надо сказать, очень приятный сюрприз. У входа в тренировочный зал, там, где обычно ставил свою машину заносчивый дядюшка, стоял жёлтый спорткар Софии. Машина привлекла внимание всех моих друзей с тренировки.

– Э-э-э, Уратмир, смотри, какое ведро с болтами! Вау! Да?!

В самый разгар облизывающихся, слюнявых высказываний парней открылась дверь «Ламбы» и из неё эффектно появилась девушка моих грёз. После этого началось такое... Тюремный жаргон можно было бы считать светской беседой по сравнению с тем, что несли ребята. Не могу сказать, от чего больше они находились в восторге – от машины или от девушки, которая из неё вышла. Подытожил ситуацию Саша, тряся меня руками: «Уратмир! Уратмир! Я сплю?! Парни, я сплю? Разве такие бывают?! О, Господи! Она так прекрасна, что мне плакать хочется...».

Но самое большое безумство началось после того, как София помахала мне рукой. Наша обезьянья компания в один момент стала счастливей на шесть приматов.

– Она что, мне помахала?! Чёрт! Бог есть! Бог есть! – Саша был красноречив.

После мини-драки и смеха, вперемешку с толканием друг

друга, София, не жалея никого, расставила все точки над «И»: «Уратмир, привет!».

Не знаю почему, но мне в одно мгновение стало как-то не по себе от молчаливых взглядов парней, которые явно такого не ожидали. А через пару секунд они начали вгонять меня в краску гулом, беспорядочным мычанием, а Саша ещё и подсвистыванием. Естественно, им удалось сильно смутить меня, поэтому в ответ я невнятно проямлил: «Ну, «чё» Вы, парни? «Чё» такого?».

Это были нелучшие слова, смех был ещё сильнее. В условиях чрезмерно громкого гогота началось прощание. Конечно, каждый не упустил момент задеть меня за живое, но самая точная фраза была у Миши. Он сделал каменное лицо и с невозмутимым видом сказал: «Что ты сделал для этого?».

Смеху стало ещё больше. После того как я пережил прощание со всеми под дикий крик: «Еха!», «Аоу!», «Ммм!», «Уффф!», я побежал к ней.

– Привет, как ты?

– Хорошо. Не ожидал меня здесь увидеть?

– Ожидал, но не тебя...

Следующие четыре дня мы полностью провели в компании друг друга. Каждая совместная минута таила в себе уйму приключений. Мы не останавливались ни на мгновение. Нас тянуло в путь, на покорение всех самых удивительных мест нашего края, а их было очень много. Мы всё время двигались просто туда, куда вели нас глаза.

– Уратмир, я даже не думала, что в нашем городе и в нашем крае столько красивых мест, – повторяла каждый раз София, как только мы прибывали в очередное заповедное место. Нас вели наши чувства. Эти дни были похожи на один момент страсти. Казалось, что мы были в мире, где радость – это и есть жизнь. Ощущение времени было полностью утеряно. Наше сознание находилось в одном мире, созданном сладким забвением счастья.

Вечер субботы мы проводили в шёлковых простынях у неё дома, утопая в пламенных поцелуях. В эти моменты слова были не нужны. Нужно было самое ненужное молчание, дававшее бесконечность сладких объятий. Мягкий бриз ветра из открытого окна подталкивал нас в сумасшедшее небытие наших губ, завершающееся вихревым закручиванием наших тел в пылу игры при падении в бездну бесконечности страстей и неостывших желаний, что становилось лишь обманом замершего времени.

– Уратмир, что будет с нами?

Этот вопрос стал первым за четыре дня. Я даже не знал, что ответить. В тот момент этот вопрос был похож на: «А как далеко? А дальше, чем далеко, это далеко? А дальше чем дальше, это далеко?..». Где-то из глубины сладостных событий наших дней я попытался ответить:

– София. Забвению предавшись, как любви. Не оставляя чувства позади, мы обретаем по пути, запоминая силу той любви, упоминанья сути – впереди.

– Знаешь, твой ответ так же бессмысленен, как и мой вопрос. Но мне кажется, что наше будущее немногословно: либо «да», либо «нет».

Задумавшись, мы не перестали упиваться сладкими днями, дурманившими наш рассудок. Мне было безумно сладко с ней. Эта девушка была мягка, а её ласка согревала теплом чувства к ней. Она именно грела, а не разжигала. Это то самое чувство, когда ты всё время наслаждаешься летним морским закатом. Её сердце было такое же большое, как и бесконечно скатывающееся за горизонт солнце.

– А знаешь, у меня послезавтра день рождения...

Мгновение, ещё мгновение, и меня насквозь пронзила сумасшедшая мысль – сделать этот день рождения самым лучшим и незабываемым в её жизни. Это было даже не раздумье. Я просто хотел делать её жизнь особенной, ежемоментно, ежесекундно.

На следующий день была придумана причина, по которой нам не удастся с ней встретиться до её праздника. У меня были сутки на разработку сценария космической мелодрамы. К счастью, с выдумкой всё было в порядке, да и ресурсов хватало, чтобы воплотить в жизнь любую, даже самую безумную идею. Мне очень хотелось совершить это сумасшествие. Мне было уже двадцать шесть лет, и я первый раз по-настоящему влюбился. Это чувство дарило моим мечтам крылья, на которых они врывались в реальность.

Чувствуя в себе мужчину, мне хотелось дать возможность

Софии почувствовать себя моей женщиной. Вообще, такие шаги делают наше существование «Жизнью». Мы каждый день, изо дня в день проживаем в мире, где можем творить чудеса, без магии, можем строить счастье своими руками вокруг нас. Да и мы сами то, что мы делаем. Хоть раз, воплотив сказочные мысли в реальность, человек делает шаг к созданию мира счастья, и каждый из нас осознаёт: «Мы то, что мы понимаем ежесекундно». Но обычно мы живём однообразием, притянутым из оскудевшей рутины, и даже не можем помыслить о том, что чудо начинается с нас, а его воплощение не такой уж и сложный процесс. Диво происходит лишь тогда, когда ты его даришь. Даришь абсолютно бескорыстно и спонтанно, даришь тому, кто в нём нуждается, и, как показывают современные реалии, оно нужно всем.

Девять ноль-ноль. Утро дня икс-рождения. София только проснулась. За ней наблюдает группа «А» и держит под контролем все её действия. Группа «Б» в течение часа должна любым способом уговорить её самую лучшую подружку Ларису подыграть нам и выполнять ту роль, которая отведена ей. Так же в группу «Б» входят «силовики», которые должны будут выполнить функцию кражи Лары, если она вдруг откажется сотрудничать. В этих двух группах находились лучшие мастера слежки, кражи, запугивания, похищения нашего города, к слову сказать, эти люди больше ничего не умели. Они являлись отголосками моего предшествующе-

го насыщенного жизненного пути. Отдавая мне дань уважения, они с радостью согласились поучаствовать в этой авантюре.

В плане, который я составил на тот день, было задействовано большое количество людей и, естественно, без них воплотить в жизнь эту грандиозную задумку было бы невозможно. Спасибо им за это...

– Гнездо канарейки «А», штаб канарейки «А».

Я взял рацию.

– Да. Канарейка «А». Гнездо слушает.

– Время – девять тридцать утра. Объект «Ласточка» под полным контролем. Ждем подтверждения об успешном выполнении Соловьем «Б» своей задачи.

– Гнездо Канарейки «А». Пока ждите, задача выполняется. На связи через пять минут.

У меня в квартире находилась целая толпа. Кого здесь только не было: ребята из разных тренировочных залов района, университета. Им предстояло выполнить сверхсложное поручение, оставаясь при этом совершенно невидимыми. Задача заключалась в том, чтобы к полуночи оцепить и блокировать огромную территорию центра города. Все шансы на успех в большей степени зависели от помощи органов исполнительной власти. По моей просьбе, к операции должны были примкнуть два десятка служивых людей из городского ОМОНа, во главе с их руководителем Вадимом, которого я очень хорошо знал и полностью доверял. Только он мог ор-

ганизовать всю работу по блокированию центра на короткое время.

– Миша! Почему мы выходим из графика? Почему группа «Б» ещё не выполнила свою задачу? – сказал я, находясь в своей комнате и начиная немножко нервничать.

– Уратмир, да успокойся, у них трудная задача! Им ведь надо уговорить не просто человека, а девушку, да ещё и проконтролировать её приезд сюда.

– Ещё пару минут и сам туда поеду! – выкрикнул я.

– Гнездо! Гнездо, ответь Соловью «Б»!

Я тут же схватил рацию:

– Да, Соловей, докладывай!

– Задача выполнена. Гнездо, как слышите, повторяю, задача выполнена.

– Да, слышу, слышу! Почему так долго, Соловей?!

– Объект долго не поддавался убеждению. Фактически, мы почти решились на силовой захват. Нас неожиданно спасло деструктивное обстоятельство, в виде кого – не скажу! Объект дословно выразился так: «Симпатичный мальчик и глаза «Вау!». А он с вами?!». После чего объект согласился сотрудничать, но не с нами, а с «симпотяшкой». Мы уже едем в гнездо.

После этого сообщения громкий залиvistый смех окатил всю комнату.

– Так, тихо всем! Хватит!

Миша пытался всех успокоить, но это ему удалось лишь

ненадолго.

– Принял, Соловей «Б», – секунду помедлив и приложив рацию ко лбу, я переспросил, – Соловей, а если не секрет, как зовут нашего привлекательного спасителя?

И после этого вопроса в комнате стало темно дышать от звука, а из рации доносился ответ: «Саша! Как принял?! Гнездо?! Саша! Повторяю, как приняли?».

Но принимать было уже не кому. Ржали все и я в том числе.

Честно сказать, Александр славился забавностью поступков. Казалось, что его глупость шла впереди него. Конечно, странно, но исходя из истории жизни Саши, у меня, да и многих знающих его людей, складывалось впечатление, что голова этого парня притягивает металлические предметы. Конечно, этот феномен не подтверждался серьёзными исследованиями, но, тем не менее, не было ни одного года, чтобы я не навещал его в больничной палате, наполненной людьми с сотрясениями мозга. Дело в том, что мой гипнотически заговорённый на неприятности друг был тем, кто придумал нам эти забавные рации и дурацкие конспиративные пароли. Конечно, тут может возникнуть справедливый вопрос: «Зачем мы согласились?». Ответ прост: «Смешно и незамысловато, придавало атмосферу игры и хоть немного разряжало накал страстей».

Хохот не утихал. А Миша, поддавая жару, начал показывать типичные случаи знакомства Саши с любой особой

женского пола: «Привет, я Саша, у тебя красивые, красивое... Ну, это самое – голова!». После чего следовал довольно стандартный, но ответ: «Пошёл ты, придурок!». Или «Очень приятно, а ты, наверное, принимаешь в неё пищу!».

Немного придя в себя после истеричного смеха, я ответил по рации:

– Да, принял, принял, Соловей!».

Наступал момент следующего шага операции под названием «Контроль полёта ласточки». Группе Канарейки «А» предстояло осуществлять полный надзор за Софией – «Ласточкой», и незаметно управлять её действиями с помощью Ларисы, которая, по нашей просьбе, должна была погонять её из одного конца города в другой, чтобы «Ласточка» побольше времени провела в разъездах. Моя же задача казалась самой тяжёлой: потеряться от неё до полуночи, не брать телефон и оставаться полностью вне общения с ней. Не правда ли, тяжелейшая задача – не брать трубку, когда тебе звонит любимая? Мысленно говорить играющему мелодию мобильнику: «Прости!». Да, это бессовестное кощунство с моей стороны – в её день рождения даже не позвонить. Да что там позвонить, просто, взять трубку. Когда мобильник играл зауныльную мелодию в четвёртый раз, ребята держали меня всей толпой.

– Гнездо! Запрашивает Канарейка «А»! Приём, Гнездо? Я резко подхватил рацию:

– Докладывай Канарейка, Гнездо слушает.

– У нас «Ласточка» начала движение.

– Подробнее?

– Докладываю. Сейчас одиннадцать ноль–ноль. «Птичка», явно опечаленная, вышла во двор и решительно куда–то собирается ехать.

Наш диалог был прерван ехидной усмешкой Ларисы. Она высмеивала названия, пароли и явки. Да, они были смешными и немного нелепыми, но это не повод для злой иронии. Мы всё же делали очень непростую вещь, в которой должно было сойтись множество «если». Каждый, кто сидел в моей комнате, с общим недоумением заострился на ней. Все, кроме Саши, который с таким же недоумением, крепко обнимая Ларису, посмотрел на остальных. Держа в руке рацию, я не сразу мог выразить общее мнение и спросить у неё: «Ты чё, смеёшься?».

Такой твёрдый и грубовато–прямой вопрос не застал её врасплох.

– Ну, а разве не смешно? «Канарейки», «Гнездо», «Соловьи» всякие! Что за тупая конспирация? Интересно, что за лицо, обделённое интеллектом, могло придумать такие шифры и такую глупость?

В этот момент я перевёл глаза на Сашу, который был похож на верблюда, высыхающего от жажды. Нет, скорее, он был похож на себя самого, но понимающего, что от моего ответа зависит его предстоящий удачный вечер с реально бодрой сеньоритой.

– Это придумал... – немного потянув время и окинув взглядом друзей, я сказал, – Миша!

Михаил тут же хотел рассказать всю правду во всех красках и с полными подробностями, но взгляд искренней нежности от Саши, который Михаил читал по-своему и видел в нем десять, а то и двадцать тысяч рублей, не позволил ему отказаться от перспективы нахалству приобрести горный велосипед, поэтому он просто надулся и промолчал. Лариса же, не успокоившись, подарила Мише ещё пять, а то и десять тысяч рублей сверху первых.

– Да! Я так сразу и подумала, что именно этот неотёсанный абориген придумал такую глупость.

Истерически хихикал только Саша. Лариса своей заносчивостью выкопала ему долговую яму.

– Канарейка, продолжайте вести объект. Мы начинаем. Сообщим о дальнейших действиях через полчаса.

Пришло время «гламурной фифы» с острым языком. Нужно позвонить Софии, поздравить её с икс–рождением и пригласить на праздник в салон красоты, который находился в самом далёком районе города. В этот момент Соловью «Б» вместе с дорожниками предстояло создать нереальную пробку на пути её следования к месту расположения салона. Такую задачу могли решить только дорожные службы. Ведь пробки – это их профиль, стиль и образ жизни. А вот просить их о помощи пришлось долго. В результате сошлись на трёх ящиках водки, одном ящике вина и одном ящике шам-

панского. Не понимаю только, зачем им вино и шампанское? Единственной загвоздкой оставалась угроза, исходящая от разозлившихся водителей, которым по вине автодорожников предстояло стоять в пробке. Но на этот случай к заданию запланировали прикрепить силовую группу Соловей «Б» и таким образом окончательное согласие было получено.

– Привет, дорогая.

– Привет, Ларис.

И дальше Лара, не стесняясь, начала перебивать мои кости, указывая на то, какой я бессовестный и сердца у меня нет, и т.д., и т.п. Тем временем, мы скоординировали действия и сообщили Соловью «А» о необходимости перемещения в квадрат, где надлежало блокировать автомобиль Софии. Конечно, я не хотел испоганить ей целый день, наоборот, в нём должно было быть только добро и волшебство. Тем более, что все эти томительные стояния в пробках, постоянные подставы для её близких, да и многое другое, только усилили бы то, что её ожидало в конце дня. Закончив разговор, Лариса подошла ко мне.

– Ну, что? Куда ты её позвала? Только коротко и точно!

– Знаешь, Уратмир, ты подлец! Ну, как ты можешь быть таким каменным?

Да, такого я уж точно не ожидал. Мне начинало казаться, что Лара живёт в каком-то другом мире. Её ничто не могло удивить либо смутить, её собственный внутренний мир был непредсказуем.

– Но всё же ты молодец, ты очень удивительный парень. Мало кто смог бы осуществить такое.

В моей голове по этому поводу была только одна мысль: «Женщины! Кто их разберёт?», а Ларису так тем более...

– Как её подруга, я полностью на её стороне, но и как её подруга, я ей завидую.

«Да! Да! Женщины, женщины! Кто их разберёт?», – ещё раз подумал я и произнёс вслух:

– Ну, не тяни. Нашим группам нужно выдвигаться на место. У Софии под капотом V-образный, 12-цилиндровый силовой агрегат, а не военный грузовик, и водит она не хуже штатного пилота формулы, поэтому надо поторопиться.

– Ладно! Ладно! Она едет в салон красоты «Филини», в резервный район города. Поверь, я ещё её уговорила. Вообще-то, она собиралась начать поиск твоей персоны.

– Миша, всё слышал! Резервный квартал города. Сообщи Канарейке «А», пусть начинают играть на нервах у водителей...

Миша с рацией пошёл в другую комнату с довольным видом от того, что он теперь Гнездо и держит всё под контролем.

– И как же тебе удалось её уговорить? – мне действительно было это очень интересно.

– Сказала, что будет правильней найти тебя после посещения салона. Лучше сначала получить там все мыслимые и немыслимые процедуры, привести себя в идеальный вид. А

вот потом мы вместе найдём тебя и ты тогда заплатишься. Тогда ты всё поймёшь! Какое нежное создание ты обидел! Тогда ты сполна выпьешь её чашу! Ты всё сделаешь, чтобы с её очей не падали слёзы! Ты ослепнешь от её блеска. Она заставит тебя полностью понять слово: «Поздно!».

Какая замечательная подруга! Лара своим тоном пугала меня. Даже показалось, что она и вправду хочет заставить меня страдать.

– Так, ладно, ладно. Я понял! Хватит! Не горячись! – произнёс я, а про себя подумал: «Да! Женщины, женщины! Кто их поймёт?».

– Да... и кстати, хорошая идея, – продолжил говорить вслух, с лёгким ужасом в глазах и попыткой выскользнуть из всё еще нарастающего, довлеющего взгляда слегка стервозной демоницы.

Ход событий шёл как по маслу. Пробка была колоссальной, плюс не самая лучшая дорога нового района делала своё дело. Мишаня сообщил о том, что моя «Летиция» почти добралась до места, где девушки наводят марафет. Дальше Лариса должна была отменить этот чудо–салон и любыми путями позвать «мою радость» в центр города. Да, это было сложно, но глупость и безмятежность аккредитованной эгоистки должны были сработать. Я с нетерпением ждал...

– Привет, лапуля.

После этих приветственных слов они опять закатали перебив моих, и так уже белых, костей. Затем Лариса оша-

рашила Софию известием о том, что этот салон не совсем то, что нужно. Поэтому моя любимая должна была ехать в центр, где уже якобы находилась Лариса. После таких сообщений любой другой «разумный человек» давно бы уже послал очень далеко другого «разумного человека».

Здесь было всё по-другому: один «разумный человек» разговаривал с «Ларисой» и, так как они были лучшими подругами, София как никто понимала экстремально-парадоксальный мозг подруги, поэтому она тактично начала открешиваться от новых координат путешествия. В этот момент я всеми мыслимыми и немыслимыми способами стал сигнализировать Ларе о том, что она обязательно должна заставить свою любимую подругу приехать именно туда. Тогда жгучая блондинка продемонстрировала всю свою ненависть ко мне через поразительную смекалку:

– Софи! Софи! Подожди, мон-амур! Ой! Я вижу Уратмира? Да! Да! Это точно был он! Возле того самого тренировочного зала, о котором ты говорила. Вот скотина! Такой весёлый прошёл. По-моему, он даже был с какой-то мымрой...

Да, решение было хорошим, но не во всём. Теперь я был ещё и козлом, ну, тем, который скотина. По дикому крику, донёсшемуся из трубки Ларисы, всё стало понятно. Что это значит для меня? Тут всё просто. Теперь она уже не хотела сразить меня своей красотой и заставить в дикой истерике рыдать от созерцания её великолепия. Теперь она хотела просто сразить меня самым простым ударом справа или сле-

ва и заставить рыдать после применения грубой силы.

– Миша! Миша! Ты где? – прокричал я.

Вид Миши поразил ещё больше, чем идея Ларисы. Он вошёл в комнату в моём кимоно и остальной амуниции – боксёрском шлеме и перчатках, напяленном прям поверх одежды.

– Господи! Надо было ещё мои лыжи надеть! Ты теперь непобедим!

– Уратмир, ну, скучно! Мы с ребятами уже воем от безделья...

Да, им было скучно, и я это хорошо понимал. Коротая время, они хоть немного отвлекались и фоткались «вприкол».

– Да, у него не только идеи плохие! Выходки, вообще, как у психбольного!

Эти слова Ларисы обошлись Саше ещё десяткой. По его виду мы понимали, что эксцентричная особа обходилась молодому человеку неподъёмной ипотекой, и тут, скорее всего, без перекредитования не обойтись, хотя выплаты будут явно непропорциональны трудовым затратам. Такие суммы гарантировали Саше полную выработку своего трудового возраста.

– Так, Миша, где рация?

Мне надо было скоординировать последние задачи Соловья и Канарейки.

– Канарейка, ответь Гнезду.

– Канарейка на связи.

– Молодцы, хорошо справляетесь! Ставлю следующую задачу.

– Спасибо. Слушаем задачу...

– По нашим расчётам разгневанная «Ласточка» вашими стараниями прибудет в центр к 19:00 – 19:30. Доводите объект до «полицейского ареста». Потом выдвигаемся к месту основного сбора за городской Думой. Как принял?

– Принял... Гнездо! Слава богу, этот кошмар закончится.

– Что? Всё настолько плохо?

– Гнездо, здесь царство Аида! Оскорбления сыплют на нас как из рога изобилия!

– Канарейка, старайтесь обходиться без стычек?

– Конечно! Благодаря дипломатическим талантам наших крепких, но таких деликатных дзюдоистов. Они просто само очарование – своими продуманными действиями и накаченными шеями вдохновляют даже самых отчаянных задуматься о хорошем и впасть в философский вывод о том, что одна голова хорошо, а её отсутствие вряд ли ускорит работу дорожников.

– Ладно, принял! Отбой.

Мой план выходил на финальную стадию. Следующие действия выглядели немного рискованными, но с такими парнями, как в группе Соловья «Б» всё должно было получиться. Пришло время звонить Геннадию Семёновичу, без помощи которого заключительная фаза плана была бы уголовно наказуема или вообще невыполнима.

– Товарищ полковник, здравствуйте.

– Здравствуй, здравствуй, Уратмир!

– Геннадий Семёнович, Ваше время наступает примерно через полтора–два часа, жёлтая «Ламборджини».

– Хорошо, Уратмир! Сделаем в лучшем виде, как договаривались.

– Тогда отбой.

– Всё, хорошо, отбой.

Почему-то я был очень задумчивым.

– Миш, ты где? Иди сюда.

Он спешно прибежал в комнату.

– Ну что?

– Предупреди Соловья о том, что им пора выдвигаться в центр – туда, где Геннадий Семёнович будет останавливать Софию.

Михаил тут же рванул к ребятам.

– Миш, подожди, и ты тоже отправляйся с ними, проконтролируй. Дело-то наисложнейшее.

Из другой комнаты я услышал уверенный возглас:

– Уратмир, не суетись! Как можно сомневаться в отточенных умениях Ловкача и Жулика?

Да, и правда, о чём это я. Для Ловкача украсть какую-то вещь – дело совершенно несложное, даже забавное. Жулик и не только «Ламбу» угонял.

Я посмотрел на часы. Прошло два часа. Настала пора объявлять всем об их вступлении в кульминационную часть ре-

ализуемого плана действий.

– Внимание! Послушайте! Пожалуйста, прошу всех послушать! Сейчас наступает ваше время! Все выдвигаемся к городской Думе. Там находится Вадим с двумя десятками бойцов ОМОНа. Очень прошу совершенно серьёзно отнестись к его словам и точно выполнять указания. Ну, всё, в путь! Давайте, давайте! Соберитесь! И покорректнее с гражданскими. Хорошо!

Масса людей, находившаяся у меня дома, медленно, но с сильным гулом, начала движение. Я не очень надеялся на культурность этих парней и их уважительное поведение с людьми, которые вечером, ближе к одиннадцати, будут находиться в районе площади «Святого героя» и «Красноармейца». Эта задача облегчалась двумя обстоятельствами. Во-первых, ближе к полуночи в центре города прогуливающих жителей совсем мало, а во-вторых, в составе групп, которым предстояло осуществлять дипломатические беседы с прохожими, уговаривая их покинуть нужные нам улицы, входили абсолютно уравновешенные и адекватные ребята: Вадим, Миша, Артур, Саша и Арсений. В это время полиции во главе с Геннадием Семёновичем предстояло блокировать все входы в интересующий нас квартал. Да, такая затея казалась очень сложной и практически невыполнимой. Но вопреки всему, получилось так, как было задумано.

– Саш! Лариса! Подождите!

Они, чуть-чуть погодя, тоже собрались покинуть мою го-

родскую квартиру.

– Лара, солнце, по моим подсчётам и по данным Канарейки, Софию сейчас должен остановить Геннадий Семёнович. Позвони ей и скажи, что твою машину где-то с полчаса назад забрал эвакуатор, а ты теперь пытаешься её вернуть. Это нужно для того, чтобы она не заупрячилась и не начала выискивать тебя глазами.

Лариса тут же позвонила Софии, которая практически уже выезжала на центральный проспект.

– Дорогая, слушай, у меня проблемка.

– Что на этот раз, Лара?!

– Мою машину увёз эвакуатор, а я отправилась за ней.

– Подруга, сегодня и так худший день в моей жизни, который прямо с утра не задался, и ты ещё меня убиваешь.

По Ларисе было понятно, что София пребывала в совершенно подавленном состоянии. Скорее всего, она была совершенно подавлена. В этот момент я ужасно переживал и каждой клеткой ощущал всё то, что чувствовала моя любимая.

– Софи! Софи, успокойся! Я скоро! – вдруг Риска прервалась, её перебила София, – подожди, Лар, сегодня день хуже некуда. Тут полицейский машет, чтобы я остановилась.

– Ало! Ало! Софи! Софи! А-у! – с французским вкраплением и немного натягивая слово «Софи» произносила Лара.

– Что там? – спросил я, понимая, что именно сейчас Геннадий Семёнович тормозит «Ламбу».

– Ну, она сказала, что её какой-то полицейский остано-
вил.

Всё шло по плану. Я сразу же схватил рацию.

– Лариса, положи трубку! Положи, я сказал!

Мне было необходимо срочно связаться с группой.

– Канарейка! На связь Гнезду! Канарейка, на связь!

– Канарейка на связи.

– Миша, что там?

– Гнездо, это Канарейка!

– Миша, хватит! У меня уже нервов нет! Она уже там? Вы
готовы?

– Уратмир, остынь! Всё нормально! Сделаем в лучшем ви-
де.

– Надеюсь...

– Что? Прости, не понял?

– Да ничего. Всё! Отбой! Я на вас полагаюсь!

Тишина... Только тишина звенела в моём доме. Теперь
многое зависело не от меня. Очень хотелось, чтобы всё по-
лучилось...

– Полковник Андреев Геннадий Семёнович, почему на-
рушаем?

– Да... Сегодня явно не мой день. Здравствуйте.

– Такая красивая девушка, на таком симпатичном авто, а
правила не соблюдаем. Ваши документы, пожалуйста.

София с полным отчаянием достала документы и отдала
их Геннадию Семёновичу.

– София Александровна, чем Вы так расстроены? Вы, наверное, переживаете, что оказались несознательным гражданином и говорили по телефону за рулём?

София говорила таким голосом, будто сама с собой:

– По–моему, ужасней со мной уже ничего не может случиться. Знаете, у меня складывается такое впечатление, что Вы всё равно бы меня остановили с телефоном или без него.

– Будьте любезны, откройте капот, где тут у вас двигатель? Мне надо посмотреть.

Глубоко вдохнув, София вылезла из машины и подошла к заслуженному офицеру, который сверял передние номера с документами.

– Ну, послушайте, товарищ полицейский, ну, что Вам от меня надо? У меня и так сегодня день неожиданностей, неприятных неожиданностей, а тут ещё Вы! Ну, какой двигатель? Что Вы там увидите? Ну, я же не украла эту машину! Все документы в порядке, что ещё?

– Знаете, я, конечно же, не думаю, что Вы могли угнать такую машину. Это, наверное, вообще нелепо. Но вот именно сегодня ушёл точно такой же аппарат, а нам поступили ориентировки. Знаете, обычно такие девушки, как Вы, сразу же звонят своим папам или родственникам, чтобы те каким–нибудь образом оказали содействие.

В тот же момент, когда сотрудник с высокими погонами произносил речь, Ловкач делал ноги с мобильником, вытянутым из машины Софии.

– Эй, эй, что это такое?! Смотрите! Вы это видите? Ну, и что Вы стоите? София не знала, как реагировать и что делать – или бежать за наглым похитителем её телефона, или же внимать к полицейскому, который смотрел на это так, якобы был абсолютно готов к такой ситуации.

– Ну, что Вы стоите? – девушка трясла его руками, – он же внаглую утянул мой телефон!

Но ответ Геннадия Семёновича был абсолютно космическим и никак не относился к решению вопроса о мобильнике девицы.

– Без решения суда этого человека нельзя назвать вором! А такое понятие, как «жертва преступления» в нашей правовой действительности весьма опосредованно.

– Стреляйте! Стреляйте!

– В кого? – удивлённо переспросил полковник. София даже попыталась вытащить у него пистолет.

– Гражданка! Гражданка! Успокойтесь! Уймись!

– Ну, вот, он убежал! Да что ж такое?! В моей голове бардак. Я абсолютно ничего не понимаю?

Она отчаянно искала глазами Ларису возле салона красоты, но через пару мгновений вспомнила, что та при странных обстоятельствах отправилась за своей эвакуированной машиной. В момент, когда девушка уже думала, что максимальная из невозможных случайностей уже произошла, в дело вступил несговорчивый Геннадий Семёнович.

– София Александровна, мне придётся попросить Вас

проехать со мной в отдел до выяснения кое-каких деталей.

– Что? Зачем?! Как это понимать?

– Гражданочка, это лишь формальность, она не займёт много времени. В отделе есть телефон, там вы сможете связаться со своими близкими.

– Да что сегодня со всеми? Вы что, меня задерживаете? У меня только что на Ваших и моих глазах украли телефон. Преступник самым бесстыдным образом убежал, а Вы меня тащите в отдел?!

– София Александровна, отдел здесь совсем близко, буквально в ста метрах отсюда. Там Вы сможете помочь нам составить фоторобот. Это будет содействовать органам внутренних дел, являющимся частью единой системы исполнительной власти, поможет быстрее расследовать и в конечном итоге задержать причастное лицо к этому противоправному деянию.

– Если бы Вы в него выстрелили, мой телефон был бы у меня. Так, ладно, это очевидно, я не смогу никак и ничего вам доказать, да и дать показания по этому вопиющему случаю, я просто обязана! Скажите только, что мне делать с машиной?

– Да просто закройте авто и всё. Здесь, в принципе, парковочное место. Не думаете ли Вы, что у Вас и машину украдут?

Шутку Геннадия Семёновича София не оценила, ему пришлось посмеяться над ней самому. Они сели в его служеб-

ный автомобиль. Затем «тертый калач–полковник» включил проблесковые маячки.

– Скажите, а давно ли люди с такими звёздами на погонах исполняют роль обычных постовых? Раньше мне не приходилось встречать лиц предгенеральских должностей, стоящих на дороге и проверяющих документы.

Геннадий Семёнович был озадачен таким вопросом и начал бурчать всякую ерунду, пришедшую ему на ум:

– Да, вот, ситуация... Так сложилась, что грипп в городе... Многие заболели и взяли больничный... А другие все в патрулях... А случай серьёзный... Вот, пришлось самому выйти в патруль. А что, полковник уже не полицейский? Или я так старо выгляжу? Офицер – до конца жизни офицер...

Девушка сразу поняла, что задела чувства честно несущего свою службу полицейского.

– Нет, Вы меня не так поняли! С Вами всё в порядке. Просто у меня крайне неудачный день, – произнося это, она невзначай взглянула в боковое зеркало, где обнаружила свои уставшие и немного намокшие глаза.

– Почему?

– Наверное, потому, что сегодня мой день рождения...

– О! Так у Вас праздник! Поздравляю!

Тем временем они въехали на территорию центрального отдела полиции.

– Спасибо, Вы первый, кто поздравил меня сегодня лично.

– Не может быть! Такая восхитительная девушка! И что?

Вас некому поздравить?

– Очевидно так, – она была очень зажата, а её лоб был упёрт в боковое стекло, которое слегка запотело вокруг.

– Ну, а как же родители?

– Только отец, но его поздравления я жду меньше всего. Он всегда очень занят и это его главное оправдание.

Они поднимались в кабинет Геннадия Семёновича.

– А друзья? В конце концов, я не вижу кольца на Вашем пальце. Простите за личный вопрос, но у Вас же должен быть любимый человек, парень, который просто обязан Вас поздравить?!

София сначала просто промолчала, но потом эмоционально выдохнула и промолвила: «Парень обидел меня сильнее всех!».

Зайдя в кабинет, полковник повесил китель на вешалку и предложил огорчённой миловидной девушке присесть на стул.

– Знаете, София... Я же могу Вас так называть?

– Да, да, конечно.

– Так вот, мне кажется, что к концу этого изматывающего дня Вы будете самой счастливой девушкой на Земле.

Она посчитала слова старого полковника, который напоминал ей заслуженного боевого генерала войны 1812 года, воочию видевшего смерть, боль, ужас, радость победы, и взвалившего на плечи поручительство за каждого юного солдата империи, простым оптимистичным подбадривани-

ем. На них она просто усмехнулась.

– Может быть, чаю?

Кабинет офицера напоминал красавице чулан, в котором было множество нужных вещей из прошлого, покрытых толстым слоем пыли. Эта творческая захламлённость обстановки кабинета придавала неповторимый шарм умудрённости Геннадия Семёновича.

– Нет, спасибо... Могу ли я позвонить?

– Папе, наверное?

Слова полковника напрочь отбили у Софии желание куда-либо обращаться и тем более к отцу. Она была подавлена, у неё совсем опустились руки.

– Одну минуту, подождите. Посмотрю, работает ли телефон и приду.

Этот странный уса́тый полковник почему-то начинал вызывать у волшебной девушки симпатию. Она чувствовала исходящее от него тепло и доброту. Старая военная выправка делала этого колобка немного забавным.

Геннадий Семёнович вышел из кабинета и захлопнул дверь. Теперь ему нужно было тянуть время. Но вся эта затея нравилась ему всё меньше и меньше. И только пламенная речь Уратмира о том, что он любит Софию и что это лишь маленькая необходимая капля грусти в их вечной совместной счастливой жизни, заставляла старого полковника так поступать с этим чистым ребенком.

– Ну, Уратмир, если к полуночи она не превратится в Зо-

лушку, я тебя лично привлеку к общественным работам по уборке туалетов парка, – пробурчал себе под нос Геннадий Семёнович и интенсивно рванул по кабинетам.

Моя комната.

Рация, зашипев, подстегнула мои худшие опасения...

– Уратмир! На связь, это Миша! У нас проблема!

Если честно, я так и знал! Не могло всё задуманное идти как по маслу. Как оказалось, ситуация была не совсем сложной, и благодаря умению Михаила – физически заставить людей активизировать свою умственную деятельность – всё успешно разрешилось. Обо всём по порядку. А дело было так...

– Да что там у вас, Миша?!

– Уратмир, тут этот Жулик, гад, облажался... На «мокрое» меня толкает.

– Как это облажался? Он же лучший угонщик? Сам всегда и так хвастался!

– Да если бы я понимал? Копаются тут и говорит какими-то заумными словами. Говорит, что он не может открыть эту версию машины. Типа, такой пакет прошивки этого концепт-кара, ему ещё не встречался...

– Миша, мне всё равно, делай с ним что хочешь, но через три минуты он должен придумать, как это сделать!

Прошло менее минуты, а Мишаня снова вышел на связь:

– Уратмир, всё нормально, он сообразил.

Никогда не сомневался в умении моего сильного и духовитого друга добиваться успешного результата.

– Миш, пусть Софии отнесут телефон, только симку оттуда вытащите и отдайте его Геннадию Семёновичу! Да, и машину нужно доставить к консерватории, понял?

– Всё понял! Уратмир, а тебе не интересно, как мы решили вопрос с тачкой?

– Миш, мозга у этого плута хватило бы только на вызов эвакуатора, который и отвезёт её куда надо. Только проследи, чтобы всё было в норме с дорогостоящим средством передвижения. Короче, сделайте всё очень аккуратно, в вашем распоряжении целый пустой центр города.

– Уратмир, а ты не мог сразу сказать об этой идее, мне бы не пришлось прикладываться к этому прохиндею.

– Миш, поверь, ему это было просто необходимо. Да и заслужил. С тобой всё! Спасибо...

– Да, ты прав, отбой...

Геннадий Семёнович вернулся в кабинет. На его старом скрипучем диване, свернувшись калачиком, дремала София. Полковник на цыпочках, как любящий отец, накрыл её своим кителем и положил её мобильный телефон на стол.

Время неумолимо шло. Постоянные доклады всех групп не давали мне повода расстроиться. К одиннадцати вечера центр был пуст, а я стоял у начала главной авеню и шептал ободряющие слова высокому, белоснежному, орловскому рысаку. До этого дня я очень редко ездил верхом. А тут

мне предстояло скакать на этой великолепной лошади целые сто пятьдесят метров.

Вообще, ретивый конь восхищал меня. За массивными, но грациозными формами читалась лёгкость и стремительность его нрава. В этом уникальном представителе великой породы текла кровь азартного победителя. Наездник рысака предупредил меня о том, что горделивый красавец позволит себя оседлать только тому, кто ему нравится.

Я не искал лёгкого пути... Мне очень хотелось появиться перед Софией на достойном, молодом, дерзком скакуне. К счастью, наши пылкие души были родственны. Чудесное творение природы так же, как и я, без капли сомнения рвалось в бой. Ему так же, как и мне, не терпелось обуздать свою волю.

Геннадий Семёнович бродил по практически пустому отделу... И вдруг ему позвонил я.

– Товарищ полковник, пора!

– Ну, Уратмир, обидишь такую девушку ещё раз, не знаю, что с тобой сделаю!

– Рад стараться не обижать, товарищ полковник! – ответил я.

Полковник тут же рванул к себе в кабинет, и не спеша подошёл к своему столу. Взяв свою бриаровую трубку и сев за стол, Геннадий Семёнович включил старую настольную лампу. Тускло-зелёный свет придавал этому кабинету особый шарм эпохи чёрных сюртуков и коптящих свечей. Негром-

кие потягивания трубки стародавним офицером пробудили Софию.

– Сколько время?

– Где-то начало двенадцатого.

Свежий аромат древесины дурманил сознание. Эти дымные ароматы не давали молодой девушке сразу сосредоточиться.

– Товарищ полковник, извините, я заснула.

– Ничего–ничего. Пока ты спала, мы нашли твой телефон. Вот он!

Это известие и лежавший мобильник перед её глазами немного ускорили мыслительные процессы в её голове.

– Да?! Большое спасибо. Вот это неожиданно! Извините меня ещё раз за недоверие органам внутренних дел, Вы настоящий профессионал.

– Да, ну? Что Вы? Кстати, вот Ваши документы. Всё в порядке, спасибо за содействие. Вы можете идти.

Девушка не спеша взяла телефон и направилась к выходу. Только по пути повесила китель Геннадия Семёновича назад на вешалку.

– София Александровна, может, Вас довезти или сопроводить до машины.

– Нет–нет, не надо, тут пять минут ходьбы. И, вообще, я хочу чуть-чуть подышать свежим воздухом, чтобы совсем проснуться. Прощайте...

Выйдя из отдела, девушка не заметила, что улицы пусты

и безлюдны. Сжавшись от ночной прохлады, София медленно двигалась к площади. Пройдя несколько шагов, она обнаружила, что ее машина исчезла. «Ласточка» стала оглядываться вокруг себя с вопрошающим взглядом, но вокруг были только огни декоративного города и яркая подсветка витрин. По её щеке катилась слеза. Сняв туфли, она оперлась на клумбу, преграждающую проезд на площадь. И вот, настал момент моего выхода.

Громкий стук копыт рысака облетел пустой центр и заставил юную, поникшую от безысходности особу обратить на это внимание. Я старался подъехать к ней как можно быстрее. Боже, что творилось у неё в душе! Я спрыгнул с рыска и увидел в её наполненных слезами глазах гнев и ярость. В тот же миг свободолюбивая, темпераментная и, несомненно, настойчивая девушка с отчаяньем бросила свои туфли в сторону.

– Гад! Сволочь! Где ты был?! Где ты был?! Где ты был...

Я нежно прижал её к своей груди. Горькие слёзы полились водопадом и намочили мою рубашку.

– Тише, тише, успокойся...

– Ты хоть знаешь, как я тебя ждала?

– Знаю, малыш, знаю. Поехали.

– Куда? Зачем? На нём?

Я приподнял её и посадил на лошадь. Она вцепилась в меня, а её носик уперся мне в грудь:

– Куда мы едем? – спросила она, не поднимая глаз и по-

шмыгивая носом.

- Мы едем отмечать твой день рождения.
- Знаешь, я никогда не ездила верхом.
- Если честно, я тоже сижу как в первый раз.
- Но у тебя хорошо получается.

С каждой секундой я всё больше понимал, как она мне дорога. Какого ангела подарила мне жизнь.

– Солнышко, ты даже не хочешь посмотреть по сторонам. Оглянись, посмотри, какая прекрасная ночь! Вокруг ни единой души, и этот полумесяц светит только для тебя.

Она только муркнула и ещё крепче упёрлась в меня холодным и мокрым носом.

– Ну, что ты, лапа? Что ты?

– Не хочу никуда смотреть, не нужна мне эта ночь, мне вообще ничего не нужно, кроме тебя. Ты мне нужен! Ты мой воздух, ты моя ночь, ты моя жизнь!

Сколько должно быть у человека сил, чтобы сказать такое. Я в очередной раз убеждался, что со мной был особенный человек для особенной жизни. Она произнесла эти слова тихим хлюпающим голосом, разорвавшим все оковы, позволив моей душе воспарить в небеса. Мы подъехали к статуе «Красногвардейца», там нас ждали все самые близкие друзья Софии, которых спешно вызвала Лариса. К слову, их было всего пару человек. После подаренных подарков и поздравлений та, в ком я души не чаял, немного пришла в себя и начинала улыбаться. С этого места открывался замечательный

вид на один из районов города.

– Софи, иди сюда и, пожалуйста, позови всех.

Ребята разместились у края обрыва, устремив взгляды на старый город.

– Смотрите! – я указал пальцем в сторону горизонта...

– Куда смотреть?

Неожиданно всех нас оглушил громкий залп орудий. Высоко в небо полетела ракета. Взрыв в чистое ночное поднебесье, она разорвалась огромным ослепительным зелёным шаром. Это был салют в честь дня рождения. Пока они, затаив дыхание, с перерывами на бурю эмоций смотрели на красочный салют, я уже ждал подъезда последнего чуда. Как только красочное действие было закончено, София со счастливыми глазами стала выискивать меня. Развернувшись, милая девушка увидела карету и застыла в полном изумлении.

– Уратмир, что это?

Я не спеша подошёл к ней. Она закрывала руками лицо, пытаясь понять, где явь, а где сон.

– Эта карета привезёт нас прямо к подарку, который я тебе приготовил.

Действительно, этот экипаж был похож на ярко-синее облако, прицепленное золотыми цепями к сказочным единорогам, с яркими пушистыми синеватыми хохолками. Абсолютно воздушный экипаж напоминал озорное облако, спустившееся с небес.

– Мы поедem в ней?

– Мы в ней полетим.

Азарт возбуждал желание солнечной девушки. Для неё все эти вещи были в новинку. Но по сиянию её глаз я понимал, что попал в самую точку загаданных желаний моей принцессы. Паж открыл нам дверь и пригласил в продолжение сказки. Тёмно-синий бархатный интерьер яркой кареты уносил нас во времена королевской Франции.

– Уратмир, куда мы едем? Боже!

– Потерпи немного! Дай мне побыть таинственным!

Она покивала головой и опять прижалась ко мне. Мы ехали молча, не желая нарушать сладкий перезвон ударов копыт. Эти звуки будто бы переносили нас во времена французских речей и пышных балов. Мы оба хотели насладиться этим мгновением. Ведь наша жизнь, прошлая жизнь, вообще не подразумевала таких необыкновенных событий. Вдруг карета остановилась. Паж открыл легкую в своих узорах дверь.

– Послушай, это же наша филармония! Что мы здесь делаем?

– Опять вопросы?

– Прости, это простое любопытство.

– Ну, идём! Скорей! Утолим твоё любопытство.

Каждый раз, как только я смотрел в её сияющие глаза, моя грудь наливалась странным теплом, от которого хотелось творить чудеса. Держась за руки, словно дети, мы бросились по порожкам к открытой двери.

– А почему филармония открыта ночью?

Не отвечая на этот вопрос, я экспромтом поцеловал её на бегу и опять потащил за собой. Вбежав в центральный зал, мы сразу же почувствовали изысканно—благородный аромат этого места. Приглушенный свет, напоминал нам о том, что мы находимся в загадочном мире звуков, где искусство одурманивает с каждым своим вздохом. Весь интерьер: от ярко—красных стульев партера до высоких потолков с громоздкими узорчатыми люстрами, был пропитан тонким чувством музыки. Я пробежал вперёд по центральному проходу к сцене и, развернувшись к ней, сказал:

— Слышишь?

— Нет. Что?

— Аплодисменты, которые приглашают тебя на сцену.

Мои громкие хлопки прогнали меланхоличную досаду. В этот момент огромный красный занавес распахнул нам тёмную, выдающуюся сцену, где в неуловимых бликах света парили пылинки.

— Выступает София Александровна! Просим! Просим!

Несколько прожекторов осветили одиноко стоящий хрустальный пюпитр с нотами и изящную редчайшую скрипку. Жестом невербального общения я старался пригласить её подняться на сценическую площадку.

— Уратмир, я же тебе говорила, что боюсь играть на сцене, именно поэтому я не стала скрипачкой.

Тут же, подбежав к ней и взяв за руку, я прошептал:

— Знаешь, что я хочу подарить тебе? — в этот момент мы

неспешно поднимались по ступенькам.

– Знаешь, самое большое счастье для музыканта – это то, чтобы его слышали как можно больше людей. Каждый артист хочет донести людям свою любовь, своё умение и, подарив счастье, погрузить человека в гармонию истины. Но самое печальное заключается в том, что эту музыку слушают только те, кто и так находится в «согласии». Эти люди слышат любовь и живут в любви, а некоторые эту любовь никогда не слышали и они не могут понять суть музыки жизни. Они никогда не придут на концерт и не познают высочайшую гармонию сфер. У тебя же есть возможность подарить свою любовь мне. У тебя есть возможность сыграть для человека, который хочет услышать твою любовь и пустить её в своё сердце. Я тот самый человек, для которого ты можешь сыграть. Поверь, я пойму твою живую суть. Только я могу насладиться этой истиной. Ничего не бойся, играй мне, играй для меня, только я смогу услышать в твоей музыке правду этой жизни.

Эти мгновения как для меня, так и для неё изменили очень многое. Это был таинственный момент. Пространство исказилось настолько, что казалось виднелась суть правды сладкогласия для нас.

Она взяла скрипку, словно хрупкое стекло. Её застенчивые жесты таили много пылающих ответов на все мои вопросы. Тонкий звук уставшей скрипки пронзил моё представление о прекрасном. Я слушал, не отводя глаз, и понимал, и

чувствовал её откровенные ответы. Извлекаемое из скрипки благозвучие рождалось сгустком ярких эмоций, которые да-
рились только тому, кто мог их слышать. По окончании ис-
полнения произведения глаза Софии светились чем-то но-
вым, нужным и важным именно для неё. И тут сверху посы-
пались конфетти, а я подарил ей огромный букет белых роз.

– Спасибо, Уратмир, спасибо за счастье!

– Теперь, дорогая, ты имеешь собственное право выбора,
и никто, даже твой отец, не сможет навязать тебе своё пред-
ставление. Ты свободна! И любима!.. Мной любима! – мы
снова поцеловались.

– Ты – мой выбор. Ты! Я хочу, чтобы все это услышали.
Только ты! – громко прокричал я. Мы тут же залились счаст-
ливым смехом от того, что мы есть, что есть наша любовь.

– Поехали домой?

– Так это ты украл мою машину?

– Сознаюсь, всё я! И не только это. Мне даже удалось
освободить центр города и всё для тебя.

– Ты сумасшедший!

– Я сошёл с ума от любви к тебе. И готов всем сказать об
этом.

– Уратмир, тогда поехали быстрее, а то чем дольше мы
здесь, тем хуже людям, которые просто хотели погулять но-
чью.

– Да, поехали, я тоже так думаю. Но не забывай: я люблю
тебя, моя девочка!.. Очень! Очень! – я снова прокричал это.

Этот день и его ночь начинались так по-разному, но закончились нашей любовью.

Я проснулся раньше, чем София. Её нежное тело было мягче шёлкового одеяла. Мне хотелось просто смотреть на неё и не спугнуть сновидения. Лучи утреннего солнца, проникающие в комнату, не могли сравниться с бархатным загаром моей милой красавицы. Мне безумно хотелось что-нибудь для неё сделать. Моей фантазии хватило максимум на банально простой завтрак в постель, состоящий из яичницы, гренков, салата из помидоров со сметаной и крепкого кофе. Мой выбор пал на эти блюда неслучайно, не умея готовить и являясь плохим поваром, для неё и ради неё нужны были простые, вкусные и быстрые в приготовлении яства. Прибежав на кухню, я сразу заметил, что масса продуктов к моим задумкам в холодильнике отсутствует... Единственным выходом из этой ситуации становилась быстрая пробежка в ближайший гастроном, который, к счастью, находился неподалёку от её дома.

Надев только штаны и схватив свой бумажник, я рванул в магазин. Захлопнув калитку, мои глаза почему-то заметили большой чёрный фургон, напоминавший мини-автобус. Такие обычно используют спецслужбы в своих операциях. Где-то в подсознании мелькнула мысль: «Это за мной. Из-за того, что я устроил в центре». Но, увлечённый другим, не предавая интуиции сильного значения, бросился закупаться. Я лихо управлялся с тележкой в безлюдном магазине и буквально

в считанные минуты набрал всё, что было необходимо. На кассе девушка была очень удивлена моим помятым от подушек видом и голым торсом. Но ещё больше её удивляли двое крепких мужчин в чёрных классических костюмах и таких же дурацких чёрных очках. Она постоянно косилась то на меня, то на этих двоих, державших в руках только жвачку. Мне тоже эта пара показались очень странной, ну, хотя бы потому, что они пристроились в очередь за мной, а ещё три кассы, работающие рядом были абсолютно свободными?

– С Вас шестьсот десять рублей, – отчеканила кассир.

– Вот, возьмите, сдачи не надо.

Схватив пакет, я бросился к выходу. Но за дверями дороги мне перегородил ещё один человек со странной тонировкой на глазах.

– Уратмир Ярославович? – грубым басом задал мне вопрос «Тонировка».

– Да. А Вы кто?

Я торопился и этот вопрос задал по инерции, вовсе не желая знать ответ. Меня удерживала его рука, а эти двое со жвачкой технично преградили мне путь.

– Уратмир Ярославович, Вы сдавали кровь 09.07.2018 года в восточном районном донорском центре?

– Послушайте, что за вопрос? Мне некогда! Отойдите или это всё плачевно для вас закончится.

Я всегда старался придерживаться поговорки: «Лучше худой мир, чем хорошая война», но сейчас решился припуг-

нужно. И тут прямо мне под нос вылетела гранатовая корочка секретных спецслужб.

– Уратмир Ярославович, мы Вас долго не задержим. Ответьте нам на заданный вопрос и можете быть свободны.

Тогда я так торопился, что мне не показалось странным, что в семь утра трое в тонировке тычут документами; не показалось странным, что им просто нужно знать, сдавал ли я кровь икс какого-то числа; не показался странным вопрос содержащий фразу: «Мы вас отпустим». Хотя, мягко говоря, это было из ряда вон...

– Послушайте, ну, я не помню. Я регулярно сдаю кровь! Ну, да! Наверное. Да! По-моему, да! Да, да, точно, сдавал. Ну что всё?

– Да, Уратмир Ярославович, Вы правы. Всё!

Странная колющая боль пронизала моё плечо. Сознание стало терять реальность этого мира. Сумка с продуктами упала на асфальт.

«Что же появилось первым? Кто был первым? Что мы? Кто мы? Кто нас создал? Парадокс?», «Кто это спрашивает? Отвечай». Смех, только смех в пустоте, вдалеке, вблизи, смех везде...

– Кто это смеётся? Выходи...

– Куда выходить?

– На свет!

– А как он выглядит?

– Зачем ты смеёшься надо мной?

– Я смеюсь над собой...

– А зачем ты смеёшься над собой?

– Просто я знаю ответы на твои вопросы...

– Ты знаешь ответ на вопрос: «Что было до того, когда ничего не было?»...

– Да, знаю...

– Ты не можешь этого знать...

Смех, смех, опять этот смех...

– А зачем ты спрашиваешь то, чего, по–твоему, никто не может знать?

– Я хочу это знать, чтобы понять, зачем это «всё». «Всё» вокруг нас и в нас...

Опять смех...

– Меня зовут Парадокс...

– Какое странное имя, кто тебе его дал?

...Смех, смех, какой пронзительный смех...

– Мне дал его ты...

– Но как? Когда?

– Тогда, когда ничего не было...

– Но ведь тогда ничего не было?

...Смех, громкий смех...

– Тогда был наш разговор...

– Какой разговор?

– Твой, этот!

...Смех...

– Да где же ты? Кто ты? Покажись!

Уратмир пробудился и открыл глаза:

«Голос», который «Вы» слышите, находится где-то рядом. Но его вызывающий посыл доносился из грядущего. Не из прошлого и не из настоящего. Он не смешивался с тенями ежедневных внешних голосов и не выглядел как мнение повседневности. Неожиданно из смутного изготовленного твердой и жидкой средой и заваленного переживаниями разума «Вас» озаряет удивительная мысль: оказывается, «Вы» не можете отказаться его слушать. Оглянувшись по сторонам, словно выискивая знакомые черты, «Вас» следом обременяет лишь догадка, что у «Голоса» нет рассказчика.

Вроде умом пытаешься обнаружить свои руки, а они ускользают, но громоздкая дверь, подле которой явно находишься «Ты», по-настоящему здесь. Прилагая усилия, твоя ладонь все же опирается на препятствие. Прикосновение к преграде воссоздало разуму круговорот отдельных ощущений. Двухстворчатая дверь, расположенная в несуществующем дверном проёме, была высока, а капельки влаги от холода стекали по шероховатой поверхности в туманную пелену бурого цвета. Ещё секунда – «Вы» начинаете понимать, что странный, и пока непонятно о чём говорящий «Голос», возможно, принадлежит «Вам».

– Вселенная обширна и представляет необъятное про-

странство, где в одиноких пустотах свет причудливо ныряет в кромешную тьму. Какая она? Правда, она так хороша и для тебя? Настанет час, *вообрази*, когда можно увидеть, почувствовать грани неуклюжей модели. Наступит время узнать, можно ли увидеть так далеко, *туда*, где космоса нет. Есть ли граница объяснимого, *каковы* за ней условия для измерения? Наступает ли туда удобное для тебя пространство, со своими законами и силами? Посмотрит ли кто либо на тебя оттуда?

«Голос» становится всё громче. Ты упираешься в створки сторожевой двери второй ладонью, а сковывающий холод из внешнего мира от активного физического контакта охватывает и пронизывает руки, но распахнуть двери не удаётся. «Вы» с нескрываемым интересом вслушиваетесь и пытаетесь понять, что ему от «Вас» всё-таки нужно. Какой ответ он требует?

– Какой ты в этом пространстве? Ты разум или душа? Или управляемая судьбой кукла? Какова твоя роль в этой бесконечности? Почему так Важно иметь смысл существования?

«Голос» вновь и вновь пытается вызвать «Вас» на разговор, задавая оппонирующие, на первый взгляд, вопросы. Эти безжалостные попытки обнаружить границы воли. Нащупать постижимый смысл. «Вы» способны знать такой ответ? С предельной ясностью для себя пробуешь комментировать острую очевидность.

– Кто ты? Кто я? Зачем ты здесь? – Эти вопросы заведомо вызывают у «Вас» раздражение. Почему здесь эта массивная дверь? – посмотрев в обе стороны, рассуждаешь ты. Место подключает твой рассудок, а он нейтрализует бессмысленное противоречие посредством общего материального естества: «У «Вас» нет права отвечать за то, что предложено вспомнить так, как написано».

Где-то под кожей сомнения охватывают тебя. Ох, эти настоящие тревоги о том, кто ты, раб или свободный. Стоит ли попытаться выбраться, или план настолько коварен, что матрёшка имеет слишком много вложенных реальностей. «Вы» начинаете дергаться. Проходит несколько секунд. Всего лишь несколько секунд... А ведь это то самое время, в момент которого «Вы» «попытались»! Это то время, когда «Вы» смогли задать правильные вопросы, это то время, когда вопрос имеет смысл... Для тех, кто верит в предопределённость, вопрос не имеет смысла, когда на него есть ответ, являющийся причиной вопроса.

– Стоп! Я – это я! Что за глупости? Какова моя роль?.. Как это, кто я? После этих бессмысленных секундных рассуждений «Вам» на помощь приходят собственная личность, жизненный опыт и воспоминания, позволяющие обрести патент на тот ответ, который позволен. Последние химические

реакции детерминируют миропонимание, сидящее в «Вас» на генном уровне и проявляющееся в каждом вздохе, в каждом пойманном взгляде, в каждой окраске цвета, в каждом съеденном продукте, в каждом естественном прикосновении к объективности, называемой реальностью. Познание дает право выбора, делает жизнь непредсказуемой, безропотно, по каким-то немислимым причинам, осуществляет процесс получения действительности. Но так ли это очевидно? «Ваше» право на ответ заканчивается там, где ответ может превратиться в претензию на правильный вопрос, – в этом и есть суть допущений, рассеивающих смысл вашей жизни.

Переводя свой взор с усталой, но крепко запертой двери, на старинный чайный столик, сделанный из цельного массива дуба, который отбросил тебя в уютное оформление шоколадно-ореховых тонов этого деликатного предмета мебели. Обманом выскользнувший из пустоты изящный столик комфортно обрел свое место в физической типичности. Его круглая столешница изысканно возвышается на одной вытянутой ромбовидной ножке. Притягивающий уют по твою сторону дверей цеплял ощущения мнимым удобством. Венчает плоскость интерьерного постамента обычный стакан ароматного чая в латунном подстаканнике с отчеканенным рисунком опадающих дубовых листьев. Традиционно такие приборы используются в пассажирских вагонах при сервировке. Приблизившись неспешным шагом, прогнавшим бурый туман от своих стоп к чаю, окутанному ароматным запа-

хом, ты обращаешь своё внимание на десертную ложку. Но привлекает не она и её зеркально гладкий облик. Приблизив руку к пару из богатого оттенка запаха, ты невольно вглядываешься в кирпично-красный отвар. Сорт чая, его вкус, а также разбухшие и оседающие чайники отходят на второй план, а твои глаза не могут поверить в происходящее: «Это ошибка! Ложка не преломляется? Но ведь она, погруженная в стакан с отваром, должна восприниматься как надломленная?».

– Что еще не так? – интересующимся эхом донеслось с той стороны двери.

«Мне нужна правда!» – истощённо потупив взор и сокрушаясь, произносишь ты. «Я уже замечал подобную иллюзию, замену, ошибку: длинная, широкая улица расстелила свои уходящие за горизонт полосы движения. Гул большого города застал меня у выхода из метро. Высотки встречали отсутствием приличия в своих размерах. Тусклый тротуар был продолжением моего повседневного пути, навечно погруженный в тень от ледяных небоскрёбов, выкованных из бетона и стекла. В одинаковом мире, среди одинаково разносторонних людей, мне всегда было изнурительно *трудно* жить. Прошагав вперед, обречённо следуя плану на день, который постепенно превращался во взрослую жизнь, я уперся в дорожный знак обхода. Там, где ежедневно протапывали

брусчатку десятки тысяч жителей, стоял временный указатель, сигнализирующий об опасности и ремонте. Строительные леса огораживали строящийся челоуейник. Башенный кран, отражающий принцип «выше здание – выше кран», возводил строение ударными темпами. Но именно сейчас раздался пронзительный стальной треск разрыва грузовой лебёдки. Канат, толщиной с мужскую кисть, лопнул. Поднимающийся строительный материал, состоящий из десятка мешков с цементом, незамедлительно оборвался вниз. К счастью, мешки упали в место, заблаговременно ограждённое от пешеходов. Грохот от ЧП лишь ненадолго обратил на себя внимание жителей. Шум вызвал у горожан легкий испуг и небольшую заминку в графике своего перемещения для фиксации события на телефон. Блеклая суতোлка рабочих в оранжевых жилетах быстро разошлась. Мне же было не по себе. Я не мог поверить в то, что увидел. Один из одинаковых мешков падал гораздо быстрее остальных. Он словно набирал скорость. Его падение напоминало желание ускориться. Он будто бы предпочёл игнорировать законы физики».

На твои воспоминания, реагирует «Голос», демонстративно обращаясь к твоей памяти:

– Парадокс, не правда ли?

– Но ведь это было наяву. Должно быть по-другому, это ненормально, пребывая в сомнении, отвечаешь ты в никуда,

осматривая наглухо запертую дверь.

– Спроси ещё! Спроси то, чего страшишься... – «Голос» по ту сторону цеплял упрямством.

Память вновь подверглась искушению.

– Ответ, я реален или нет? – едва дыша, молишь ты

– Хм, странно... Что может дать ответ над этой дилеммой: «Реален или Нет»? – риторически бравируя, раздалось с наружи

– Мне кажется, что я не могу сам ответить на это из этого места, где нахожусь...

– Там у тебя, этот вопрос не имеет «значение». Но имеет «значение» этот: действительность в которой ты существуешь, твой это выбор? – «Голос» терзал сознание, а уста не могли возликовать от явного ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.